

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2020 / № 4 (20)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2020 / № 4 (20)

THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

**В журнале размещены статьи участников
V Денисовских чтений
(г. Москва, 12 октября 2020 года)**

**The journal contains articles of participants
V Denisov readings
(Moscow, October 12, 2020)**

Теория государства и права

VI Международная научно-теоретическая конференция «Политика, власть, право, демократия в современном мире»

28–29 мая 2021 года

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Современное российское право», «Вестник Института права Башкирского государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право», «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика) 12 октября 2020 года проводят VI Международную научно-теоретическую конференцию **«Политика, власть, право, демократия в современном мире»**.

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

Регистрация: 9.30–10.30, начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции (возможно заочное участие), пройдя электронную регистрацию до **15 мая 2021 года** на сайте: www.matgir.ru (Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права) или по электронной почте: SVKomarov2008@yandex.ru

Тему выступления и тезисы доклада надо направить до **20 апреля 2021 г.** в электронном виде по адресу: SVKomarov2008@yandex.ru и в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12.

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в журналах по тематике конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ).

Материалы конференции будут размещены в журналах «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Современное российское право», «Вестник Института права Башкирского государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право», «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика).

Рассылка журналов и Сертификата участника конференции

Рассылка журналов авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться согласно заявкам централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 30 июля 2021 года.

Theory of State and Law

VI International Scientific Conference "Politics, power, law, democracy in the modern world"

28–29 may 2021 года

Interregional Association of Theorists of State and Law, editorial boards of the journals "Theory of State and Law", "Legal Thought", "Modern Russian Law", "Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University", "Bulletin of Kostroma State University", "Vector of Science of Togliatti State University", "Migration Law", "Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores" (Mexico) On October 12, 2020, the VI International scientific-theoretical conference "Politics, power, law, democracy in the modern world" is being held.

Doctors and candidates of sciences, postgraduate students (adjuncts) and applicants, students, practicing lawyers are invited to make reports.

Registration: 9.30–10.30, the beginning of the conference: 10.30, break: 13.00 – 14.00, the end of the conference: 16.00.

The working languages of the conference are Russian and English.

Travel and accommodation by foreign and nonresident participants are paid and organized independently.

We ask you to confirm your participation in the conference (participation in absentia is possible) by passing electronic registration before May 15, 2021 on the website: www.matgip.ru (Interregional Association of State and Law Theorists) or by e-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

The topic of the speech and the abstracts of the report must be sent by April 20, 2021 in electronic form at the address: SVKomarov2008@yandex.ru and in print at the address: 119415, Moscow, st. Udaltsova, house 19, building 1, office. 12.

Russian science citation index

Information about materials published in journals on the subject of the conference will be posted in the E-library system (RSCI).

The materials of the conference will be published in the journals Theory of State and Law, Legal Thought, Contemporary Russian Law, Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University, Bulletin of Kostroma State University, Vector of Science of Togliatti State University, Migration Law, Dilemas contemporaneos-educacion-politica-y- valores (Mexico).

Sending out the journal and Certificate of the conference to participants.

Distribution of the journal to authors who ordered the printed version together with the Certificate, it will be made centrally, via Russian post, by a simple parcel after June 15, 2021.

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15];

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 506 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Статьи на русском (английском) языке можно направить также на электронный адрес редакции журнала «Теория государства и права» matgip2017@yandex.ru

6. Фотография автора (5 x 6 см.) – по желанию.

7. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

Стандарты оформления материалов

1. Материал должен быть подготовлен и отправлен на модерацию в формате .doc либо .docx;

2. Языки материала – **русский** либо **английский**;

3. Размер страницы – А4, ориентация – «Книжная»;

4. Поля страницы: Верхнее – 20 мм, Нижнее – 20 мм, Правое – 20 мм, Левое – 30 мм.;

5. Отступ первой строки абзаца слева (красная строка) – 1,25 см;

6. Первый абзац – ФИО авторов (выравнивание по правому краю);

7. Второй абзац – Наименование организации, страна, город, электронный адрес (E-mail) (выравнивание – по правому краю);

8. Третий абзац – Полное название темы статьи (выравнивание по центру, начертание полужирное) на русском и английском языках;

9. Далее аннотация и ключевые слова на русском языке и английском языках;

10. Затем текст статьи (междустрочный интервал – 1,5 строки, выравнивание – по ширине, без переносов);

11. Во всем тексте статьи шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль;

12. Библиографический список используемой литературы: каждый источник должен быть написан с новой строки. Необходимо указать полное наименование источника и авторов.

13. Как только статья будет проверена рецензентами и рекомендована к публикации, автор получит сообщение о принятии материала и стоимости организационного взноса с указанием на порядок и реквизиты оплаты.

14. Телефон для связи: +7 (985) 763-2835 (Комаров Сергей Александрович).

REQUIREMENTS for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

- In the text [8, p. 15].

- In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. – M.: Publishing House "Yurait", 2019. – 506 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Article sent by E-mail: matgip2017@yandex.ru

6. Photo of author 5 x 6

7. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Material design standards

1. The material must be prepared and sent for moderation in .doc or .docx format;

2. Material languages - Russian or English;

3. Page size - A4, orientation - "Portrait";

4. Page margins: Top - 20 mm, Bottom - 20 mm, Right - 20 mm, Left - 30 mm .;

5. Indent of the first line of the paragraph to the left (red line) - 1.25 cm;

6. The first paragraph - the names of the authors (alignment to the right);

7. Second paragraph - Name of organization, country, city, e-mail (alignment - right);

8. Third paragraph - Full title of the topic of the article (center alignment, bold style) in Russian and English;

9. Further annotation and keywords in Russian and English;

10. Then the text of the article (line spacing - 1.5 lines, alignment - in width, without hyphenation);

11. In the entire text of the article, the font is Times New Roman, the font size is point size;

12. Bibliographic list of used literature: each source should be written on a new line. You must indicate the full name of the source and authors.

13. As soon as the article is checked by reviewers and recommended for publication, the author will receive a message about the acceptance of the material and the cost of the registration fee, indicating the procedure and payment details.

14. Phone for communication: +7 (985) 763-2835 (Komarov Sergey Alexandrovich).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Комаров Сергей Александрович** – председатель оргкомитета конференции, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Современное российское право», помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

2. **Кари Сюнберг** – сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c. of Law (г. Хельсинки, Финляндия), доктор honoris causa Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург).

3. **Хабибулин Алик Галимзянович** – сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

4. **Ревна Мария Борисовна** – учредитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

5. **Груздев Владислав Владимирович** – проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

6. **Комаров Владимир Сергеевич** – главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

7. **Ирошников Денис Владимирович** – доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

8. **Комарова Татьяна Львовна** – проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заместитель главного редактора журнала “Law and Power”, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

9. **Полищук Николай Иванович** – вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия).

10. **Липинский Дмитрий Анатольевич** – профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, зам. гл. редактора журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия).

11. **Мицкая Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Республика Казахстан); профессор кафедры конституционного и административного права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

12. **Сальников Виктор Петрович** – Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор

Theory of State and Law

журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

13. **Галиев Фарит Хатипович** – заведующий кафедрой теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

14. **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** – заведующий кафедрой российского права, профессор кафедры теории права и юридической логики, заместитель декана по науке Юридического факультета Лазарски университета (Республика Польша), кандидат юридических наук, доктор PhD Law, доктор honoris causa Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор.

15. **Мартьянов Александр Геннадьевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

Информационные партнеры

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Вестник
Костромского
государственного
университета

Журнал
«Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал
«Вестник
Института права
Башкирского
государственного
университета»

Компания
«Консультант-
Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал
«Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

На обложке фото Денисова Андрея Ивановича

Теория государства и права

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Абрамов С.А.</i>	Всеобщий интеллект как элемент доктрины интеллектуальных прав.....	17
<i>Боброва Н.А., Хачатуров Р.Л.</i>	Сущность юридической ответственности	26
<i>Винокуров В.А.</i>	Проблемы правового регулирования, возникающие при ликвидации нового вида чрезвычайных ситуаций.....	49
<i>Досанова Ф.П.</i>	Юридическая ответственность должностных лиц органов публичной власти в Казахстане	61
<i>Ивлиев П.В.</i>	Регистрация на сайте СМИ и требования к персональным данным в российском законодательстве.....	72
<i>Ирошников Д.В.</i>	Информирование и безопасность личности: теоретико-правовой аспект.....	83
<i>Кузьмин И.А.</i>	Реализация юридической ответственности в правоохранительном блоке механизма правового регулирования.....	101
<i>Куксин И.Н., Хода В.Д.</i>	Цифровизация – новая реальность в праве и новые угрозы.....	115
<i>Липинский Д.А., Макарейко Н.В.</i>	Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности.....	141
<i>Логинов С.Н., Филимонов Д.Г.</i>	Правовая культура и ее роль в правовом государстве.....	167
<i>Орлова А.А., Бутенко Т.П.</i>	К вопросу о понятии и функциях правосознания	183
<i>Полищук Н.И.</i>	Злоупотребление правом как особая форма реализации правовых норм.....	191

Theory of State and Law

<i>Толченкин Д.А.</i>	Государственно-правовая экспансия.....	199
<i>Сквозников А.Н.</i>	Содержание понятия «вина» в источниках русского права XI–XVII вв.....	207
<i>Сомик К.В., Хабибулин А.Г.</i>	Совершенствование противодействия экономической преступности, использующей возможности сети Интернет и криптографических средств	220
<i>Чернышов А.В.</i>	Приказ в системе нормативных правовых актов: общетеоретический аспект.....	232
ПЕРСОНАЛИИ		
<i>Комаров С.А. Воробьев С.М.</i>	Юбилей Полищука Николая Ивановича (к 60-летию со дня рождения).....	243

Теория государства и права

CONTENT

Pages

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE; HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES

<i>Abramov S.A.</i>	General intelligence as an element of the doctrine of intellectual rights.....	21
<i>Bobrova N.A., Khachaturov R.L.</i>	The essence of legal responsibility	38
<i>Vinokurov V. A.</i>	Problems of legal regulation, arising during liquidation a new type of emergency situations.....	55
<i>Dosanova F.P.</i>	Legal responsibility of officials of public authorities in Kazakhstan.....	66
<i>Ivliev P.V.</i>	Registration on the website of the media and requirements for personal data in Russian legislation.....	77
<i>Iroshnikov D.V.</i>	Informing and personal safety: theoretical and legal aspect.....	92
<i>Kuzmin I.A.</i>	Implementation of legal responsibility in the law enforcement block of the mechanism of legal regulation	108
<i>Kuksin I.N., Khoda V.D.</i>	Digitalization - a new reality in law and new threats	128
<i>Lipinsky D.A., Makareiko N.V.</i>	Legal responsibility in the mechanism of ensuring national security.....	154
<i>Loginov S.N., Filimonov D.G.</i>	Legal culture and its role in a legal state.....	175
<i>Orlova A.A., Butenko T.P.</i>	On the question of the concept and functions of legal consciousness.....	187
<i>Polishchuk N.I.</i>	Abuse of law as a special form of implementation of legal norms.....	195
<i>Tolchenkin D.A.</i>	State and legal expansion.....	202
<i>Skvoznikov A.N.</i>	The content of the concept of "wine" in the sources of Russian law XI–XVII centuries.....	213

Theory of State and Law

---

*Somik K.V.,
Khabibulin A.G.*   Improving counteraction to economic crime,
using the capabilities of the Internet
and cryptographic means..... 226

Chernyshov A.V.   Order in the system of normative legal acts:
general theoretical aspect..... 237

PERSONALITIES

*Komarov S.A.
Vorobiev S.M.*   Anniversary of Polishchuk Nikolai Ivanovich
(on the occasion of the 60th birthday)..... 249

Теория государства и права

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Theory of State and Law

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2020.

© Авторы, 2020.

Теория государства и права

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте www.matgip.ru

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kolomna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Theory of State and Law

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Samara, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, candidate of legal Sciences, associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2020. © Authors, 2020.

Теория государства и права

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

***The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960).***

You can subscribe to the magazine also on the website [**www.matgip.ru**](http://www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

С.А. Абрамов*

УДК 340.5

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.001

ВСЕОБЩИЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ ДОКТРИНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается эволюция правовых взглядов на интеллектуальное право, взаимодействие интеллектуального права и фордистских, пост-фордистских цифровых экономических моделей. Авторы анализируют предложенную К. Марксом концепцию «всеобщего интеллекта» как модель адаптации интеллектуального права к новым вызовам.*

***Ключевые слова:** право интеллектуальной собственности, история права, теория права, философия права, марксизм, средства индивидуализации.*

Современные исследователи считают, что периодом зарождения современной доктрины прав интеллектуальной собственности является время установления Вестфальского мира (1648 г.) [1, с. 25]. Характерными правовыми элементами нового порядка, пришедшего на смену феодальным отношениям и религиозным войнам, развитию континентальной торговли, а также модели общественных отношений, которую позднее опишет Макс Вебер в своей монументальной работе «Протестантская этика и дух капитализма» [2, с. 112]. Она определяется началом современных капиталистических (коммерческих отношений) период религиозной реформации в Европе XVI века. Данное общественное движение сопровождалось появлением нового социального типа – человека максимально индивидуализированного, готового брать на себя ответственность и риски, живущего в материальном мире, выражающем себя через труд и плоды труда (индивидуализированные вещи). По мнению М. Вебера, протестантизм оказал огромное влияние на формирование процессов индивидуализации вещей и становлению прав интеллектуальной собственности в юридической науке эпохи модерна [2, с. 143].

Норберт Элиас разделяя принципы индивидуализации М. Вебера, подчеркивал необходимость в переходе регуляции правоотношений индивидуализации с микро на макроуровень [3, с. 141], настаивая, таким образом, на необходимости их легализации вне религиозного поля.

Как проекцию такого стремления можно расценить разработку и принятие Парижской конвенции об охране промышленной собственности (1883) и Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886), закрепивших международно признанный режим охраны прав интеллектуальной собственности и средств индивидуализации. В их основе лежит понимание объектов прав интеллектуальной собственности как материальных объектов с соответствующими их правовому статусу ограничениями.

---

* *Абрамов Сергей Александрович* – аспирант кафедры истории, теологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Среднерусского института управления (филиал) (г. Орел). E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

Данная трактовка доктрины прав интеллектуальной собственности господствовала на протяжении всего XX века, являясь фундаментом бурного экономического и технического развития. Сквозь экономические эпохи «фордизма», который характеризует массовым производством и, соответственно, широким распространением товарных знаков, и «пост – фордизма». Расцвет данной модели прав интеллектуальной собственности пришелся на 70-е годы прошлого столетия, связанного развитием средств тиражирования и распространения объектов охраны авторских прав (ксерокс, магнитные носители), которые сделали информацию доступной как никогда раньше. Масштабный рост количества охраняемых объектов прав интеллектуальной собственности и растущее неравенство доступа к информации спровоцировали рост числа нарушений прав интеллектуальной собственности.

В связи с начавшейся информатизацией экономики и общественных отношений, процессами виртуализации и размыванием границ материального мира стал вопрос о пределах «протестантской» доктрины прав интеллектуальной собственности. Система правоотношений, в которой труд и его продукт являются материальными категориями более не отвечает современным экономическим отношениям.

Одна из концепций, стремящаяся разрешению возникших противоречий, принадлежит Карлу Марксу. Критическое отношение исследователей к его работам и их связи с правом интеллектуальной собственности обусловлено несколькими причинами. Во-первых, К. Маркс не стремился в своих трудах формулировать юридические дефиниции понятий, характерных для современного права интеллектуальной собственности. Во-вторых, К. Маркс рассматривал производство как материальную деятельность, не уделяя внимания, как к нематериальным объектам, так и к нематериальным средствам производства.

Необходимо также понимать то, что представления об интеллектуальной собственности в XIX в. разительно отличались от реалий сегодняшнего дня. Можно предположить, что К. Маркс во время жизни в Англии (1849–1883 гг.) был знаком с основами британского авторского права и патентного права. Однако, понятия товарного знака и его регистрации, защиты коммерческой тайны и недобросовестной конкуренции не имели правового регулирования и юридических определений.

Основы международной защиты интеллектуальной собственности заложили Парижская (1883) и Бернская конвенции, которые были подписаны уже после смерти К. Маркса. Современная интеллектуальная собственность с ее обширным инструментарием правового регулирования и разнообразием объектов интеллектуальных прав объективно находились вне его поля зрения.

Тем не менее, представления К. Маркса о развитии прав собственности, средств производства, содержания трудовых отношений позволили его последователям сформировать представления об интеллектуальной собственности в рамках марксистской теории.

В своем очерке «Система машин как адекватная капитализму форма средств труда» [4] К. Маркс предложил термин «всеобщего интеллекта» как способа производства нематериальных благ. Он прогнозирует переход к информационной экономике, описывая симбиоз машины и человека в известном ему смысле. «Ее differentia specifica заключается вовсе не в том, чтобы, как это имеет место у средства труда отдельного рабочего, опосредствовать деятельность рабочего, направленную на объект; наоборот, деятельность рабочего определена таким образом, что она уже только опосредствует работу машины, ее воздействие на сырой материал – наблюдает за

машиной и предохраняет ее от помех в ее работе. Здесь дело обстоит не так, как в отношении орудия, которое рабочий превращает в орган своего тела, одушевляя его своим собственным мастерством и своей собственной деятельностью, и умение владеть которым зависит, поэтому от виртуозности рабочего» [4, с. 120]. Понятие труда, по мнению К. Маркса также усложняется ибо «процесс производства перестал быть процессом труда в том смысле, что труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала. Наоборот, труд выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы...» [4, с. 121].

Таким образом, модель генерации интеллектуальной собственности в рамках идеи всеобщего интеллекта является трансформацией виртуозности человека (его идей, знаний, умений) через использование распределенной системы производства (системы машин). Получившийся при этом продукт лишается исключительных прав собственности, а автор сохраняет индивидуализирующую его виртуозность. Эта концепция призвана защитить продукт от отчуждения, точно также как феномен защиты интеллектуальной собственности предполагает обладание исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Рассматривая понятия интеллектуальной деятельности и творчества, К. Маркс приходит к выводу, что на современном ему историческом этапе развития общества права на результаты интеллектуальной деятельности являются результатом отчуждения труда в процессе творческой деятельности. Можно сделать предположение о том, что дальнейшее развитие прав интеллектуальной собственности диктовалось необходимостью регламентации отчуждения результатов интеллектуальной деятельности.

В конце XX века в условиях диспута вокруг развития института интеллектуальных прав в цифровой экономике концепция К. Маркса вновь стала актуальна. Среди ученых популяризовавших концепцию всеобщего интеллекта можно выделить философа Антонио Негри и его работу «Империя» [5]. «В определенной точке капиталистического развития, возможность которой Маркс лишь предвидел, в будущем, силы труда наполняются силами науки, коммуникации и языка. Всеобщий интеллект оказывается коллективным, общественным разумом, созданным накопленными знаниями, технологиями, научной и технической информацией. Стоимость труда, таким образом, реализуется новой, универсальной и конкретной рабочей силой через присвоение и свободное использование новых производительных сил» [5, с. 167].

А. Негри характеризует современную экономическую модель как господство интеллектуально-насыщенного труда, состоящего из знания, творчества, их трансформации. Всеобщий интеллект является гегемонией нематериального труда, чьи приобретают нематериальные юридические свойства. Таким образом, труд, его продукты и соответствующая индивидуализация «...сингуляризуется, становится единственным» [5, с. 172]. В основе современной экономической модели, по мнению Негри, лежат знания и предпринимательская культура. «Переизбыток стоимости проявляется сегодня в аффектах, телах, наполненных знаниями, в остроте ума и чистой способности к действию» [6, с. 42].

А. Негри видит систему прав интеллектуальной собственности как институт «...обладающий новыми созидательными способностями, основанными на интеллекте и кооперации» [6, с. 45], ставя, таким образом, под сомнение необходимость исключительных прав собственности.

Схожие позиции занимает Паоло Вирно, итальянский философ, автор «Грамматика множеств» [7]. Опираясь на базис всеобщего интеллекта, он интерпретирует, осовременивает его суть, отказываясь от системы промышленных машин, настаивая на том, что сам интеллект в условиях постфордизма является производящей «машиной» [7, с. 40].

Всеобщий интеллект в трактовке П. Вирно не тяготеет к собственной институционализации, наоборот «общей воле» народа Ж.-Ж. Руссо, предполагающей государство. В этой связи прослеживается идея модернизации институциональной базы прав интеллектуальной собственности для более точного выражения интересов субъектов интеллектуальных прав при осуществлении ими интеллектуального труда.

Новая форма труда определенно материальна по своей сути, но продукты, полученные новой трудовой деятельностью, обладают нематериальными свойствами [7, с. 175]. П. Вирно, возвращаясь к понятию виртуозности, максимально расширяет субъектный состав прав интеллектуальной собственности. Виртуоз больше чем автор, так как вместе с идеей и продуктом ее реализации, он обладает доступом к системе производства и дистрибуции. Виртуоз сингулярен. В тоже время, он не обладает исключительными правами, за исключением личных нематериальных. Виртуоз является основным элементом распределенной системы институционального регулирования прав интеллектуальной собственности, реализация которой возможна на базе доступных сегодня высоких технологий.

П. Вирно справедливо отмечает особую роль интеллектуальных прав, так называемой «культурной индустрии» в современном мире. Индустрия культуры стала новой моделью трудовой деятельности, где определяющую роль играет виртуозность. «Раньше культуриндустрия несла на себе отпечаток промышленности, теперь же само производство, как материальное, так и нематериальное, организовано по моделям, задаваемым культуриндустрией» [7, с. 64].

Тезисы работ К. Маркса, интерпретированные вне рамок марксистской парадигмы, предлагают площадку для осмысления теории интеллектуальной собственности и ее развития. Его взгляды на природу и рост капитализма, анализ индивидуализма как поведенческой модели капиталиста позволяют точнее описать общественные отношения, лежащие в основе прав интеллектуальной собственности. Основываясь на этом можно прийти к выводу о том, что в основе интеллектуальной собственности лежит механизм производства нематериальных объектов с помощью всеобщего интеллекта как специфического способа осуществления трудовой деятельности. При этом всеобщий интеллект и интеллектуальная обретают социальную динамику и способность к формированию правоотношений.

Доктрина прав интеллектуальной собственности, строящаяся вокруг понятия всеобщий интеллект на современном этапе, представляется логичным развитием протестантской доктрины интеллектуальных прав при переходе к новому экономическому укладу, информационной экономике. Несмотря на интерес исследователей к возможностям правового регулирования производства нематериальных благ путем поиска новых юридических моделей, необходимо отметить, что в отношении отдельных элементов интеллектуальных прав (средства индивидуализации) существующий правовой режим является наиболее благоприятным. Так как между данной категорией интеллектуальных прав и объектами, ими идентифицируемыми, существует явная материальная связь фактической интеллектуальной собственности и ее реального вещного выражения в материальном мире.

Тем не менее, выраженная антропоцентричность, распределенность и сингулярность «марксистской» доктрины интеллектуальной собственности выгодно дополняют строящуюся на наших глазах цифровую экономику.

Библиографический список

1. Paul Roubier, *Le Droit de la propriété industrielle*. Paris: Le Renard, 1954. 173 p.
2. Max Weber, Peter R. Baehr, Gordon C. Wells (2002). *The Protestant ethic and the "spirit" of capitalism and other writings*. In: Penguin. 578 p.
3. Шубрт И. Общество индивидов в фигуративной социологии Н. Элиаса // Социологические исследования. – 2015. – № 11 (379). – С. 139–148.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи (Система машин как адекватная капитализму форма средств труда) // Сочинения. – 2 изд. – Т. 46. – Часть 2. – М.: Политиздат, 1969. – 612 с.
5. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
6. Пензин А. «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // Синий диван. – 2004. – № 5. – С. 36–61.
7. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.

Для цитирования: *Абрамов С.А.* Всеобщий интеллект как элемент доктрины интеллектуальных прав // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 17–21. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.001

Sergey A. Abramov*

GENERAL INTELLIGENCE AS AN ELEMENT OF THE DOCTRINE OF INTELLECTUAL RIGHTS

Annotation. *This article discusses the evolution of legal views on intellectual law, the interaction of intellectual law and fordist, post – fordist, digital economic models. The author analyzes the concept of «general intellect» proposed by K. Marx as a model for adapting intellectual law to new challenges.*

Keywords: *intellectual property law, history of law, theory of law, philosophy of law, Marxism, trademark law.*

Modern researchers believe that the period of the birth of the modern doctrine of intellectual property rights is the time of the establishment of the Peace of Westphalia (1648) [1, p. 25]. The characteristic legal elements of the new order that replaced feudal relations and religious wars, the development of continental trade, as well as the model of social relations, which Max Weber would later describe in his monumental work "Protestant ethics and the spirit of capitalism" [2, p. 112]. It is determined by the beginning of the modern capitalist (commercial relations) period of the religious reformation in Europe in the 16th century. This social movement was accompanied by the emergence of a new social type – a person who is maximally individualized, ready to take responsibility and risks, living in

---

* **Abramov Sergey Aleksandrovich**, postgraduate student of the Department of History, Theology and International Relations of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation of the Central Russian Institute of Management-branch (Orel). E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

the material world, expressing himself through labor and the fruits of labor (individualized things). According to M. Weber, Protestantism had a huge impact on the formation of the processes of individualization of things and the formation of intellectual property rights in the legal science of the modern era [2, p. 143].

Norbert Elias, sharing the principles of individualization by M. Weber, emphasized the need for the transition of regulation of legal relations of individualization from the micro to the macro level [3, p. 141], thus insisting on the need to legalize them outside the religious field.

The development and adoption of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property (1883) and the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (1886), which established an internationally recognized regime for the protection of intellectual property rights and means of individualization, can be regarded as a projection of this desire. They are based on the understanding of objects of intellectual property rights as material objects with restrictions corresponding to their legal status.

This interpretation of the doctrine of intellectual property rights dominated throughout the twentieth century, being the foundation of rapid economic and technological development. Through the economic epochs of "Fordism", which characterizes mass production and, accordingly, widespread distribution of trademarks, and "post – Fordism". The heyday of this model of intellectual property rights fell on the 70s of the last century, associated with the development of means of replication and distribution of objects of copyright protection (copier, magnetic media), which made information available as never before. The massive growth in the number of protected objects of intellectual property rights and the growing inequality of access to information provoked an increase in the number of violations of intellectual property rights.

In connection with the beginning of the informatization of the economy and social relations, the processes of virtualization and the blurring of the boundaries of the material world, the question of the limits of the "Protestant" doctrine of intellectual property rights has arisen. The system of legal relations in which labor and its product are material categories no longer corresponds to modern economic relations.

One of the concepts that seek to resolve the emerging contradictions belongs to Karl Marx. There are several reasons for the critical attitude of researchers towards his work and their connection with intellectual property law. Firstly, K. Marx did not strive in his writings to formulate legal definitions of concepts characteristic of modern intellectual property law. Secondly, K. Marx viewed production as a material activity, not paying attention to both intangible objects and intangible means of production.

It is also necessary to understand that the concept of intellectual property in the nineteenth century were strikingly different from the realities of today. It can be assumed that K. Marx during his life in England (1849–1883) was familiar with the basics of British copyright and patent law. However, the concepts of a trademark and its registration, protection of trade secrets and unfair competition had no legal regulation and legal definitions.

The foundations of the international protection of intellectual property were laid by the Paris (1883) and Berne conventions, which were signed after the death of K. Marx. Modern intellectual property with its wide range of legal regulation tools and a variety of objects of intellectual rights were objectively outside his field of vision.

Nevertheless, K. Marx's ideas about the development of property rights, means of production, the content of labor relations allowed his followers to form ideas about intellectual property within the framework of Marxist theory.

In his essay "The system of machines as a form of means of labor adequate to capitalism" [4] K. Marx proposed the term "general intellect" as a method of producing intangible goods. He predicts the transition to the information economy, describing the symbiosis of a machine and a person in the sense known to him. "Its differentia specifica does not consist at all in the fact that, as is the case with the means of labor of the individual worker, to mediate the activity of the worker directed towards the object; on the contrary, the activity of the worker is defined in such a way that it only mediates the work of the machine, its effect on the raw material – observes the machine and protects it from interference in its work. Here the situation is not the same as in relation to the tool, which the worker turns into an organ of his body, animating it with his own skill and his own activity, and the ability to own which depends, therefore, on the virtuosity of the worker" [4, p. 120]. The concept of labor, according to K. Marx, is also becoming more complicated because "the production process has ceased to be a labor process in the sense that labor has ceased to encompass the production process as a single principle dominating it. On the contrary, labor now appears only as a conscious organ, scattered over a multitude of points of a mechanical system ..." [4, p. 121].

So, the model for generating intellectual property within the framework of the idea of universal intelligence is a transformation of the virtuosity of a person (his ideas, knowledge, skills) through the use of a distributed production system (a system of machines). The resulting product is deprived of exclusive property rights, and the author retains the virtuosity that individualizes it. This concept is designed to protect the product from alienation, just as the phenomenon of intellectual property protection implies the possession of exclusive rights to the results of intellectual activity.

Considering the concepts of intellectual activity and creativity, K. Marx comes to the conclusion that at his contemporary historical stage in the development of society, the rights to the results of intellectual activity are the result of the alienation of labor in the process of creative activity.

It can be assumed that the further development of intellectual property rights was dictated by the need to regulate the alienation of the results of intellectual activity.

At the end of the twentieth century, in the context of a dispute over the development of the institution of intellectual rights in the digital economy, Karl Marx's concept again became relevant. Among the scientists who popularized the concept of universal intelligence are the philosopher Antonio Negri and his work "Empire" [5]. "At a certain point of capitalistic development, the possibility of which Marx only foresaw, in the future, the forces of labor are filled with the forces of science, communication and language. The general intellect turns out to be a collective, social intelligence created by accumulated knowledge, technologies, scientific and technical information. The cost of labor, thus, is realized by a new, universal and concrete labor force through the appropriation and free use of new productive forces" [5, p. 167].

A. Negri characterizes the modern economic model as the domination of intellectually saturated labor, consisting of knowledge, creativity, and their transformation. General intelligence is the hegemony of immaterial labor, whose immaterial legal properties acquire. Labor, its products and the corresponding individualization "... becomes singularized, becomes singular" [5, p. 172]. Knowledge and an entrepreneurial culture are at the core of the modern economic model, according to Negri. "An overabundance of value is manifested today in affects, bodies filled with knowledge, in the sharpness of the mind and pure ability to act" [6, p. 42].

A. Negri sees the system of intellectual property rights as an institution "... possessing new creative abilities based on intelligence and cooperation" [6, p. 45], thus calling into question the necessity of exclusive property rights.

Paolo Virno, an Italian philosopher and author of the Grammar of Sets [7], holds a similar position. Based on the basis of universal intelligence, he interprets, modernizes its essence, rejecting the system of industrial machines, insisting that the intelligence itself under the conditions of post-Fordism is a producing "machine" [7, p. 40].

The general intellect as interpreted by P. Virno does not gravitate towards its own institutionalization, opposite to the "common will" of the people of J.-J. Rousseau, who was suggesting the state. In this regard, the idea of modernizing the institutional framework of intellectual property rights is traced for a more accurate expression of the interests of the subjects of intellectual property rights when they carry out intellectual work. The new form of labor is definitely material in its essence, but the products received by the new labor activity have intangible properties [7, p. 175]. P. Virno, returning to the concept of virtuosity, maximally expands the subject composition of intellectual property rights. A virtuoso is more than an author, because together with the idea and product of its implementation, he has access to the production and distribution system. The virtuoso is singular. At the same time, he does not have exclusive rights, with the exception of personal non-property rights. Virtuoso is the main element of a distributed system of institutional regulation of intellectual property rights, the implementation of which is possible on the basis of the high technologies available today.

P. Virno rightly notes the special role of intellectual rights, the so-called "cultural industry" in the modern world. The cultural industry has become a new model of work, where virtuosity plays a decisive role. "Previously, the culture industry bore the imprint of industry, but now production itself, both material and non-material, is organized according to the models set by the culture industry" [7, p. 64].

The theses of Karl Marx's works, interpreted outside the framework of the Marxist paradigm, offer a platform for understanding the theory of intellectual property and its development. His views on the nature and growth of capitalism, his analysis of individualism as a behavioral model of the capitalist, allow us to more accurately describe the social relations underlying intellectual property rights. Based on this, we can come to the conclusion that intellectual property is based on the mechanism of production of intangible objects with the help of general intelligence as a specific way of carrying out labor activity. At the same time, the general intellect and the intellectual acquire social dynamics and the ability to form legal relations.

The doctrine of intellectual property rights, built around the concept of universal intelligence at the present stage, seems to be a logical development of the Protestant doctrine of intellectual property rights during the transition to a new economic order, the information economy. Despite the interest of researchers in the possibilities of legal regulation of the production of intangible goods by searching for new legal models, it should be noted that in relation to certain elements of intellectual rights (means of individualization), the existing legal regime is the most favorable. Since between this category of intellectual property rights and the objects identified by them, there is an explicit material connection between actual intellectual property and its real material expression in the material world.

Nevertheless, the pronounced anthropocentricity, distribution and singularity of the "Marxist" doctrine of intellectual property beneficially complement the digital economy that is being built before our eyes.

Theory of State and Law

Bibliographic list

1. Paul Roubier, *Le Droit de la propriété industrielle*. Paris: Le Renard, 1954. 173 p.
2. Max Weber, Peter R. Baehr, Gordon C. Wells (2002). *The Protestant ethic and the "spirit" of capitalism and other writings*. In: Penguin. 578 p.
3. Shubrt I. *Society of individuals in the figurative sociology of N. Elias* // *Sociological studies*. 2015. No. 11 (379). P. 139–148.
4. Marx K., Engels F. *Economic manuscripts (The system of machines as a form of means of labor adequate to capitalism)* // *Works*. 2nd ed. T. 46. Part 2. Moscow: Politizdat, 1969. 612 p.
5. Hardt M., Negri A. *Empire* / Per. from English, ed. G. V. Kamenskoy, M. S. Fetisova. Moscow: Praxis, 2004. 440 p.
6. Penzin A. "Revolutionary monster": the concept of a set in the philosophy of Antonio Negri // *Blue sofa*. 2004. No. 5. P. 36–61.
7. Virno P. *Grammar of the Set: to the Analysis of the Forms of Modern Life* / per. with ital. A. Petrova, ed. A. Penzina. Moscow: OOO "Ad Marginem Press", 2013. 176 p.

For citation: Abramov S.A. General intelligence as an element of the doctrine of intellectual rights // *Theory of State and Law*. 2020. No. 4 (20). P. 21–25. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.001

СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ***

***Аннотация.** Между «чистыми» теоретиками права и «приземлёнными» отраслевиками идёт своеобразное соревнование в вопросе о том, кто быстрее отвечает на вызовы времени и продуцирует востребованные практикой доктринальные конструкции юридической ответственности. Некоторые ученые высказывают сомнения в способности общей теории права дать определение юридической ответственности, объединяющее все её отраслевые виды. В статье исследуются причины появления некоторых ущербных теоретических доктрин и вытекающих из них определений юридической ответственности, не пригодных для отраслевых видов ответственности. Дается определение юридической ответственности, пригодное для всех отраслей права.*

***Ключевые слова:** юридическая ответственность, методологические основы, виды юридической ответственности, безответственность как парная категория, определение юридической ответственности.*

Методологическая постановка проблемы. Юридическая ответственность – фундаментальная категория и одна из сложнейших проблем теории государства и права, равно как и отраслевых юридических наук. Попытки рассмотрения юридической ответственности как единого комплексного межотраслевого института, который характеризуется генетическими, субординационными и координационными связями [44, с. 877–880; 6, с. 77–87; 18, с. 22], уже имеются в научной литературе и встречаются учёными неоднозначно.

Теоретическую и методологическую роль при исследовании юридической ответственности играет общая теория государства и права [21; 37; 46] и, как подчеркивает В.В. Лазарев, её предмет и её язык суть предмет и язык всей юриспруденции и всего того, что составляет *jus* в совокупности метатеории и реальной практики [25, с. 9–10]. Правда, на методологическую роль в исследовании юридической ответственности претендует не только теория права, но и философия права [14; 30, 39]. Действительно, философия права «вряд ли когда-либо исчерпает свой предмет и даст человечеству окончательные ответы на вопросы о праве и ответственности, поскольку право и ответственность – такой же процесс бесконечного становления социальной субстанции, как и сама цивилизация» [31, с. 205].

Незримое соревнование в том, кто лучше реагирует на вызовы времени и продуцирует новые идеи, идёт между теоретиками права и отраслевиками. Существует как бы взаимное отторжение между «чистыми» теоретиками и «приземлёнными» отраслевиками.

---

* **Боброва Наталья Алексеевна**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, Тольятти, Россия (e-mail: bobrovana@mail.ru)

** **Хачатуров Рудольф Леонович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета, Тольятти, Россия (e-mail: jus@tltsu.ru)

*** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05003 (The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-511-05003).

Так, С.А. Параскевова отрицает методологическую значимость общей теории права в исследовании отраслевых видов ответственности и отраслевых видов правонарушений, по крайней мере, в гражданском праве. Она пишет: «Общая теория права не способна служить теоретической базой исследования гражданских правонарушений» [36, с. 17]. Многие ученые-отраслевники придерживаются того же мнения, но либо не отваживаются открыто высказать такую позицию, либо делают это более изящно, как Е.К. Матевосова, полагающая, что «во взаимодействии между общими и отраслевыми знаниями недопустимо возносить значение исходных положений в той мере, в какой они могут оказать эффект, тормозящий развитие отраслевых представлений, в частности, о субъекте правоотношений. А потому общая теория права не может монополизировать понимание субъекта правоотношений» [34, с. 14].

Позицию отрицания методологической роли теории государства и права критикует И.Е. Великосельская: «В некоторых юридических науках, которые только приступили к исследованию собственных отраслевых видов правонарушений, пытаются обосновать конструкции составов правонарушений, которые не основаны на достижениях науки теории государства и права. Теория государства и права призвана формировать единообразный понятийный аппарат теории состава правонарушения и в связи с появлением новых разновидностей правонарушений – его общую юридическую конструкцию, выполняя тем самым свою методологическую функцию» [26, с. 3–4]. Несмотря на безусловную правоту И.Е. Великосельской, нельзя сказать, что С.А. Параскевова и Е.К. Матевосова абсолютно неправы, тем более последняя сама теоретик (доцент кафедры теории государства и права МГЮА им. О.Е. Кутафина), а гражданское право вовсе не относится к тем отраслям, которые только приступили к исследованию собственных видов ответственности.

С.А. Параскевова, не желая обидеть «чистых» теоретиков, лишь отразила тенденцию многих теоретических изысканий к некоей традиционной усредненности отраслевых институтов, игнорирования их выпирающих из теоретических конструкций особенностей, а также крена некоторых теоретических конструкций в философские определения ответственности, весьма отдалённые от реальной юриспруденции. Некоторые же общетеоретические «достижения» в исследовании юридической ответственности, такие как полвека разрабатываемые её позитивный и негативный аспекты, вообще способствовали растворению собственной природы юридической ответственности в так называемой её «общесоциальной» природе, в моральной, политической и иной социальной ответственности. Между тем, юридическая наука имеет значение для социума именно как юридическая наука. Иначе она теряет всякое социальное значение, что и оттолкнуло узкопрофильных специалистов юридической ответственности от так называемых «общесоциальных» конструкций и определений юридической ответственности.

Зачастую отраслевники в чём-то опережают теоретиков, как, например, конституционалисты обогнали их в исследовании санкций в сфере публичной власти и конституционных отношений, в изучении конституционно-правовой ответственности, которую теоретики заметили и включили в учебники лишь через 30 лет после начала ее исследования конституционалистами. Аналогичные претензии к «чистым» теоретикам есть и у других отраслевиков.

Некоторые ученые даже считают, что попытки унификации понятия юридической ответственности «до сих пор тщетны, поскольку оно разрабатывается как об-

щей теорий права, так и отраслевыми юридическими науками, перед которыми поставлены разные цели и задачи» [9, с. 22] и что «следует опираться на внутренние задачи каждой отрасли, не пытаясь создать универсальное понятие для всего права» [11, с. 93].

Теоретики же обижаются на отраслевиков за подобные заявления. На наш взгляд, теоретики, вместо того чтобы обижаться, должны осмыслить достижения отраслевиков, обогнавших их в исследовании тех или иных правовых явлений, а – главное! – понять неприемлемость некоторых эфемерных теоретических конструкций, например, деление юридической ответственности на позитивную и негативную, противоречащее здравому смыслу и непригодное для правоприменительной практики.

Структуризация юридической ответственности. В вопросе о генетических и субординационных связях юридической ответственности возникла идея «прародителя», первичного единого института: уголовная ответственность – прародитель административной, административная – прародитель финансовой, гражданско-правовая ответственность (кстати, в законодательстве даже не такого термина!) породила материальную трудовую ответственность, не говоря уже о множестве подвидов внутри гражданского права.

В последней четверти XX в. начал формироваться самостоятельный вид государственно-правовой (конституционно-правовой) ответственности, начиная с работ таких конституционалистов, как С.А. Авакьян, две статьи которого легли в основание разработки нового вида юридической ответственности – государственно-правовой (конституционно-правовой) [1; 2], А.А. Безуглов (термин «государственно-правовая ответственность» впервые на монографическом уровне появился применительно к депутату) [3], Ю.П. Ерёменко и Ф.М. Рудинский [13], Т.Д. Зражевская [15; 16], Н.А. Боброва [4; 5], М.А. Краснов [24], В.О. Лучин [28; 29] и другие.

Первая монография, равно как и диссертация, посвящённая данному виду ответственности, принадлежит Т.Д. Зражевской [17], вторая монография опубликована через 5 лет [7], к концу XX века начался бум исследований этого вида ответственности. Внесли свой вклад и зарубежные ученые, например, Е. Виатр [8].

Первыми учебниками по государственному (конституционному) праву, в которых в отдельных главах рассматривался этот вид ответственности и соответствующие государственно-правовые (конституционно-правовые) санкции, были: учебник Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина [19], курс лекций Е.И. Колюшина (сразу после двух – лекция 3 «Ответственность в конституционном праве») [20, с. 21–28]. Теперь же ни один учебник по конституционному праву не выходит без раздела главы или параграфа, посвящённого конституционно-правовой ответственности.

Что же касается учебников по теории государства и права, то впервые в курсе лекций С.А. Комарова была признана самостоятельная видовая природа конституционно-правовой (конститутивной) ответственности [23], правда в рамках позитивной юридической ответственности. Затем эта идея стала самостоятельной в теории государства и права [35, с. 117]. Итак, только через три десятилетия с начала разработки института государственно-правовой (конституционно-правовой) ответственности этот вид ответственности получил общетеоретическое признание.

Несомненно, революционные 90-е годы прошлого столетия сыграли в общетеоретическом институте юридической ответственности свою роль, как интегративную, так и дезинтегративную. Ныне, в XXI веке, наряду с традиционными видами

юридической ответственности, в качестве её автономных институтов и новых видов (подвидов) учеными исследуются банковская, бюджетная, гражданско-процессуальная, уголовно-процессуальная, исполнительно-процессуальная, экологическая ответственность, равно как иные виды ответственности, выделяемые в результате дробления отраслей права.

Процесс дробления единого института ответственности на субинституты, виды и подвиды, равно как процесс дробления права на отрасли, не может быть бесконечным, ведь, как отмечают ученые [45, с. 91], в литературе выделяют уже до 90 отраслей права. В науке со всей очевидностью возникла проблема пределов дезинтеграции отраслей права [10; 12, с. 8–13; 45, с. 91–96]. Вряд ли аргументированными являются попытки обосновать наличие «земельной», «градостроительной», «семейно-правовой», «таможенной», «образовательной», «информационной» и тому подобных видов ответственности, когда отдельная норма или санкция выдаётся за целый институт юридической ответственности.

Подобно тому, как не придумываются по субъективным причинам отрасли права, а формируются объективно, рождаясь «из социальных и практических потребностей» [45, с. 396], так и дифференциация ответственности на виды – процесс закономерный и субъективный только отчасти. М.Н. Марченко выделяет следующие условия образования самостоятельной отрасли права: а) степень своеобразия тех или иных отношений; б) их удельный вес; в) невозможность урегулировать возникшие отношения с помощью норм других отраслей; г) необходимость применения особого метода регулирования [33, с. 564]. Всем названным условиям, но ещё и с учётом иных критериев (развитый институт собственных санкций, например) должен удовлетворять и вновь образуемый вид юридической ответственности, учитывая то обстоятельство, что видов ответственности гораздо меньше, чем отраслей права, и не каждой отрасли права соответствует одноимённый вид юридической ответственности.

Так, Б.М. Джанкезов категорически отрицательно отвечает на вопрос о возможности существования самостоятельной отрасли конституционного процессуального права: «для отраслевой институционализации конституционного процессуального права путём «разрыва» единой материально-процессуальной ткани конституционно-правовых норм нет ни возможности, ни необходимости. Представляется более правильным подчеркнуть комплексный материально-процессуальный характер отрасли конституционного права и совершенствовать её процессуальную составляющую» [12, с. 12]. Мы также отрицательно относимся к выделению новых экзотических видов юридической ответственности.

Дезинтеграционные и центробежные процессы в системе права, выражающиеся в безудержной суверенизации всё новых и новых отраслей законодательства и права, сказываются и на системе видов юридической ответственности, на дезинтеграционных процессах внутри этого комплексного межотраслевого института, его безосновательном дроблении, об опасности чего задумались ученые [45].

Одновременно усиливается, получая такую дополнительную подпитку, скептицизм относительно возможности выработки единого понятия юридической ответственности, пригодного как для общей теории права, так и для всех отраслевых юридических наук.

Юридическая ответственность как воплощение сущности права. Термины «позитивная» и «негативная» вряд ли корректны по отношению к юридической от-

ветственности. Она может быть законной и незаконной, справедливой и несправедливой, мягкой и суровой, эффективной и неэффективной, но не позитивной и негативной. Всякая законно применённая ответственность позитивна, и наоборот, сладкоречивые рассуждения о позитивной ответственности определённых субъектов, в действительности лишь подпитывающие их безответственность, играют негативную роль.

Специальный юридический термин «ответственность», отличный от морали, в правоведении с момента возникновения этого термина означал «наказание», реакцию государства на правонарушение: нарушение установленных (санкционированных) государством правовых норм субъектом права предполагало дать этому субъекту наказ, преподнести ему урок послушания праву, некое решение власти, приговор. Мерилом же наказания (приговора в широком смысле слова) служила правовая санкция. Иными словами, в праве термин «ответственность» приобрел другой смысл, нежели в морали.

«Применить санкцию» означало «применить ответственность». Любопытно, что нельзя сказать «возложить санкцию» или «применить обязанность». Возложить можно только обязанности, равно как и взять их на себя (ответственность в моральном смысле). При этом обязанности, как моральные, так и юридические, можно исполнить добровольно, чего нельзя сказать о юридической ответственности. Впрочем, адепты позитивной юридической ответственности пишут о *добровольной* и *принудительной* формах реализации юридической ответственности. Между тем, юридическая ответственность всегда имеет *объективно* принудительный характер, даже если субъект права идёт на неё добровольно. Термин «ответственность» в правоведении употребляют и в смысле «возложить» (позитивная ответственность), и в смысле применить (ретроспективная ответственность), что и сыграло с этим понятием злую шутку, создав «эффект хамелеона».

Ответственность в позитивном (моральном, политическом, религиозном и ином общегражданском смысле) смысле является характеристикой самого субъекта ответственности, а ответственность собственно юридическая – это нечто внешнее по отношению к нему, предполагающее деятельность специальных (облечённых компетенцией) правоприменителей, применяющих к субъекту права установленную в санкции меру принуждения (психического, физического, организационного, финансового).

Ответственность в позитивном смысле и ответственность собственно юридическая – это разные социальные институты, омонимы, хотя и обозначаемые одним словом. Юридическая ответственность служит важной государственной функции – правоохранительной, имея позитивный для государства и общества смысл.

Этимология слова «ответственность» претерпела такую же метаморфозу, как этимология слова «худой». Какова этимология слова «худой»? Полные люди мечтают похудеть, что означает сбросить вес, стать стройнее, привлекательнее. Между тем, это слово образовалось от слова «худо» («плохо»). Первоначально «худой человек» означало «плохой», «больной», «тощий», «бедный», а применительно к вещам этот термин не утратил своего этимологического первородства и по сей день: худой карман. С термином «юридическая ответственность» тоже произошла этимологическая метаморфоза.

Институт юридической ответственности важен для общества не в моральном качестве, а именно в своем юридическом качестве. Иначе юридическая ответствен-

ность теряет всякий смысл для общества, в котором есть и другие виды ответственности, тоже эффективные. В юридической же ответственности как реакции государства на правонарушение материализуется сущность права, которое ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права.

Отрицательные последствия за социальный деликт есть во всех видах социальной ответственности, поэтому своя «ретроспективная», «негативная» ответственность есть не только в юридической ответственности. Но отрицательная реакция государства установлена лишь за юридический деликт как нарушение правовой нормы. Как уже сказано, отличительным признаком правовой нормы является стоящее за нею государственно организованное принуждение. Юридическая ответственность есть воплощение этого государственно организованного принуждения. В иных видах ответственности государственно организованного принуждения нет. Поэтому не существует и «целостного» определения юридической и иных видов социальной ответственности, с чем не могут смириться адепты позитивной юридической ответственности.

Свойство позитивности юридической ответственности абсолютно: если в норме права содержится негативная (отрицательная) государственная оценка того или иного деяния в виде определённой санкции, то общество по определению позитивно относится к наступлению такой ответственности и ожидает её неукоснительного наступления в полном соответствии с принципом неотвратимости ответственности. Поэтому вряд ли правильно важнейший инструмент реализации права и воздействия последнего на правонарушителей называть негативной ответственностью. Кто придумал этот термин? Это просто ответственность, которая, как хлеб, нужна государству и обществу. Да, хлеб не сладок, как поощрение – «пирожное» (некоторые учёные называют поощрение «альтернативными санкциями»), но негативным хлеб не является. Законно применённая юридическая ответственность всегда позитивна.

Эпитеты «позитивная» и «негативная» применительно к юридической ответственности таят не только теоретическую, но и практическую опасность: замена «негативной» ответственности на «позитивную» означает способ ухода от ответственности, особенно для представителей власти.

В юридической ответственности выражается единство права и государства, ибо право ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права. Право есть система установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения, обеспеченных силой государственно организованного принуждения. Эта сила выражается в юридической ответственности правонарушителей. Там, где нет особой публичной власти, именуемой государством, там нет и права, а где нет права, там нет и государственного принуждения и его важнейшей разновидности – юридической ответственности.

Как пишет А.В. Маркин, «юридическая ответственность представляет собой позитивный феномен по двум основаниям: в связи с тем, что она относится к позитивному праву и в связи с тем, что представляет собой социальную ценность. Свойства негативной юридической ответственности не существует. Юридическая ответственность как элемент правовой нормы и как способ воздействия на правонарушителя позитивна» [10, с. 50].

Ответственность, так или иначе, присутствует в любой норме права как логической конструкции. И если ответственности нет, то это какая-то другая конструк-

ция (политическая ответственность, моральная установка, историческая декларация и т.д.). Ответственность – неизбежный логический спутник обязанностей и запретов. Так, ст. 57 Конституции РФ содержит положение, согласно которому «каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют». Первое предложение этой статьи – конституционная основа налогового законодательства и права. Второе предложение означает запрет для законодателя устанавливать налоги, имеющие обратную силу. Любой налогоплательщик знает, что налоговое законодательство и есть механизм налоговой ответственности, который обойти либо игнорировать не удастся.

Ст. 2 Налогового кодекса РФ гласит, что «законодательство о налогах и сборах регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов и сборов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения». Данное положение воспринимается в качестве юридической ответственности, стоящей за каждой нормой налогового законодательства и подкреплённой разными санкциями вплоть до уголовной. Это положение является принципом налоговых обязанностей как логический приём, способ их обеспечения.

Однако то обстоятельство, что ответственность выступает неизбежным следствием неисполнения обязанностей, вовсе не означает, что ответственность можно отождествлять с обязанностью, как это делают отдельные исследователи. Ответственность – самостоятельный инструмент права, гарантирующий реализацию правовых норм.

Природа ответственности проявляется в санкции как узаконенной силе государственного принуждения. Критикуя ученых, определяющих ответственность как особую обязанность [44, с. 50, 172, 188], А.В. Маркин отмечает, что ответственность и обязанность – разнопорядковые явления и не могут служить основанием для определения сущности друг друга. Обязанность характеризуется исполнением, неисполнением либо ненадлежащим исполнением. Ответственность не может быть исполнена или ненадлежаще исполнена. Ответственность есть средство исполнения, гарантия обеспечения юридической обязанности. На юридической ответственности базируется способность права воздействовать на общественные отношения. Доказывать позитивность воздействия права на регулируемые им общественные отношения – аксиома юриспруденции, поэтому в этом нет никакой необходимости [32, с. 46]. Рассматривать поощрительные меры как альтернативные санкции ответственности, как это делают некоторые ученые, тоже, по мнению А.В. Маркина, неправильно: методы, способы и приёмы поощрения основаны исключительно на убеждении, поощрение несовместимо с принуждением [32, с. 47].

Юридическая ответственность есть форма проявления принудительной силы государства на уровне нормы права. Само наличие юридических обязанностей предполагает их обеспечение со стороны государства, равно как и наличие субъективных прав предполагает их соответствующую защиту со стороны государства, в чём и состоит диалектика единства прав и обязанностей. Норма права – логическая конструкция, матрица, содержащая своеобразный код возникновения, развития и прекращения будущего правоотношения. В норме права в кодированном, сжатом виде

содержится информация о будущем общественном отношении, содержащемся, как в зародыше, в норме права. Как пишет А.В. Маркин, «ответственность – узаконенный способ лишения блага с целью стимуляции определённого поведения субъекта права. Поэтому попытки ученых определить (фактически подменить) ответственность обязанностью находится в разрушительном противоречии с логикой нормы права» [32, с. 47].

Юридическая ответственность и юридическая безответственность как парные категории. Юридическая ответственность позитивна, если она применена законно, всегда позитивна. Негативной же является не юридическая ответственность, а юридическая безответственность. В известном смысле это суть противоположные парные категории. Юридическая безответственность есть полярная категория, противоположная юридической ответственности. Смысл юридической ответственности заключается в том, что это понятие означает отрицательные и объективированные в санкциях последствия для правонарушителя.

Юридическая ответственность – это реализация самой принудительной сущности права и в этом смысле она не может быть никакой другой, нежели позитивной. А то, что она является «негативной» для правонарушителя, так в этом-то и есть её позитивный смысл и значение для общества. И наоборот, негативным является уход виновного субъекта от законной ответственности. Негативной для принципа законности, общества и государства является незаконная помощь представителей власти в том, чтобы виновный избежал законной ответственности, что и есть коррупция.

Итак, юридическая ответственность позитивна, а вот юридическая безответственность негативна, и именно последняя является противоположной парной категорией юридической ответственности, а вовсе не «позитивная» юридическая ответственность.

В литературе подчеркиваются заслуги профессора Р.Л. Хачатурова, который поднял в своих работах проблему юридической безответственности на доктринальную высоту и призвал учёных обратить внимание на исследовательский и прикладной потенциал этой категории [40; 41; 42; 43].

А далее парные категории ответственности и безответственности исследовались его учениками: Д.А. Липинским и А.В. Маркиным, причем каждый по-своему, поскольку первый является приверженцем позитивной юридической ответственности, а второй – её критиком.

По мнению А.В. Маркина, «негативность юридической ответственности есть **безответственность** (...) Эти категории означают абсолютно противоположные, взаимоисключающие явления. Если есть юридическая ответственность, то нет юридической безответственности и наоборот» [32, с. 50].

В реальности существуют вовсе не два аспекта юридической ответственности, а два антипода – юридическая ответственность и юридическая безответственность, причём последняя предстаёт под видом моральной, политической, партийной, религиозной и т.п. ответственности, которая тоже гарантирует правомерное поведение и именуется позитивной ответственностью. Возможно, это и ответственность, но не юридическая. Как пишет А.В. Маркин, «в противоположность юридической ответственности юридическая безответственность изначально **негативна**. Она означает отсутствие юридической ответственности» [32, с. 50]. Не случайно он и статью-то свою назвал «Позитивная безответственность», как бы с элементом иронии в отношении приверженцев позитивной юридической ответственности.

Бывает юридическая безответственность, предусмотренная и оговоренная государством при определённых условиях, т.е. в данном случае безответственность правомерна, ибо представляет собой законное освобождение от юридической ответственности. Свойство юридической безответственности изначально принадлежит монарху. Однако безответственность в большинстве своём противоправна и потому негативна, да и само употребление термина «негативная» применительно к безответственности является тавтологией, поскольку безответственность априори негативна.

Некоторые выводы и определение юридической ответственности. Наши выводы таковы: 1) Юридическая ответственность используется государством как исключительно важный и потому всегда позитивный инструмент воздействия на общественные отношения, если ответственность применена законно; 2) Негативность и позитивность являются антиподами, а не аспектами юридической ответственности; 3) Сами термины «негативная» и «позитивная» юридическая ответственность являются некорректными; 4) Парными категориями являются не позитивная и негативная ответственность, а «юридическая ответственность» и «юридическая безответственность»; 5) Безответственность есть ущербность государственного режима; 6) Общая теория права по-прежнему сохраняет свою методологическую роль по отношению ко всем отраслевым видам юридической ответственности, которые образуются в соответствии с общественными закономерностями, а не сочиняются учеными; 7) выработка единого определения юридической ответственности возможна и необходима, поскольку в ответственности выражается сущность права как инструмента воздействия на общественные отношения, гарантированного государственно организованным принуждением.

Определений юридической ответственности много. Все чаще рассматриваются карательная и восстановительная функции ответственности вообще, гражданско-правовой ответственности – в частности [22]. Появляются в теории государства и права новые направления исследований. Например, эффективность реализации конституционного принципа о недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина, посягающих на права и свободы других лиц, генеральный запрет на злоупотребление правом, закрепленный в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с необходимостью требует анализа теории и практики реализации различных ситуаций, связанных со злоупотреблением правом и видами юридической ответственности [22, с. 1190].

Представляется, что сначала следует отмежеваться от тех понятий, которые являются и методологически ущербными, и неприемлемыми в практической юриспруденции.

Д.А. Липинский пишет, что «юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований норм права, использования правомочий в соответствии с их целевым предназначением, которая реализуется в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а при её нарушении – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и её реализация» [27, с. 27–28]. Осознавая «безразмерность» данного определения и фактическое слияние юридической ответственности со всем инструментарием права (принуждением, убеждением и даже поощрением), а также с ре-

зультатами реализации и нереализации права – правомерным и неправомерным поведением, Д.А. Липинский уточняет: «Юридическую ответственность как правовое явление необходимо определять, исходя из её широкого философского понимания, включающего как позитивный, так и негативный аспект реализации» [27, с. 28]. Он называет своё определение «целостным».

Однако общесоциальное, философское, так называемое «целостное» определение юридической ответственности как «целостного» института, объединяющего позитивный и ретроспективный аспекты, на наш взгляд, есть нонсенс, непонятный простому человеку, которому важно знать, применена ли к правонарушителю предусмотренная законом санкция, понёс ли он юридическую ответственность, и если нет – то по каким причинам виновное лицо избежало ответственности.

Определение Д.А. Липинского исходит из философского понимания юридической ответственности, однако непонятно, почему юридический категориальный аппарат, которым пользуются и правоприменители, «исходит» из философии. Да и для ученых такое определение ответственности слишком витиевато. Было бы странно, скажем, если бы вместо юридического понимания семьи правоприменители стали бы пользоваться не кодексом о браке и семье, а философским пониманием семьи. К тому же философия-то семьи претерпевает изменения, и в свидетельстве о рождении по законодательству некоторых стран в графах «родители» уже пишут «Родитель 1» и «Родитель 2», соблюдая толерантность по отношению к однополым бракам.

В определении Д.А. Липинского перечислены инструменты права, которые в совокупности обеспечивают ответственное поведение, но ведь ответственное поведение само нуждается в гарантиях, в том числе не только юридических, но и общесоциальных. Но в чём же тогда состоит гарантирующая роль юридической ответственности? Этот замкнутый круг возникает потому, что юридическую ответственность Д.А. Липинский конструирует по образу и подобию общесоциальной ответственности, в которой позитивный аспект сливается с совестью, убеждением, дисциплинированностью, страхом морального осуждения. У моральной ответственности тоже есть своя «негативная» ответственность: замечание, нотация, моральное презрение, нерукопожатность, игнорирование, исключение из коллектива и т.д.

Однако вряд ли правильно юридическую ответственность, которая давно заняла своё особое место в юриспруденции, трактовать по образу и подобию моральной ответственности. Юридическая ответственность никакого отношения к убеждению и поощрению не имеет, ибо в ней концентрируется принудительная сила государственно организованного принуждения. От юридической ответственности все ждут того, чтобы она гарантировала реализацию права, была его гарантией в виде узаконенного государственного принуждения под названием «юридическая ответственность», поскольку это принуждение не означает произвол силы, а означает возмездие закона. В такой юридической ответственности нет ничего негативного.

Итак, мы предлагаем следующее определение: ***юридическая ответственность есть инструмент воздействия на правонарушителей со стороны государства в виде установленных им мер (санкций), т.е. государственной реакции на правонарушение компетентных органов власти в виде негативной государственной оценки или реальном лишении принадлежащих правонарушителю благ и/или неполучении возможных благ.***

Возможно, в таком определении юридической ответственности тоже есть какие-то недостатки, но оно гораздо продуктивнее, практичнее и точнее аморфных и безразмерных философских определений юридической ответственности.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Санкции в советском государственном праве // Сов. государство и право. – 1973. – № 11. – С. 29–36.
2. Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность // Сов. государство и право. – 1975. – № 10. – С. 22–29.
3. Безуглов А.А. Советский депутат. Государственно-правовой статус. – М.: Юридическая литература, 1971. – 221 с.
4. Боброва Н.А. Санкции и ответственность в советском государственном праве // Актуальные проблемы советского строительства: сборник. – Куйбышев, 1976. – С. 37–40.
5. Боброва Н.А. Ответственность в советском государственном праве // Актуальные проблемы сов. государственного права: сборник. – Куйбышев, 1976. – С. 13–17.
6. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности: монография. – М.: Юрлитинформ. 2019. – 544 с.
7. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты). – Воронеж: Воронежский ун-т, 1985. – 184 с.
8. Виатр Е. Конституционная ответственность в Польше после 1989 года // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. – 1996. – № 2. – С. 11–21.
9. Гайдук С.Л., Гаипова В.Р. Унификация понятия «юридическая ответственность» // Право и политика: теоретические и практические проблемы: мат. 3-й Междунар. конф. / отв. ред. А.В. Малько. – Рязань: «Концепция», 2014. – Вып. 3. – С. 20–25.
10. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 195 с.
11. Даниленко В.Н. Проблемы понятия и классификации юридической ответственности // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2013. – № 13. – С. 92–95.
12. Джанкезов Б.М. К вопросу о возможности (невозможности) существования самостоятельной отрасли конституционного процессуального права // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 8–13.
13. Ерёменко Ю.П., Рудинский Ф.М. Проблемы ответственности в советском государственном праве // Труды ВСШ МВД СССР. – Вып. 9. – Волгоград, 1974. – С. 7–15.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 427 с.
15. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 17–21.
16. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву: Дис. ... канд. юр. наук. – Воронеж, 1975. – 188 с.
17. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву: монография. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1980. – 160 с.
18. Институт юридической ответственности: монография / под ред. проф. Д.А. Липинского. – М., 2019. – 275 с.
19. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1998. – 347 с.
20. Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 381 с.
21. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. – 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 506 с.

22. *Комаров С.А., Липинский Д.А.* Карательная и восстановительная функции гражданско-правовой ответственности: взгляд представителей науки теории государства и права: статья // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 129–132.
23. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права: Курс лекций /С. А. Комаров. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. – 303 с.
24. *Краснов М.А.* Ответственность Советов народных депутатов // Государственно-правовые вопросы социалистической представительной системы; Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново, 1985. – 149 с.
25. *Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х.* Проблемы общей теории jus. – М. 2012. – 418 с.
26. *Липинский Д. А., Великосельская И. Е.* Состав правонарушения. – М., 2013. – 172 с.
27. *Липинский Д.А.* Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 25–28.
28. *Лучин В.О., Боброва Н.А.* К вопросу о конституционных деликтах // Укрепление правовой основы – закономерность развития советского государства. – Куйбышев, 1990. – С. 61–70.
29. *Лучин В.О.* Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. – 1992. – № 1–2. – С. 7–15.
30. *Маркин А.В.* Логика юридической ответственности. – М.: NOTA BENE, 2010. – 218 с.
31. *Маркин А.В.* Философия права и ответственность // Правонарушения и юридическая ответственность: материалы Международной конференции / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. – Тольятти: ТГУ, 2012. – 218 с.
32. *Маркин А.В.* Позитивная безответственность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 1 (1). – С. 47–52.
33. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 636 с.
34. *Матевосова Е.К.* Субъект правоотношения: традиционные подходы и новые концепции // Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции: колл. монография / под ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 464 с.
35. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. – М., 2002. – 435 с.
36. *Параскевова С.А.* Автореф. дисс. ... док. юр. наук. Понятие и социальная сущность гражданских правонарушений (теоретические проблемы). – М., 2007. – 48 с.
37. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. – М.: Норма, ИНФРА-М., 2013. – 312 с.
38. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – 429 с.
39. Философия права. Курс лекций: в 2-х тт. / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 168 с.
40. *Хачатуров Р.Л.* Ответственность, безответственность, правонарушаемость // Право и политика. – 2006. – № 1. – С. 12–16.
41. *Хачатуров Р.Л.* О юридической безответственности // Актуальные проблемы правоведения: сб. науч. трудов. – Вып. 5. – Тольятти: ТГУ, 2008. – С. 5–10.
42. *Хачатуров Р.Л.* О правонарушаемости, юридической ответственности и безответственности // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2008. – № 2 (2). – С. 88–89.
43. *Хачатуров Р.Л.* Ответственность, безответственность, преступность. – Тольятти. Юриспруденция. Межвуз. сб. науч. трудов. – 1995. – № 1.
44. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб: «Юридический центр Пресс», 2007. – 928 с.
45. *Хачатуров Р.Л.* Становление отраслей права Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 91–96.
46. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. – СПб., 2012. – 388 с.

47. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. P. 1188–1197.

Для цитирования: Боброва Н.А., Хачатуров Р.Л. Сущность юридической ответственности // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 26–38. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.002

Natalya A. Bobrova*
Rudolf L. Khachaturov**

THE ESSENCE OF LEGAL RESPONSIBILITY***

Annotation. *There is a kind of competition between "pure" legal theorists and "down-to-earth" branch specialists in the question of who responds faster to the challenges of the time and produces the doctrinal constructions of legal responsibility demanded by practice. Some scholars express doubts about the ability of the general theory of law to give a definition of legal responsibility, uniting all of its branch types. The article examines the reasons for the emergence of some flawed theoretical doctrines and the definitions of legal responsibility arising from them, which are not suitable for industry types of responsibility. The definition of legal responsibility is given, suitable for all branches of law.*

Key words: *legal responsibility, methodological foundations, types of legal responsibility, irresponsibility as a paired category, definition of legal responsibility.*

Methodological statement of the problem. Legal responsibility is a fundamental category and one of the most difficult problems in the theory of state and law, as well as in branch legal sciences. Attempts to consider legal responsibility as a single complex intersectoral institution, which is characterized by genetic, subordinate and coordination ties [44, p. 877–880; 6, p. 77–87; 18, p. 22], already exist in the scientific literature and are met by scientists ambiguously.

The theoretical and methodological role in the study of legal responsibility is played by the general theory of state and law [21; 37; 46] and, as V.V. Lazarev, her subject matter and her language are the subject matter and language of all jurisprudence and all that constitutes jus in the aggregate of metatheory and real practice [25, p. 9–10]. True, not only the theory of law, but also the philosophy of law claims a methodological role in the study of legal responsibility [14; 30, 39]. Indeed, the philosophy of law "is unlikely to ever exhaust its subject and give humanity final answers to questions about law and responsibility, since law and responsibility are the same process of endless formation of a social substance, like civilization itself" [31, p. 205].

---

* **Bobrova Natalya Alekseevna**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia (e-mail: bobrovana@mail.ru)

** **Khachaturov Rudolf Levonovich**, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia (e-mail: jus@tltu.ru)

*** The research was carried out with the financial support of RFBR and SC RA within the framework of the scientific project No. 20-511-05003 (The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-511-05003).

Theory of State and Law

An invisible competition in which best responds to the challenges of the times and produces new ideas is between legal theorists and industry specialists. There is, as it were, a mutual rejection between "pure" theoreticians and "down to earth" branch specialists.

So, S.A. Paraskevova denies the methodological significance of the general theory of law in the study of sectoral types of responsibility and sectoral types of offenses, at least in civil law. She writes: "The general theory of law is not capable of serving as a theoretical basis for the study of civil offenses" [36, p. 17]. Many industry scientists hold the same opinion, but either they do not dare to openly express such a position, or they do it more gracefully, like E.K. Matevosova, who believes that "in the interaction between general and sectoral knowledge, it is unacceptable to exalt the significance of the initial provisions to the extent that they can have an effect that inhibits the development of sectoral ideas, in particular, about the subject of legal relations. Therefore, the general theory of law cannot monopolize the understanding of the subject of legal relations" [34, p. 14].

The position of denying the methodological role of the theory of state and law is criticized by I.E. Velikoselskaya: "In some legal sciences, which have just begun to study their own sectoral types of offenses, they are trying to substantiate the structures of offenses that are not based on the scientific achievements of the theory of state and law. The theory of state and law is designed to form a uniform conceptual apparatus of the theory of the composition of the offense and in connection with the emergence of new varieties of offenses – its general legal structure, thereby fulfilling its methodological function" [26, p. 3–4]. Despite the unconditional correctness of I.E. Velikoselskaya, one cannot say that S.A. Paraskevova and E.K. Matevosova is absolutely wrong, especially the latter herself is a theoretician (associate professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin), and civil law does not at all belong to those industries that have just begun to study their own types of responsibility.

S.A. Paraskevova, not wanting to offend "pure" theorists, only reflected the tendency of many theoretical studies to a certain traditional averaging of sectoral institutions, ignoring their peculiarities protruding from theoretical constructions, as well as the tilt of some theoretical constructions into philosophical definitions of responsibility, which are very remote from the real jurisprudence. Some general theoretical "achievements" in the study of legal responsibility, such as its positive and negative aspects, which have been developed for half a century, generally contributed to the dissolution of the own nature of legal responsibility in its so-called "general social" nature, in moral, political and other social responsibility. Meanwhile, legal science is important for society precisely as legal science. Otherwise, it loses any social significance, which pushed the narrow-profile specialists of legal responsibility away from the so-called "general social" constructions and definitions of legal responsibility.

Often, branch specialists are somewhat ahead of theorists, as, for example, constitutionalists have overtaken them in the study of sanctions in the sphere of public authority and constitutional relations, in the study of constitutional and legal responsibility, which theorists noticed and included in textbooks only 30 years after began her research by constitutionalists. Other branch specialists have similar claims to the "pure" theorists.

Some scholars even believe that attempts to unify the concept of legal responsibility "are still in vain, since it is being developed both by the general theories of law and by sectoral legal sciences, which have different goals and objectives" [9, p. 22] and that "one should rely on the internal tasks of each branch, without trying to create a universal concept for all law" [11, p. 93].

Theorists, on the other hand, are offended by industry specialists for such statements. In our opinion, theorists, instead of being offended, should comprehend the achievements of branch specialists who have overtaken them in the study of certain legal phenomena, and – most importantly! – to understand the unacceptability of some ephemeral theoretical constructions, for example, the division of legal liability into positive and negative, which is contrary to common sense and unsuitable for law enforcement practice.

Structuring legal responsibility. On the issue of genetic and subordinate relations of legal responsibility, the idea of a “progenitor”, a primary single institution, arose: criminal liability is the progenitor of administrative, administrative is the progenitor of financial, civil liability (by the way, in the legislation there is not even such a term!) – gave birth to material labor responsibility, not to mention the multitude of subspecies within civil law.

In the last quarter of the twentieth century began to form an independent type of state-legal (constitutional-legal) responsibility, starting with the works of such constitutionalists as S.A. Avakyan, two articles of which formed the basis for the development of a new type of legal responsibility – state-legal (constitutional-legal) [1; 2], A.A. Bezuglov (the term “state and legal responsibility” first appeared at the monographic level in relation to the deputy) [3], Yu.P. Eremenko and F.M. Rudinsky [13], T.D. Zrazhevskaya [15; 16], N.A. Bobrova [4; 5], M.A. Krasnov [24], V.O. Luchin [28; 29] and others.

The first monograph, as well as the dissertation devoted to this type of responsibility, belongs to T.D. Zrazhevskaya [17], the second monograph was published 5 years later [7], by the end of the twentieth century, a boom in research on this type of responsibility began. Foreign scientists also contributed, for example, E. Viatr [8].

The first textbooks on state (constitutional) law, in which in separate chapters this type of responsibility and the corresponding state-legal (constitutional-legal) sanctions were considered, were: the textbook by E.I. Kozlova and O.E. Kutafin [19], a course of lectures by E.I. Kolyushin (immediately after two – lecture 3 “Responsibility in constitutional law”) [20, p. 21–28]. Now, not a single textbook on constitutional law is published without a section of a chapter or paragraph devoted to constitutional and legal responsibility.

As for textbooks on the theory of state and law, for the first time in the course of S.A. Komarov recognized the independent specific nature of constitutional-legal (constitutive) responsibility [23], albeit within the framework of positive legal responsibility. Then this idea became independent in the theory of state and law [35, p. 117]. So, only three decades after the beginning of the development of the institution of state-legal (constitutional-legal) responsibility, this type of responsibility received general theoretical recognition.

Undoubtedly, the revolutionary 90s of the last century played their role in the general theoretical institution of legal responsibility, both integrative and disintegrative. Now, in the 21st century, along with the traditional types of legal responsibility, as its autonomous institutions and new types (subspecies), scientists are studying banking, budgetary, civil procedural, criminal procedural, executive procedural, environmental responsibility, as well as other types of responsibility allocated as a result of the fragmentation of branches of law.

The process of splitting a single institution of responsibility into subinstitutions, types and subspecies, as well as the process of splitting the right into branches, cannot be endless, because, as scientists note [45, p. 91], in the literature there are already up to 90 branches of law. In science, the problem of the limits of disintegration of branches of law has clearly arisen [10; 12, p. 8–13; 45, p. 91–96]. The attempts to substantiate the existence of “land”, “urban planning”, “family law”, “customs”, “educational”, “informational”

and similar types of responsibility, when a separate norm or sanction is issued for a whole legal responsibility institution.

Just as the branches of law are not invented for subjective reasons, but are formed objectively, being born "from social and practical needs" [45, p. 396], and the differentiation of responsibility into types is a natural and subjective process only in part. M.N. Marchenko identifies the following conditions for the formation of an independent branch of law: a) the degree of originality of certain relations; b) their share; c) the inability to settle the relationship that has arisen with the help of the norms of other industries; d) the need to apply a special method of regulation [33, p. 564]. All the above conditions, but also taking into account other criteria (a developed institution of its own sanctions, for example), must also satisfy the newly formed type of legal responsibility, given the fact that there are much fewer types of responsibility than branches of law, and not every branch of law corresponds to the same type legal responsibility.

So, B.M. Dzhankhezov gives a categorically negative answer to the question of the possibility of the existence of an independent branch of constitutional procedural law: "for the sectoral institutionalization of constitutional procedural law by "breaking" the single material procedural fabric of constitutional legal norms, there is neither opportunity nor necessity. It seems more correct to emphasize the complex material-procedural nature of the branch of constitutional law and improve its procedural component" [12, p. 12]. We also have a negative attitude to the allocation of new exotic types of legal liability.

Disintegration and centrifugal processes in the system of law, expressed in the unrestrained sovereignty of more and more new branches of legislation and law, also affect the system of types of legal responsibility, disintegration processes within this complex intersectoral institution, its groundless fragmentation, the danger of which was thought scientists [45].

At the same time, receiving such additional support, skepticism about the possibility of developing a single concept of legal responsibility that is suitable both for the general theory of law and for all industry legal sciences is growing.

Legal responsibility as the embodiment of the essence of law. The terms "positive" and "negative" are hardly correct in relation to legal liability. It can be legal and illegal, fair and unfair, soft and harsh, effective and ineffective, but not positive and negative. Any legally applied responsibility is positive, and vice versa, sweet-talked arguments about the positive responsibility of certain subjects, in reality only feeding their irresponsibility, play a negative role.

A special legal term "responsibility", different from morality, in jurisprudence from the moment this term appeared, meant "punishment", the reaction of the state to an offense: the violation of legal norms established (sanctioned) by the state by the subject of law was supposed to give this subject a mandate, to teach him a lesson in obedience to law, a certain decision of the authorities, a verdict. The measure of punishment (sentence in the broad sense of the word) was legal sanction. In other words, in law the term "responsibility" has acquired a different meaning than in morality.

"Apply sanction" meant "apply responsibility". Curiously, one cannot say "impose a sanction" or "impose a duty". You can only assign responsibilities, as well as take them upon yourself (responsibility in the moral sense). At the same time, obligations, both moral and legal, can be fulfilled voluntarily, which cannot be said about legal responsibility. However, adherents of positive legal responsibility write about voluntary and compulsory forms of implementation of legal responsibility. Meanwhile, legal responsibility always has

an objectively coercive character, even if the subject of law goes to it voluntarily. The term "responsibility" in jurisprudence is used both in the sense of "assign" (positive responsibility), and in the sense of applying (retrospective responsibility), which played a cruel joke with this concept, creating a "chameleon effect".

Responsibility in a positive (moral, political, religious and other general civil sense) is a characteristic of the subject of responsibility itself, and legal responsibility itself is something external to him, involving the activities of special (vested with competence) law enforcers who apply to the subject of law established in the sanctions a measure of coercion (mental, physical, organizational, financial).

Responsibility in a positive sense and legal responsibility proper are different social institutions, homonyms, albeit denoted by one word. Legal responsibility serves an important state function – law enforcement, having a positive meaning for the state and society.

The etymology of the word "responsibility" has undergone the same metamorphosis as the etymology of the word "thin". What is the etymology of the word "lean"? Fat people dream of losing weight, which means losing weight, becoming slimmer, more attractive. Meanwhile, this word was formed from the word "bad" ("bad"). Initially, "thin man" meant "bad", "sick", "skinny", "poor", and in relation to things, this term has not lost its etymological primogeniture to this day: a thin pocket. An etymological metamorphosis also occurred with the term "legal responsibility".

The institution of legal responsibility is important for society not in its moral quality, but in its legal capacity. Otherwise, legal responsibility loses all meaning for a society in which there are other types of responsibility, which are also effective. In legal responsibility as a reaction of the state to an offense, the essence of law materializes, which is nothing without an apparatus capable of enforcing compliance with the rules of law.

There are negative consequences for social tort in all types of social responsibility, therefore, its own "retrospective", "negative" responsibility is not only in legal responsibility. But the negative reaction of the state was established only for a legal tort as a violation of a legal norm. As already mentioned, a distinctive feature of a legal norm is the state-organized coercion behind it. Legal responsibility is the embodiment of this state-organized coercion. In other types of liability, there is no state coercion. Therefore, there is no "holistic" definition of legal and other types of social responsibility, which the adherents of positive legal responsibility cannot accept.

The positivity property of legal responsibility is absolute: if a norm of law contains a negative (negative) state assessment of a particular act in the form of a certain sanction, then society, by definition, has a positive attitude towards the onset of such responsibility and expects its unswerving occurrence in full accordance with the principle of inevitability of responsibility ... Therefore, it is hardly correct to call the most important tool for the implementation of the law and the impact of the latter on offenders as negative responsibility. Who came up with this term? It is simply a responsibility that the state and society need like bread. Yes, bread is not sweet, like a reward – a "cake" (some scientists call reward "alternative sanctions"), but bread is not negative. Legally applied legal liability is always positive.

The epithets "positive" and "negative" in relation to legal responsibility are fraught with not only theoretical, but also practical danger: replacing "negative" responsibility with "positive" means a way of avoiding responsibility, especially for government officials.

Legal responsibility expresses the unity of law and the state, for law is nothing without an apparatus capable of enforcing compliance with the rule of law. Law is a system of generally binding rules of conduct established or sanctioned by the state, secured by the

Theory of State and Law

---

force of state-organized coercion. This power is expressed in the legal responsibility of the offenders. Where there is no special public authority, called the state, there is no law, and where there is no law, there is no state coercion and its most important variety – legal responsibility.

According to A.V. Markin, “legal responsibility is a positive phenomenon for two reasons: in connection with the fact that it refers to positive law and in connection with the fact that it is a social value. The property of negative legal liability does not exist. Legal responsibility as an element of a legal norm and as a method of influencing the offender is positive” [10, p. 50].

Responsibility one way or another is present in any rule of law as a logical structure. And if there is no responsibility, then this is some other construction (political responsibility, moral attitude, historical declaration, etc.). Responsibility is an inevitable logical companion of duties and prohibitions. So, Art. 57 of the Constitution of the Russian Federation contains a provision according to which “everyone is obliged to pay legally established taxes and fees. Laws that establish new taxes or worsen the position of taxpayers have no retroactive effect”. The first sentence of this article is the constitutional basis of tax legislation and law. The second sentence means that it is prohibited for the legislator to establish taxes with retroactive effect. Any taxpayer knows that tax legislation is a mechanism of tax liability that cannot be bypassed or ignored.

Art. 2 of the Tax Code of the Russian Federation states that “the legislation on taxes and fees regulates the power relations in the establishment, imposition and collection of taxes and fees in the Russian Federation, as well as relations arising in the process of exercising tax control, appealing acts of tax authorities, their actions (inaction) officials and holding them accountable for committing a tax offense”. This provision is perceived as a legal responsibility behind each norm of tax legislation and supported by various sanctions, including criminal ones. This provision is the principle of tax obligations as a logical method, a way to ensure them.

However, the fact that responsibility is an inevitable consequence of non-fulfillment of duties does not at all mean that responsibility can be equated with duty, as individual researchers do. Responsibility is an independent legal instrument that guarantees the implementation of legal norms.

The nature of responsibility is manifested in sanctions as a legalized force of state coercion. Criticizing scientists who define responsibility as a special duty [44, p. 50, 172, 188], A.V. Markin notes that responsibility and obligation are different-order phenomena and cannot serve as a basis for determining the essence of each other. The obligation is characterized by performance, non-performance or improper performance. Responsibility cannot be performed or improperly executed. Responsibility is a means of execution, a guarantee of securing a legal obligation. Legal responsibility is based on the ability of law to influence public relations. It is an axiom of jurisprudence to prove the positivity of the impact of law on the social relations it regulates, so there is no need for this [32, p. 46]. To consider incentive measures as alternative sanctions of liability, as some scientists do, also, according to A.V. Markin, wrong: methods, methods and techniques of encouragement are based solely on persuasion; encouragement is incompatible with coercion [32, p. 47].

Legal responsibility is a form of manifestation of the coercive power of the state at the level of the rule of law. The very existence of legal obligations presupposes their provision by the state, just as the existence of subjective rights presupposes their appropriate protection by the state, which is the dialectic of the unity of rights and obligations. The norm of

law is a logical construction, a matrix containing a kind of code for the emergence, development and termination of a future legal relationship. In the norm of law, in a coded, compressed form, information about the future social relation is contained, as in embryo, in the norm of law. According to A.V. Markin, "responsibility is a legalized way of depriving a good in order to stimulate a certain behavior of the subject of law. Therefore, the attempts of scientists to define (actually substitute) responsibility for responsibility is in destructive contradiction with the logic of the rule of law" [32, p. 47].

Legal responsibility and legal irresponsibility as paired categories. Legal responsibility is positive, if it is applied legally, always positive. It is not legal responsibility that is negative, but legal irresponsibility. In a sense, these are the essence of opposing paired categories. Legal irresponsibility is a polar category opposite to legal responsibility. The meaning of legal responsibility lies in the fact that this concept means negative and objectified consequences for the offender in sanctions.

Legal responsibility is the realization of the very coercive essence of law and in this sense it cannot be anything other than positive. And the fact that it is "negative" for the offender is precisely its positive meaning and significance for society. And vice versa, the negative is the departure of the guilty subject from legal responsibility. Negative for the principle of legality, society and the state is the illegal assistance of representatives of the authorities so that the perpetrator avoids legal responsibility, which is corruption.

So, legal responsibility is positive, but legal irresponsibility is negative, and it is the latter that is the opposite of the paired categories of legal responsibility, and not at all "positive" legal responsibility.

The literature emphasizes the merits of Professor R.L. Khachaturov, who raised in his works the problem of legal irresponsibility to a doctrinal level and urged scientists to pay attention to the research and applied potential of this category [40; 41; 42; 43].

And then the paired categories of responsibility and irresponsibility were studied by his students: D.A. Lipinsky and A.V. Markin, each in his own way, since the former is an adherent of positive legal responsibility, and the latter is a critic of it.

According to A.V. Markin, "the negativity of legal responsibility is irresponsibility. (...) These categories mean absolutely opposite, mutually exclusive phenomena. If there is legal responsibility, then there is no legal irresponsibility and vice versa" [32, p. 50].

In reality, there are not two aspects of legal responsibility at all, but two antipodes – legal responsibility and legal irresponsibility, and the latter appears under the guise of moral, political, party, religious, etc. responsibility, which also guarantees lawful behavior and is called positive responsibility. Perhaps this is a responsibility, but not a legal one. According to A.V. Markin, "in contrast to legal responsibility, legal irresponsibility is initially negative. It means the absence of legal responsibility" [32, p. 50]. It is no coincidence that he also called his article "Positive irresponsibility", as if with an element of irony in relation to adherents of positive legal responsibility.

There is legal irresponsibility provided for and stipulated by the state under certain conditions, i.e. in this case, irresponsibility is legitimate, because it represents a legal exemption from legal responsibility. The property of legal irresponsibility originally belongs to the monarch. However, irresponsibility for the most part is illegal and therefore negative, and the very use of the term "negative" in relation to irresponsibility is a tautology, since irresponsibility is a priori negative.

Some conclusions and definition of legal responsibility. Our conclusions are as follows: 1) Legal responsibility is used by the state as an extremely important and therefore

Theory of State and Law

---

always a positive tool for influencing public relations, if responsibility is applied legally; 2) Negativity and positivity are antipodes, not aspects of legal responsibility; 3) The very terms "negative" and "positive" legal liability are incorrect; 4) Paired categories are not positive and negative responsibility, but "legal responsibility" and "legal irresponsibility"; 5) Irresponsibility is a flawed state regime; 6) The general theory of law still retains its methodological role in relation to all sectoral types of legal responsibility, which are formed in accordance with social laws, and are not composed by scientists; 7) the development of a unified definition of legal responsibility is possible and necessary, since responsibility expresses the essence of law as an instrument of influencing public relations, guaranteed by state-organized coercion.

There are many definitions of legal liability. The punitive and restorative functions of responsibility in general, civil liability in particular, are increasingly considered [22]. New directions of research appear in the theory of state and law. For example, the effectiveness of the implementation of the constitutional principle on the inadmissibility of the exercise of human and civil rights and freedoms that infringe on the rights and freedoms of others, the general prohibition on abuse of law, enshrined in the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, necessarily requires analysis of the theory and practice of the implementation of various situations associated with abuse of law and types of legal responsibility [22, p. 1190].

It seems that one should first dissociate oneself from those concepts that are both methodologically flawed and unacceptable in practical jurisprudence.

D.A. Lipinsky writes that "legal responsibility is a normative, guaranteed and secured by state coercion, persuasion or encouragement, a legal obligation to comply with and fulfill the requirements of the rule of law, to use powers in accordance with their intended purpose, which is implemented in the lawful behavior of subjects, approved or encouraged by the state, and in case of its violation – the offender's obligation to undergo conviction, restriction of property or personal non-property rights and its implementation" [27, p. 27–28]. Realizing the "dimensionlessness" of this definition and the actual merging of legal responsibility with all the instruments of law (coercion, persuasion and even encouragement), as well as with the results of the implementation and non-implementation of the right – lawful and illegal behavior, D.A. Lipinsky clarifies: "Legal responsibility as a legal phenomenon must be determined based on its broad philosophical understanding, including both positive and negative aspects of implementation" [27, p. 28]. He calls his definition "holistic."

However, the general social, philosophical, so-called "holistic" definition of legal responsibility as a "holistic" institution combining positive and retrospective aspects, in our opinion, is nonsense, incomprehensible to an ordinary person, who is important to know whether a legal sanction has been applied to an offender, whether he has suffered he is legally responsible, and if not, then for what reasons the guilty person escaped responsibility.

Definition of D.A. Lypynsky proceeds from a philosophical understanding of legal responsibility, but it is not clear why the legal categorical apparatus, which is also used by law enforcement officials, "comes" from philosophy. And for scientists, this definition of responsibility is too ornate. It would be strange, for example, if, instead of a legal understanding of the family, law enforcers would use not the marriage and family code, but the philosophical understanding of the family. In addition, the philosophy of the family is undergoing changes, and in the birth certificate, according to the legislation of some coun-

tries, in the columns "parents" they already write "Parent 1" and "Parent 2", observing tolerance towards same-sex marriages.

In the definition of D.A. Lypynsky lists the instruments of law, which together provide responsible behavior, but responsible behavior itself needs guarantees, including not only legal, but also social ones. But what, then, is the guaranteeing role of legal responsibility? This vicious circle arises because the legal responsibility of D.A. Lipinsky constructs in the image and likeness of general social responsibility, in which the positive aspect merges with conscience, conviction, discipline, fear of moral condemnation. Moral responsibility also has its own "negative" responsibility: remark, notation, moral contempt, lack of handshake, ignorance, exclusion from the team, etc.

However, it is hardly correct to interpret legal responsibility, which has long taken its special place in jurisprudence, in the image and likeness of moral responsibility. Legal responsibility has nothing to do with persuasion and encouragement, because it concentrates the coercive force of state-organized coercion. Everyone expects legal responsibility to guarantee the realization of the right, to be its guarantee in the form of legalized state coercion called "legal responsibility", since this coercion does not mean the arbitrariness of force, but means the retribution of the law. There is nothing negative about such legal responsibility.

So, we offer the following definition: **legal responsibility is an instrument of influence on offenders by the state in the form of measures (sanctions) established by it, i.e. state reaction to the offense of the competent authorities in the form of a negative state assessment or real deprivation of benefits belonging to the offender and / or non-receipt of possible benefits.**

Perhaps this definition of legal responsibility also has some drawbacks, but it is much more productive, practical and more accurate than amorphous and dimensionless philosophical definitions of legal responsibility.

Bibliographic list

1. Avakyan S.A. Sanctions in the Soviet state law // Sov. state and law. 1973. No. 11. P. 29–36.
2. Avakyan S.A. State and legal responsibility // Sov. state and law. 1975. No. 10. P. 22–29.
3. Bezuglov A.A. Soviet deputy. State and legal status. Moscow: Legal literature, 1971. 221 p.
4. Bobrova N.A. Sanctions and responsibility in the Soviet state law // Actual problems of Soviet construction: collection. Kuibyshev, 1976. P. 37–40.
5. Bobrova N.A. Responsibility in the Soviet state law // Actual problems of Sov. state law: collection. Kuibyshev, 1976. P. 13–17.
6. Bobrova N.A. General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility: monograph. Moscow: Jurlitinform, 2019. 544 p.
7. Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D. Responsibility in the system of guarantees of constitutional norms (state and legal aspects). Voronezh: Voronezh University, 1985. 184 p.
8. Viatr E. Constitutional responsibility in Poland after 1989 // Constitutional law: Eastern European review. 1996. No. 2. P. 11–21.
9. Gaiduk S.L., Gaipova V.R. Unification of the concept of "legal responsibility" // Law and politics: theoretical and practical problems: mat. 3rd Inter-dunar. conf. / resp. ed. A.V. Malko. Ryzan: "Concept", 2014. Issue 3. P. 20–25.
10. Golovina A.A. Criteria for the formation of independent industries in the system of Russian law: Diss. ... Cand. jurid. sciences. Moscow, 2012. 195 p.
11. Danilenko V.N. Problems of the concept and classification of legal responsibility // Bulletin of the Siberian State University of Railways. 2013. No. 13. P. 92–95.

Theory of State and Law

---

12. Dzhankezhov B.M. On the question of the possibility (impossibility) of the existence of an independent branch of constitutional procedural law // Constitutional and municipal law. 2019. No. 8. P. 8–13.
13. Eremenko Yu.P., Rudinsky F.M. Problems of responsibility in the Soviet state law // Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Issue 9. Volgograd, 1974. P. 7–15.
14. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Philosophy. Philosophy of Law. Legal science: monograph. Moscow: Jurlitinform, 2015. 427 p.
15. Zrazhevskaya T. D. Responsibility under the Soviet state law // Jurisprudence. 1975. No. 3. P. 17–21.
16. Zrazhevskaya T. D. Responsibility under the Soviet state law: Dis. ... Cand. legal entity sciences. Voronezh, 1975. 188 p.
17. Zrazhevskaya T. D. Responsibility for Soviet state law: a monograph. Voronezh: Voronezh state. un-t, 1980. 160 p.
18. Institute of legal responsibility: monograph / ed. prof. YES. Lipinsky. Moscow, 2019. 275 p.
19. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia: textbook. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Jurist, 1998. 347 p.
20. Kolyushin E.I. Constitutional (state) law of Russia: A course of lectures. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1999. 381 p.
21. Komarov S.A. General theory of state and law: textbook. 9th ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 506 p.
22. Komarov S.A., Lipinsky D.A. Punitive and restorative functions of civil liability: the view of representatives of science of the theory of state and law: article // State and Law. 2018. No. 9. P. 129–132.
23. Komarov, S.A. General theory of state and law: A course of lectures / S. A. Komarov. Saransk: Publishing house of Mordovs. University, 1994. 303 p.
24. Krasnov M.A. Responsibility of the Councils of People's Deputies // State-legal issues of the socialist representative system; Interuniversity. Sat. scientific works. Ivanovo, 1985. 149 p.
25. Lazarev V.V., Lipen S.V., Saidov A.Kh. Problems of the general theory of jus. Moscow, 2012. 418 p.
26. Lipinsky DA, Velikoselskaya IE Composition of the offense. Moscow, 2013. 172 p.
27. Lipinsky D.A. Macrolevel of the institution of legal responsibility // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 1. P. 25–28.
28. Luchin V.O., Bobrova N.A. On the issue of constitutional delicts // Strengthening the legal framework – the pattern of development of the Soviet state. Kuibyshev, 1990. P. 61–70.
29. Luchin V.O. Responsibility in the mechanism for implementing the Constitution // Law and Life. 1992. No. 1–2. P. 7–15.
30. Markin A.V. The logic of legal responsibility. Moscow: NOTA BENE, 2010. 218 p.
31. Markin A.V. Philosophy of law and responsibility // Offenses and legal responsibility: materials of the International conference / otv. ed. R.L. Khachaturov. Togliatti: TSU, 2012. 218 p.
32. Markin A.V. Positive irresponsibility // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2010. No. 1 (1). P. 47–52.
33. Marchenko M.N. Theory of state and law: textbook. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Prospect, 2017. 636 p.
34. Matevosova E.K. The subject of legal relations: traditional approaches and new concepts // Legal relations in modern legal reality: traditional approaches and new concepts: call. monograph / ed. R.L. Khachaturov. Moscow: Jurlitinform, 2019. 464 p.
35. Morozova L.A. Theory of State and Law. Moscow, 2002. 435 p.
36. Paraskevova S.A. Author's abstract. diss. ... doc. legal entity sciences. Concept and social essence of civil offenses (theoretical problems). Moscow, 2007. 48 p.
37. Syrykh V.M. History and methodology of legal science. Moscow: Norma, INFRA-M., 2013. 312 p.

38. Theory of state and law: a course of lectures / Ed. N.I. Matuzov and A.V. Malko. 2nd ed., Rev. and add. Moscow, 2001. 429 p.
39. Philosophy of law. Course of lectures: in 2 vols. / ed. M.N. Marchenko. Moscow: Pro-spec, 2011. 168 p.
40. Khachaturov R.L. Responsibility, irresponsibility, delinquency // Law and Politics. 2006.No. 1. P. 12–16.
41. Khachaturov R.L. On legal irresponsibility // Actual problems of jurisprudence: collection of articles. scientific. works. Issue. 5. Togliatti: TSU, 2008. P. 5–10.
42. Khachaturov R.L. On delinquency, legal responsibility and non-responsibility // Bulletin of the Oryol state. un-that. 2008. No. 2 (2). P. 88–89.
43. Khachaturov R.L. Responsibility, irresponsibility, crime. Tolyatti. Jurisprudence. Interuniversity. Sat. scientific. works. 1995. No. 1.
44. Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. General theory of legal responsibility. General theory of legal responsibility: monograph. St. Petersburg: "Legal Center Press", 2007. 928 p.
45. Khachaturov R.L. Formation of branches of law of the Russian Federation // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (41). P. 91–96.
46. Chestnov I.L. Postclassical theory of law. St. Petersburg, 2012. 388 p.
47. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. P. 1188–1197.

For citation: Bobrova N.A., Khachaturov R.L. The essence of legal responsibility // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 38–48. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.002

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ НОВОГО ВИДА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем правового регулирования нового вида чрезвычайных ситуаций – обстановке, сложившейся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих. Рассмотрены нормы федеральных законов, по которым осуществляется регулирование вопросов, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), проанализированы полномочия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, и главных государственных санитарных врачей, возглавляющих федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по организации и осуществлению федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора, и его территориальные органы по субъектам Российской Федерации.

В результате проведенного анализа сформулированы предложения по внесению изменений в федеральные законы «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», позволяющие устанавливать ограничения прав и свобод физических лиц, а также организаций в соответствии с требованиями, установленными Конституцией Российской Федерации, а также предусматривать компенсацию взамен введенных ограничений.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; чрезвычайная ситуация; заболевание, представляющего опасность для окружающих; новая коронавирусная инфекция (COVID-19); санитарно-эпидемиологическое благополучие населения; МЧС России; Роспотребнадзор; главный государственный санитарный врач.

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», который был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации 31 марта 2020 года, подписан Президентом Российской Федерации 1 апреля 2020 года № 98-ФЗ [2], был внесен ряд изменений, в том числе в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [3].

Одной из поправок дополнялось определение чрезвычайной ситуации, в результате которой эта дефиниция стала выглядеть следующим образом: «чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб

---

* **Винокуров Владимир Анатольевич**, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России; доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» (курсив мой – В.В.). Иначе говоря, ситуации, при которых распространяющиеся на определенной территории заболевания, представляющие опасность для окружающих, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы и(или) ущерб здоровью людей, являются чрезвычайными.

Предпосылками довольно быстрого принятия изложенных выше изменений в законодательство послужили проблемы, возникшие при распространении новой коронавирусной инфекции COVID-19, которая Всемирной организацией здравоохранения была определена как пандемия [6]. Автором поднимался ряд вопросов правового характера, связанных с этой инфекцией. Так, анализ нормативных правовых актов позволил прийти к выводу о том, что в условиях распространения на всей территории России новой коронавирусной инфекции должен объявляться режим чрезвычайного положения, частью которого сегодня является чрезвычайная ситуация, или федеральным законом следует предусмотреть новый правовой режим «чрезвычайная ситуация», введение которого позволило бы в порядке, установленном ст. 55 Конституции России, вводить ограничение прав и свобод лиц, проживающих и находящихся на территории нашего государства [8, с. 203].

Кроме того, отмечено, что современное законодательство о чрезвычайном положении, включая вопросы, связанные с чрезвычайными ситуациями, никак не корреспондируется с законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Включение в определение чрезвычайной ситуации фразы, касающейся распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, не решает данную проблему [9, с. 16–17].

Статьей 12 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предусмотрено, что для осуществления государственного управления и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций создается уполномоченный федеральный орган исполнительной власти. В настоящее время таким органом является Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Положение, которое утверждено Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2002 года № 868 [5].

Названным Положением установлено, что основными задачами МЧС России, по вопросам, связанным с чрезвычайными ситуациями, являются: 1) выработка и реализация государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; 2) организация подготовки и утверждения проектов нормативных правовых актов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; 3) осуществление управления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также управление деятельностью федеральных органов исполнительной власти в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; 4) осуществление нормативного регулирования в целях предупреждения, прогнозирования и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций; 5) осуществление деятельности по экстренному реагированию при чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, все правовые и организационные вопросы в части решения проблем с возникающими чрезвычайными ситуациями (включая распространение

заболевания, представляющего опасность для окружающих), возложены на упомянутое Министерство. Обратим внимание также на то, что на данное Министерство возложена функция по управлению деятельностью федеральных органов исполнительной власти в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Положение о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 года № 794 [7]. Данным Положением установлено, что единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций объединяет органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [7, п. 2]. Кроме того, в перечисленных в документе федеральных органах исполнительной власти (в сфере деятельности этих органов) создаются функциональные подсистемы указанной единой системы [7, п. 4], включая подсистему надзора за санитарно-эпидемиологической обстановкой, создаваемой Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Структура единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций предусматривает создание: а) координационных органов – комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на различных уровнях; б) постоянно действующих органов управления, функции которого на федеральном и региональном уровнях закреплены за МЧС России; в) органов повседневного управления на всех уровнях, к которым на федеральном и региональном уровнях являются соответственно Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России и центры управления в кризисных ситуациях территориальных органов этого Министерства [7, п. 7, 10, 11].

Следует также обратить внимание на то, что решениями руководителей, в том числе органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых могут возникнуть или возникли чрезвычайные ситуации, для соответствующих органов управления и сил единой системы может устанавливаться один из следующих режимов функционирования: а) режим повышенной готовности – при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций; б) режим чрезвычайной ситуации – при возникновении и ликвидации чрезвычайных ситуаций [7, п. 24].

Решениями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации или высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в январе–марте 2020 года во всех субъектах России был введен режим повышенной готовности, который до настоящего времени продолжает существовать [10]. Несмотря на то, что в нашей стране от новой коронавирусной инфекции пострадало уже свыше 1,3 миллиона человек [11], режим чрезвычайной ситуации ни в стране в целом, ни в одном субъекте не был объявлен. Поэтому сложно понять, почему в части законодательного урегулирования реальное довольно широкое распространение указанной инфекции в государстве застряло на уровне угрозы распространения.

Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4] предусмотрены ограничительные мероприятия, именуемые карантин, в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний на

территории России, субъекта России, муниципального образования или в организациях. Указанные мероприятия вводятся и отменяются на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей (которые по должности являются руководителями Роспотребнадзора и его территориальных органов) и их заместителей решением Правительства Российской Федерации или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, уполномоченного должностного лица организации [4, ст. 5, 6, 31].

В названном Федеральном законе установлено, что при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний должностные лица, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, имеют право давать гражданам и юридическим лицам предписания, обязательные для исполнения ими в установленные сроки. Такими предписаниями, в частности, являются требования об устранении выявленных нарушений санитарно-эпидемиологических требований; о прекращении реализации не соответствующей санитарно-эпидемиологическим требованиям продукции; о выполнении работ по дезинфекции, дезинсекции и дератизации в очагах инфекционных заболеваний [4, п. 2 ст. 50].

При угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, главные государственные санитарные врачи наделены также полномочиями выносить мотивированные постановления, например, об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания; о госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными такими инфекционными заболеваниями; о временном отстранении от работы лиц, которые являются носителями возбудителей инфекционных заболеваний и могут являться источниками распространения инфекционных заболеваний в связи с особенностями выполняемых ими работ или производства; введении (отмене) ограничительных мероприятий (карантина) в организациях и на объектах [4, пп. 6 п. 1 ст. 51].

Как видим, и предписания, и постановления должностных лиц, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, включая главных государственных санитарных врачей, в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний адресуются физическим или юридическим лицам. В отношении государственных и муниципальных органов главные государственные санитарные врачи вправе лишь вносить предложения, касающиеся, в частности, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, охраны и укрепления здоровья населения [4, пп. 8 п. 1 ст. 51].

Таким образом, несогласованность норм федеральных законов, отсутствие грамотной регламентации деятельности государственных органов привела к тому, что на основании рекомендаций (!) главных государственных санитарных врачей высшими должностными лицами и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов России в нарушение норм Конституции Российской Федерации [1] были приняты постановления, ограничивающие права и свободы граждан. При этом принимаются решения, которые ограничивают права и свободы не только отдельных граждан, но и целых коллективов организаций, деятельность которых запрещается (например, в сферах торговли непродовольственными товарами, культуры и искусства, отдыха и туризма, здравоохранения в части планового лечения).

На первом этапе формирования согласованной нормативно-правовой базы для урегулирования вопросов, связанных с ограничением прав и свобод физических лиц

и организаций при введении чрезвычайной ситуации, сложившейся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, предлагается внести следующие изменения:

1) в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», дополнив его новой статьей 11³ в следующей редакции:

«Статья 11³. Меры и временные ограничения, применяемые при объявлении чрезвычайной ситуации»

1. При объявлении чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации или ее части Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации соответствующим правовым актом может предусматриваться введение следующих мер и временных ограничений:

а) установление ограничений на свободу и порядок передвижения по территории, на которой введена чрезвычайная ситуация;

б) установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической и иной деятельности;

в) установление ограничений трудовых прав граждан и иных лиц, осуществляющих трудовую деятельность;

г) установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия, лекарственных средств и предметов первой необходимости;

д) введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий, связанных с санитарно-эпидемиологическим благополучием населения;

е) привлечение государственного материального резерва, мобилизация ресурсов организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменение режима их работы, переориентация указанных организаций на производство необходимой в условиях чрезвычайной ситуации продукции и иные необходимые в условиях чрезвычайной ситуации изменения производственно-хозяйственной деятельности.

2. При объявлении чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации или на территории муниципального образования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) или главой муниципального образования (главой местной администрации) соответствующим правовым актом может предусматриваться введение мер и временных ограничений, предусмотренных подпунктами «а», «г» и «д» пункта 1 настоящей статьи.

3. Основанием для введения мер и временных ограничений являются:

по пункту 1 настоящей статьи – обоснованные предложения федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

по пункту 2 настоящей статьи – обоснованные предложения соответствующего территориального органа федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

При введении чрезвычайной ситуации, сложившейся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, предложения федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, его территори-

ального органа обосновываются, в том числе рекомендациями Главного государственного санитарного врача Российской Федерации, главного государственного санитарного врача субъекта Российской Федерации.

4. При введении мер и временных ограничений в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи, соответствующими правовыми актами предусматриваются компенсации лицам и организациям, чьи права и свободы были ограничены. При этом размер компенсаций не может быть меньше:

для физических лиц – двойного размера минимальной заработной платы. При наличии детей в возрасте до 18 лет размер компенсации увеличивается на размер минимальной заработной платы на каждого ребенка;

для юридических лиц – минимального размера прибыли, зафиксированной в отчетных документах в предшествующем налоговом периоде.»;

2) в Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», дополнив статью 51 этого Федерального закона пунктом 4 следующего содержания:

«4. Главный государственный санитарный врач Российской Федерации или главный государственный санитарный врач по субъекту Российской Федерации при введении чрезвычайной ситуации, сложившейся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, направляет соответственно в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, или его территориальный орган по субъекту Российской Федерации рекомендации по введению карантина, проведению санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий, связанных с санитарно-эпидемиологическим благополучием населения.».

Сформулированные предложения позволяют выполнять конституционные нормы, которые позволяют ограничивать права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации только на основании федерального закона, а также сформировать на базе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий план действий на случай распространения на определенной территории, заболевания, представляющего опасность для окружающих, которое может повлечь или повлекло за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2020, 4 июля, № 0001202007040001.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 14 (ч. I). – Ст. 2028.

3. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.

4. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

5. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2002 года № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 28. – Ст. 2882.

6. Резолюция семьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения от 19 мая 2020 года № WHA73.1 «Борьба с COVID-19» // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // URL: [https:// apps.who.int](https://apps.who.int) (дата обращения 13 октября 2020 года)

7. Положение о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 года № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 2. – Ст. 121.

8. *Винокуров В.А.* Проблемы ограничения прав и свобод человека и гражданина в России в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) // Теория государства и права. – 2020. № 3. – С. 198–205.

9. *Винокуров В.А.* Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // Медицинское право. – 2020. – № 4. – С. 9–19.

10. Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором // www.consultant.ru

11. Коронавирус: статистика [Электронный ресурс] // URL: [https:// yandex/ru > covid-19/stat](https://yandex.ru/covid-19/stat) (дата обращения 13 октября 2020 года).

Для цитирования: *Винокуров В.А.* Проблемы правового регулирования нового вида чрезвычайных ситуаций, возникающих при их ликвидации // Теория государства и права. 2020. № 4 (20). С. 49–55. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.003

Vladimir A. Vinokurov*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION, ARISING DURING LIQUIDATION A NEW TYPE OF EMERGENCY SITUATIONS

Annotation. *The article is devoted to the problems of legal regulation of a new type of emergency situations – the situation that has developed as a result of the spread of a disease that is dangerous to others. The article considers the norms of Federal laws that regulate issues related to the spread of a new coronavirus infection (COVID-19), analyzes the powers of the Federal Executive body authorized to solve problems in the field of protecting the population and territories from emergencies, and the chief state sanitary doctors who head the Federal Executive body responsible for organizing and implementing Federal state sanitary and epidemiological supervision, and its territorial bodies for the subjects of the Russian Federation.*

As a result of the analysis, proposals were formulated to amend the Federal laws "on the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies" and "on the sanitary and epidemiological welfare of the population", allowing to establish restrictions on the rights and freedoms of individuals and organizations in accordance with the requirements established by the Constitution of the Russian Federation, as well as to provide compensation in return for the restrictions imposed.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation; emergency situation; disease that is dangerous to others; new coronavirus infection (COVID-19); sanitary and epidemiological welfare of the population; EMERCOM of Russia; Rospotrebnadzor; chief state sanitary doctor.*

---

* **Vinokurov Vladimir A.**, Professor of the Theory and History of State and Law Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia»; Doctor of Law; Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

The Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Prevention and Elimination of Emergency Situations", which was adopted by the State Duma and approved by the Federation Council on March 31, 2020, signed by the President of the Russian Federation on April 1, 2020 No. 98- FZ [2], a number of changes were made, including to the Federal Law "On the Protection of Population and Territories from Natural and Technogenic Emergencies" [3].

One of the amendments was supplemented by the definition of an emergency, as a result of which this definition began to look as follows: "an emergency is a situation in a certain territory that has developed as a result of an accident, a dangerous natural phenomenon, a disaster, the spread of a disease, posing a danger to others, natural or other disasters that may or have entailed human casualties, damage to human health or the environment, significant material losses and disruption of the living conditions of people" (*italics mine – V.V.*). In other words, situations in which diseases spreading in a certain territory, posing a danger to others, which may or have resulted in human casualties and (or) damage to human health, are extraordinary.

The prerequisites for the fairly rapid adoption of the above legislative changes were the problems that arose during the spread of the new coronavirus infection COVID-19, which was defined by the World Health Organization as a pandemic [6]. The author raised a number of legal issues related to this infection. Thus, the analysis of regulatory legal acts led to the conclusion that in the conditions of the spread throughout Russia of a new coronavirus infection, a state of emergency should be declared, of which today an emergency is a part, or a new legal regime "emergency" should be provided for by federal law, the introduction of which would allow in the manner established by Art. 55 of the Constitution of Russia, to introduce restrictions on the rights and freedoms of persons living and located on the territory of our state [8, p. 203].

In addition, it was noted that the modern legislation on the state of emergency, including issues related to emergency situations, does not correspond in any way with the legislation on the sanitary and epidemiological welfare of the population. Inclusion in the definition of an emergency situation of a phrase concerning the spread of a disease that poses a danger to others does not solve this problem [9, p. 16–17].

Art. 12 of the Federal Law "On the Protection of Population and Territories from Natural and Technogenic Emergencies" stipulates that an authorized federal executive body is created to carry out state administration and coordinate the activities of federal executive bodies in the field of protecting the population and territories from emergencies. real power. Currently, such a body is the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of the Consequences of Natural Disasters, the Regulation on which was approved by the Decree of the President of the Russian Federation of July 11, 2002 No. 868 [5].

The aforementioned Regulations establish that the main tasks of the Ministry of Emergency Situations of Russia on issues related to emergency situations are: 1) development and implementation of state policy in the field of protecting the population and territories from emergencies; 2) organization of preparation and approval of drafts of normative legal acts in the field of protection of the population and territories from emergency situations; 3) implementation of management in the field of protection of the population and territories from emergency situations, as well as management of the activities of federal executive bodies within the framework of a unified state system for the prevention and elimination of emergency situations; 4) implementation of normative regulation in order to

prevent, forecast and mitigate the consequences of emergency situations; 5) implementation of emergency response activities in emergency situations.

So, all legal and organizational issues in terms of solving problems with emerging emergencies (including the spread of a disease posing a danger to others) are entrusted to the mentioned Ministry. Let us also pay attention to the fact that this Ministry is entrusted with the function of managing the activities of federal executive bodies within the framework of a unified state system for the prevention and elimination of emergency situations.

The regulation on the unified state system for the prevention and elimination of emergency situations was approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2003 No. 794 [7]. This Regulation establishes that the unified state system for the prevention and elimination of emergencies unites management bodies, forces and means of federal executive bodies, executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, local self-government bodies and organizations whose powers include solving issues of protecting the population and territories from emergency situations [7, p. 2]. In addition, in the federal executive bodies listed in the document (in the field of activity of these bodies), functional subsystems of the specified unified system are created [7, p. 4], including the subsystem for supervision of the sanitary and epidemiological situation created by the Federal Service for Supervision in the field of consumer protection and human well-being.

The structure of the unified state system for the prevention and elimination of emergency situations provides for the creation of: a) coordinating bodies – commissions for the prevention and elimination of emergency situations at various levels; b) permanent management bodies, the functions of which at the federal and regional levels are assigned to the EMERCOM of Russia; c) bodies of day-to-day management at all levels, to which at the federal and regional levels are, respectively, the National Center for Crisis Management of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the crisis management centers of the territorial bodies of this Ministry [7, p. 7, 10, 11].

It should also be noted that by decisions of the heads, including the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation, on the territory of which emergencies may or may have arisen, one of the following modes of operation may be established for the relevant control bodies and forces of the unified system: a) the regime high readiness – in case of a threat of emergencies; b) emergency mode – in the event of emergencies and liquidation [7, p. 24].

By decisions of the highest officials of the constituent entities of the Russian Federation or the supreme executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation in January – March 2020, a high alert regime was introduced in all constituent entities of Russia, which continues to exist to this day [10]. Despite the fact that in our country more than 1.3 million people have already suffered from the new coronavirus infection [11], the state of emergency has not been declared either in the country as a whole or in any subject. Therefore, it is difficult to understand why, in terms of legislative regulation, the real rather wide spread of this infection in the state is stuck at the level of the threat of spread.

The Federal Law "On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population" [4] provides for restrictive measures, called quarantine, in the event of a threat of the emergence and spread of infectious diseases on the territory of Russia, a constituent entity of Russia, a municipality or in organizations. These measures are introduced and canceled on the basis of proposals, instructions of the chief state sanitary doctors (who are the heads of

Rospotrebnadzor and its territorial bodies) and their deputies by the decision of the Government of the Russian Federation or the executive body of the constituent entity of the Russian Federation, local self-government body, authorized official organizations [4, Art. 5, 6, 31].

The aforementioned Federal Law establishes that in the event of a threat of the emergence and spread of infectious diseases, officials exercising federal state sanitary and epidemiological surveillance have the right to give citizens and legal entities instructions that are binding on them within the established time frame. Such prescriptions, in particular, are the requirements to eliminate the identified violations of sanitary and epidemiological requirements; on the termination of the sale of products that do not meet the sanitary and epidemiological requirements; on the performance of work on disinfection, disinsection and deratization in the foci of infectious diseases [4, p. 2, Art. 50].

If there is a threat of the emergence and spread of infectious diseases that pose a danger to others, the chief state sanitary doctors are also empowered to issue motivated decisions, for example, on the isolation of patients with infectious diseases that pose a danger to others, and persons with suspected such diseases; hospitalization or isolation of citizens who were in contact with patients with such infectious diseases; on the temporary suspension from work of persons who are carriers of pathogens of infectious diseases and may be sources of the spread of infectious diseases in connection with the peculiarities of the work or production they perform; the introduction (cancellation) of restrictive measures (quarantine) in organizations and facilities [4, p. 6 p. 1 of Art. 51].

As you can see, both instructions and decisions of officials exercising federal state sanitary and epidemiological supervision, including chief state sanitary doctors, in the event of a threat of the emergence and spread of infectious diseases, are addressed to individuals or legal entities. With regard to state and municipal bodies, chief state doctors have the right only to make proposals concerning, in particular, ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population, protecting and strengthening the health of the population [4, p. 8 p. 1 of Art. 51].

So, the inconsistency of the norms of federal laws, the lack of competent regulation of the activities of state bodies led to the fact that, on the basis of the recommendations (!) Of the chief state sanitary doctors, senior officials and supreme executive bodies of state power of the subjects of Russia in violation of the norms of the Constitution of the Russian Federation [1] decrees were adopted restricting the rights and freedoms of citizens. At the same time, decisions are made that restrict the rights and freedoms of not only individual citizens, but also entire groups of organizations whose activities are prohibited (for example, in the areas of trade in non-food products, culture and art, recreation and tourism, health care in terms of planned treatment).

At the first stage of the formation of an agreed regulatory framework for resolving issues related to the restriction of the rights and freedoms of individuals and organizations during the introduction of an emergency situation resulting from the spread of a disease that poses a danger to others, it is proposed to make the following changes:

1) to the Federal Law "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Technogenic Emergencies", supplementing it with a new Article 113 as follows:

"Article 113. Measures and time limits applied when declaring an emergency

1. When an emergency is declared on the entire territory of the Russian Federation or its part by the President of the Russian Federation or the Government of the Russian Federation, the corresponding legal act may provide for the introduction of the following measures and time limits:

Theory of State and Law

---

a) the establishment of restrictions on freedom and order of movement in the territory where the emergency situation was introduced;

b) the establishment of restrictions on the implementation of certain types of financial, economic and other activities;

c) the establishment of restrictions on the labor rights of citizens and other persons carrying out labor activities;

d) the establishment of a special procedure for the sale, purchase and distribution of food, medicines and essential items;

e) the introduction of quarantine, the implementation of sanitary and anti-epidemic, veterinary and other measures related to the sanitary and epidemiological well-being of the population;

f) the attraction of the state material reserve, mobilization of resources of organizations, regardless of the organizational and legal forms and forms of ownership, changing the mode of their operation, reorientation of these organizations to the production of products necessary in an emergency situation and other necessary in an emergency situations of change in production and economic activities.

2. When an emergency is declared on the territory of a constituent entity of the Russian Federation or on the territory of a municipal formation, the highest official of the constituent entity of the Russian Federation (the head of the highest executive body of state power of the constituent entity of the Russian Federation) or the head of the municipal formation (the head of the local administration) may provide for the introduction of a relevant legal act. Measures and time limits provided for in subparagraphs "a", "d" and "e" of paragraph 1 of this article.

3. The grounds for the introduction of measures and time restrictions are:

under paragraph 1 of this article – substantiated proposals of the federal executive body authorized to solve problems in the field of protecting the population and territories from emergency situations;

according to paragraph 2 of this article – justified proposals of the corresponding territorial body of the federal executive body, authorized to solve problems in the field of protecting the population and territories from emergency situations.

When an emergency situation is introduced as a result of the spread of a disease that poses a danger to others, the proposals of the federal executive body authorized to solve problems in the field of protecting the population and territories from emergencies, its territorial body are substantiated, including the recommendations of the Chief state sanitary doctor of the Russian Federation, chief state sanitary doctor of a constituent entity of the Russian Federation.

4. When introducing measures and temporary restrictions in accordance with paragraphs 1 and 2 of this article, the corresponding legal acts provide for compensation to persons and organizations whose rights and freedoms have been restricted. In this case, the amount of compensation cannot be less:

for individuals – double the minimum wage. If there are children under the age of 18, the amount of compensation is increased by the amount of the minimum wage for each child;

for legal entities – the minimum amount of profit recorded in the reporting documents in the previous tax period. ";

2) to the Federal Law "On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population", adding Article 51 of this Federal Law with Clause 4 of the following content:

"4. The chief state sanitary doctor of the Russian Federation or the chief state sanitary doctor for a constituent entity of the Russian Federation, when an emergency situation arises

as a result of the spread of a disease that poses a danger to others, sends, respectively, to the federal executive body authorized to solve problems in the field of protection population and territories from emergencies, or its territorial body for the subject of the Russian Federation recommendations on the introduction of quarantine, sanitary and anti-epidemic, veterinary and other measures related to the sanitary and epidemiological welfare of the population".

The formulated proposals will make it possible to fulfill constitutional norms that allow restricting the rights and freedoms of a person and a citizen in the Russian Federation only on the basis of federal law, and also formulate a plan on the basis of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters actions in the event of spread in a certain territory, a disease that poses a danger to others, which may or has entailed human casualties, damage to human health, significant material losses and disruption of the living conditions of people.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2020, July 4, No. 0001202007040001.
2. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Prevention and Elimination of Emergency Situations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 14 (part I). Art. 2028.
3. Federal law "On protection of the population and territories from natural and man-made emergencies" // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. Art. 3648.
4. Federal Law "On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 14. Art. 1650.
5. Decree of the President of the Russian Federation of July 11, 2002 No. 868 "Issues of the Ministry of the Russian Federation for civil defense, emergency situations and elimination of the consequences of natural disasters" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 28. Art. 2882.
6. Resolution of the seventy-third session of the World Health Assembly dated May 19, 2020 No. WHA73.1 "Combating COVID-19" // Official website of the World Health Organization [Electronic resource] // URL: [https:// apps.who.int](https://apps.who.int) (date of circulation October 13, 2020)
7. Regulations on the unified state system for the prevention and elimination of emergency situations, approved by the Government of the Russian Federation from December 30, 2003 No. 794 "On the unified state system for the prevention and elimination of emergency situations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 2. Art. 121.
8. Vinokurov V.A. Problems of limiting human and civil rights and freedoms in Russia in an emergency situation caused by a new coronavirus infection (COVID-9) // Theory of State and Law. 2020. No. 3. P. 198–205.
9. Vinokurov V.A. Sanitary and epidemiological well-being of the population and a new coronavirus infection: problems of legal regulation // Medical Law. 2020. No. 4. P. 9–19.
10. Coronavirus (COVID-19). Introduction of a high alert regime in the constituent entities of the Russian Federation. Recognition as force majeure // ATP ConsultantPlus.
11. Coronavirus: statistics [Electronic resource] // URL: [https:// yandex / ru> covid-19 / stat](https://yandex.ru/covid-19/stat) (date of treatment October 13, 2020).

For citation: Vinokurov V.A. problems of legal regulation, arising during liquidation a new type of emergency situations // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 55–60. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.003

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ

***Аннотация.** Статья посвящена обсуждению проблем привлечения должностных лиц органов публичной власти к административной ответственности в свете обсуждения проекта Административного процедурно-процессуального кодекса РК. Автор приводит свои доводы по совершенствованию Кодекса РК об административных правонарушениях.*

***Ключевые слова:** административная ответственность, должностное лицо, органы публичной власти, защита прав человека и организаций, административные правонарушения.*

С провозглашением Республики Казахстан (далее – РК) демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы [1, ст. 1] вопросы совершенствования отношений частных лиц с публичной властью и повышении эффективности защиты прав человека от возможных нарушений со стороны власти обсуждаются постоянно и стали объектом внимания в программных документах развития страны. Так, ещё десять лет тому назад в Концепции правовой политики РК было заложено реформирование административно-правовой сферы и совершенствование административных процедур, внедрение административной юстиции [2]. Соответственно в Послании Президента РК народу Казахстана «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» в 2012 году не могло не быть обращено внимание на обеспечение равенства перед законом, которое «должно стать реальной основой правопорядка» [3].

К сожалению, ежегодно количество жалоб на действия должностных лиц публичной власти, получаемых Уполномоченным по правам человека в РК, остаётся преобладающим среди всех жалоб [4, с. 3; 14, с. 114]. Нарушения учета и регистрации обращений, порядка их разрешения выявлены и в самом высшем органе государственного надзора за соблюдением законности на территории РК – прокуратуре [13, с. 108, 110]. Из года в год складывающаяся ситуация объясняется и тем, что привлечь должностных лиц государственных органов к ответственности буквально невозможно в силу того, что в казахстанском законодательстве отсутствуют нормы об установлении ответственности должностных лиц государственных органов за неправомерный отказ в приеме или рассмотрении обращений граждан, нарушение сроков рассмотрения обращений и предоставление недостоверной, неполной информации [15, с. 114].

В Кодексе об административных правонарушениях РК предусмотрена лишь только ответственность за нарушение порядка и сроков рассмотрения обращений физических и юридических лиц субъекта крупного предпринимательства [4]. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что «действующее право фактически устанавли-

---

* *Досанова Фатима Пулатовна*, старший научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан, магистр юридических наук (г. Астана, Республика Казахстан). E-mail: f.saidakhmetova@adilet.gov.kz

ваает иммунитет служащих публичных организаций от притязаний граждан, в отношении которых они совершили незаконные, нецелесообразные действия. Негласно, где-то в глубине менталитетов государственных чиновников прорывается еще «привычка» управлять людьми, а не обслуживать их» [7, с. 14].

Существующие на сегодняшний день нормы Закона РК «Об административных процедурах», не решившего «проблем бюрократической волокиты, дискреционных решений, прозрачности деятельности государственной администрации, упрощения процедурных действий (чему он в принципе должен быть посвящен)» [8], и Гражданско-процессуального кодекса не обеспечивают полной защиты прав граждан и организаций от произвола власти [16, с. 100].

Поэтому не удивительно, что с момента провозглашения внедрения административной юстиции в 2009 году до сентября 2019 года ситуация с защитой прав физических и юридических лиц от их нарушения органами публичной власти принципиально не менялась, что послужило поводом ещё раз Главой государства К.-Ж. Токаевым в Послании народу Казахстана поставить задачу – внедрить административную юстицию [18].

В связи с реализацией намеченных задач был разработан проект Административного процедурно-процессуального кодекса РК (далее – АППК), соединяющего в себе внутренние и внешние административные процедуры [5]. И при том, что есть определенные достоинства проекта АППК, как например, то что он отражает прогрессивные идеи по включению некоторых принципов административного производства, проект имеет нормы, не раскрывающие механизма их реализации, неточные формулировки, которые аннулируют эффект его прогрессивных введений [9, с. 181–183]. К сожалению, АППК не лишен проблемных моментов о привлечении должностных лиц органов публичной власти к административной ответственности по части его согласованности с Кодексом РК об административных правонарушениях, не устранив которые в случае его принятия, нормы об административной ответственности будут обречены на декларативное существование, станут бесполезными для защиты прав физических и юридических лиц от произвола публичной власти.

В данной связи хотелось бы обратить внимание на административную ответственность должностных лиц органов публичной власти.

Не стоит разяснять какое большое значение имеет установление ответственности должностных лиц органов публичной власти. АППК имеет нормы об их ответственности, закрепляя обтекаемой формулировкой, – «Нарушение законодательства Республики Казахстан об административных процедурах и административном судопроизводстве влечет ответственность, установленную законами Республики Казахстан» [5]. Данная отсылочная норма АППК формирует «сложносочиненную практику реального привлечения данных лиц к юридической ответственности» [19, с. 141]. Действительно, фактически к административной ответственности привлечь должностное лицо органа публичной власти будет практически невозможно, поскольку нет корреспондирующих норм об ответственности в Кодексе РК об административных правонарушениях, касающиеся определения ответственности при всех возможных вариантах действия и бездействия должностных лиц органов публичной власти.

В действующем казахстанском Кодексе об административных правонарушениях ст. 30 устанавливает императивную норму о том, что должностное лицо привлекается к административной ответственности при условии совершения административного правонарушения в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением

им служебных обязанностей. При отсутствии этого обстоятельства должностное лицо, виновное в совершении административного правонарушения, подлежит ответственности на общих основаниях [5]. Следовательно, для привлечения должностного лица органов публичной власти необходимо установить, во-первых, является ли данное привлекаемое к административной ответственности лицо должностным. Для этого не нужно искать определение должностного лица в других нормативно-правовых актах, ст. 30 имеет примечание, в котором дано определение должностного лица. Однако, в Кодексе РК об административных правонарушениях нет конкретизации категорий должностных лиц, которые могли бы быть привлечены на основании ст. 30 данного кодекса.

Во-вторых, необходимо установить сущность правонарушения, т.е. установить какие конкретно нормы Кодекса РК об административных правонарушениях были нарушены, поскольку привлечение к административной ответственности возможно за нарушение норм согласно диспозиции статьи или соответствующей ее части Кодекса РК об административных правонарушениях. Кодекс РК об административных правонарушениях в ст. 2 закрепляет основание административной ответственности – совершение деяния, содержащего признаки состава правонарушения, предусмотренного в Особенной части Кодекса [5]. Соответственно, в будущем привлечь к административной ответственности за нарушение норм об административных процедурах и административном судопроизводстве будет невозможно, поскольку данная ответственность не находит закрепления в Особенной части Кодекса РК об административных правонарушениях. Причём, как совершенно правильно обращает внимание М.И. Жумагулов нормы по сути об административной ответственности содержатся ещё и в антикоррупционном законодательстве [11, с. 253]. Кроме этого, такие нормы есть и в законодательстве о государственной службе, тем самым «размывающие» административную ответственность, что не позволительно при наличии кодифицированного акта.

В-третьих, необходимо установить совершено ли было административное правонарушение при осуществлении им своей профессиональной деятельности в силу возложенных на него полномочий для того, чтобы определить факт неисполнения или ненадлежащего исполнения должностных (служебных) обязанностей. В данной связи в Кодексе РК об административных правонарушениях отсутствует разграничение ответственности должностных лиц органов государственной власти за неисполнение должностных функций и за правонарушения в сфере организационно-распорядительной или административно-хозяйственной деятельности.

В-четвертых, необходимо установить вину данного должностного лица.

По справедливому мнению российских авторов, административная ответственность должностных лиц органов публичной власти должна бы быть «более строгая, нежели у простых граждан» в силу того, что «ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, повлекшее нарушение прав и свобод граждан, нарушает установленный порядок деятельности государственного органа что, в конечном счете, негативно сказывается на авторитете государственных органов и государства в целом» [12, с. 253]. И если говорить об АППК, то понимание важности привлечения к ответственности должностных лиц органов публичной власти есть, поскольку ответственность закреплена в ст. 172 АППК, но норм реализующих конкретно административную ответственность за нарушение законодательства Республики Казахстан об административных процедурах и административном судопроизводстве – нет.

Приходится констатировать, что в Кодексе РК об административных правонарушениях нет норм о привлечении должностных лиц органов публичной власти ни за нарушение административных процедур, хотя закон РК «Об административных процедурах» действует с декабря 2010 года, ни за нарушение сроков и порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц, хотя закон РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» действует практически с 2007 года, ни за неправомерный отказ в приеме или рассмотрении обращений граждан, а также предоставление недостоверной, неполной информации [15, с. 114], что, бесспорно, формирует отчуждение, разрыв между государством и собственными гражданами [17, с. 100].

Наряду с этим имеются сложности квалификации правонарушения, обусловленные трудностью размежевания административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц публичной власти. Понятно, что за дисциплинарный проступок должностное лицо привлекается к дисциплинарной ответственности, а за совершение административного проступка – к административной. Но в Кодексе РК об административных правонарушениях не закреплены конкретные составы деяний, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением государственным служащим своих должностных обязанностей, за совершение которых следует ответственность в соответствии с нормами административного законодательства. Это обстоятельство также делает проблематичным привлечение к административной ответственности должностных лиц органов публичной власти.

Таким образом, совершенствование административной ответственности в сфере государственного управления является не только одной из наиболее актуальных задач для повышения уровня законности, но и одной из гарантий защиты прав граждан и организаций от произвола власти в лице государственных органов и их должностных лиц. Поэтому дело не в том, что мало или много привлекается государственных служащих к ответственности, как например, в 2019 году за нарушения требований казахстанского законодательства 216 должностных лиц государственных органов привлечены к дисциплинарной ответственности и 31 к административной [20], ответственность должна быть четко регламентированной. Она не должна иметь сложности по ее определению.

Институт административной ответственности должностных лиц органов публичной власти нуждается в глубоком исследовании и доработке. С целью его совершенствования необходимо определить конкретные составы деяний, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением государственным служащим своих должностных обязанностей, за совершение которых следует ответственность в соответствии с нормами административного законодательства РК, что позволило бы, на наш взгляд, решить проблему разграничения квалификации деяний должностных лиц органов публичной власти, содержащих одновременно признаки и дисциплинарного проступка, и административного правонарушения. Конкретизация составов деяний позволит достичь большей определенности правового урегулирования административной ответственности должностных лиц органов публичной власти, большей открытости и прозрачности в сфере государственного управления и в части защиты прав человека, организаций от нарушений в данной сфере, которая жизненно необходима уже долгие годы.

Вот почему необходимо закрепить составы административных правонарушений за нарушение административных процедур, сроков и порядка рассмотрения об-

ращений физических и юридических лиц, за неправомерный отказ в приеме или рассмотрении обращений граждан, а также предоставление недостоверной, неполной информации. В данной связи предложение, высказанное Институтом законодательства РК, дополнить п. 3 ст. 189 Кодекса РК об административных правонарушениях, предусмотрев ответственность административных органов за нарушение сроков и порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц и изложить в следующей редакции: «3. Нарушение установленных законодательством Республики Казахстан сроков и порядка рассмотрения обращений (жалоб) физических и юридических лиц должностными лицами административных органов – влечет наложение штрафа в размере двадцати месячных расчетных показателей» заслуживает внимания [10, с. 60].

Кроме этого, необходимо закрепить в Кодексе РК об административных правонарушениях ответственность должностных лиц органов публичной власти за неисполнение должностных функций и за правонарушения в сфере организационно-распорядительной или административно-хозяйственной деятельности, иначе говоря, необходимо конкретизировать категории должностных лиц, которые могут быть признаны субъектами административных правонарушений как руководители публичных органов и по признаку ответственности за соблюдение определенных правил и норм (должностные лица, ответственные за соблюдение обязательных требований). Такая дифференциация административной ответственности позволит непосредственно реализовывать на практике принцип персональной ответственности государственных чиновников.

Библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс] // <https://online.zakon.kz> (Дата обращения 02.05.2020)
2. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики РК на период с 2010 года до 2020 года» // САПП Республики Казахстан. – 2009. – № 35. – Ст. 331.
3. «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // <https://strategy2050.kz> (Дата обращения 02.05.2020)
4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.08.2019 г.) [Электронный ресурс] // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399#pos=3067 (Дата обращения 02.05.2020)
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 мая 2019 года № 348 «О проекте Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // <https://tengrinews.kz> (Дата обращения 02.05.2020).
6. Отчет Уполномоченного по правам человека в РК за 2018 год. – Нур-Султан, 2019. – 192 с.
7. Бахрах Д. Как защитить себя от произвола власти // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 14–15.
8. Габбасов А.Б., Шишимбаева С.С. Теоретико-правовой анализ Закона РК «Об административных процедурах» [Электронный ресурс] // <https://www.zakon.kz> (Дата обращения 12.05.2020).
9. Досанова Ф.П., Ермекбаев Б.Б. О перспективе внедрения административной юстиции в рамках обсуждения некоторых положений проекта Административного процедурно-

процессуального кодекса Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2019. – № 4 (58). – С. 176–184.

10. Досудебное урегулирование споров, вытекающих из публичных правоотношений: проблемы и перспективы совершенствования. Научное издание / Под общей редакцией Р.К. Сарпекова. – Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2018. – 97 с.

11. Жумагулов М.И. Правовые основы административного принуждения. Монография. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – 360 с.

12. Закопырин В.Н., Дазмарова Т.Н., Зверев А.В. Административная ответственность государственных служащих // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С.164–166.

13. Карипова А.Т., Омаров Е.А., Шоткин Б.Ж., Маханов Т.Г. О проблемах в сфере рассмотрения обращений органами прокуратуры Республики Казахстан // Право и государство. – 2018. – № 1–2 (78–79). – С. 108–119.

14. Мицкая Е.В. Как не пустить плохих чиновников в Таможенный союз (Анализируя отчеты Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2012. – № 12. – С. 112–118.

15. Мицкая Е.В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях интеграционных процессов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2010. – № 7. – С. 110–115.

16. Мицкая Е.В. Методологические и историко-правовые основы построения конституционных прав и свобод граждан // Современное право. – 2007. – № 5. – С. 99–102.

17. Мицкая Е.В. О неоправданных препятствиях реализации права граждан на получение информации // Теория государства и права. – 2019. – № 4 (16). – С. 96–101.

18. Послание Президента РК К.-Ж. Токаева «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. [Электронный ресурс] // <http://www.akorda.kz> (Дата обращения 02.05.2020).

19. Филатова А.В. Ответственность должностных лиц органов исполнительной власти // Власть. – 2010. – № 2. – С. 140–143.

20. 216 должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности за нарушения законодательства [Электронный ресурс] // <https://liter.kz/> (Дата обращения 12.05.2020).

Для цитирования: Досанова Ф.П. Юридическая ответственность должностных лиц органов публичной власти в Казахстане // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 61–66. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.004

Fatima P. Dosanova *

LEGAL RESPONSIBILITY OF OFFICIALS OF PUBLIC AUTHORITIES IN KAZAKHSTAN

Annotation. *The article is devoted to the discussion of the problems of bringing officials of public authorities to administrative responsibility in the light of the discussion of the draft Administrative Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. The author gives his reasons for improving the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan.*

Keywords: *administrative responsibility, official, public authorities, protection of human rights and organizations, administrative offenses.*

---

* **Dosanova Fatima Pulatovna**, senior researcher of department of constitutional, administrative legislation and public administration of the Institute of legislation and legal information of the Republic of Kazakhstan, Master of legal sciences (Republic of Kazakhstan, Astana). E-mail: f.saidakhmetova@adilet.gov.kz

With the proclamation of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – RK) a democratic, secular, legal and social state, the highest values of which are a person, his life, rights and freedoms [1, Art. 1] the issues of improving relations between private individuals and public authorities and increasing the effectiveness of protecting human rights from possible violations by the authorities are constantly discussed and have become an object of attention in the program documents of the country's development. So, even ten years ago, the Concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan laid down the reform of the administrative and legal sphere and the improvement of administrative procedures, the introduction of administrative justice [2]. Accordingly, in the Address of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan "Kazakhstan's way-2050: Common goal, common interests, common future" in 2012, attention was drawn to ensuring equality before the law, which "should become the real basis of law and order" [3].

Unfortunately, every year the number of complaints against the actions of public officials received by the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan remains prevailing among all complaints [4, p. 3; 14, p. 114]. Violations of accounting and registration of appeals, the procedure for their resolution were also revealed in the highest body of state supervision over the observance of the rule of law on the territory of the Republic of Kazakhstan – the prosecutor's office [13, p. 108, 110]. From year to year, the evolving situation is explained by the fact that it is literally impossible to bring officials of state bodies to responsibility due to the fact that Kazakhstani legislation does not contain norms on establishing responsibility of officials of state bodies for unlawful refusal to receive or consider applications from citizens, violation of the terms of consideration requests and provision of inaccurate, incomplete information [15, p. 114].

The Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan provides only responsibility for violation of the order and terms of consideration of applications of individuals and legal entities of a large business entity [4]. Therefore, one cannot but agree that "the current law actually establishes the immunity of employees of public organizations from the claims of citizens against whom they have committed illegal, inappropriate actions. Behind the scenes, somewhere in the depths of the mentality of government officials still breaks through the "habit" of managing people, and not serving them" [7, p. 14].

The existing norms of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Administrative Procedures", which did not solve "the problems of bureaucratic red tape, discretionary decisions, transparency of the activities of the state administration, simplification of procedural actions (which, in principle, it should be devoted to)" [8], and the Civil Procedure Code do not provide full protection of the rights of citizens and organizations from the arbitrariness of the authorities [16, p. 100].

Therefore, it is not surprising that from the moment the introduction of administrative justice was proclaimed in 2009 until September 2019, the situation with the protection of the rights of individuals and legal entities from their violation by public authorities did not fundamentally change, which was the reason once again the Head of State K.-J. Tokayev, in his Address to the people of Kazakhstan, set a task – to introduce administrative justice [18].

In connection with the implementation of the outlined tasks, a draft of the Administrative Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as APPC) was developed, which combines internal and external administrative procedures [5]. And despite the fact that there are certain advantages of the APPK project, such as the fact that it reflects progressive ideas on the inclusion of some principles of administrative proceedings, the project has norms that do not disclose the mechanism of their implementation,

imprecise formulations that cancel the effect of its progressive introductions [9, p. 181–183]. Unfortunately, the APPK is not devoid of problematic points about bringing officials of public authorities to administrative responsibility in terms of its consistency with the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan, without eliminating which, if adopted, the norms on administrative responsibility will be doomed to declarative existence, become useless for protection of the rights of individuals and legal entities from the arbitrariness of the public authorities.

In this regard, I would like to draw attention to the administrative responsibility of officials of public authorities.

It is not worth explaining how important it is to establish the responsibility of officials of public authorities. APPK has norms on their responsibility, securing in a streamlined formulation – “Violation of the legislation of the Republic of Kazakhstan on administrative procedures and administrative proceedings entails liability established by the laws of the Republic of Kazakhstan” [5]. This reference rule of the APPK forms “a complex practice of actually bringing these persons to legal responsibility” [19, p. 141]. Indeed, in fact, it will be practically impossible to bring an official of a public authority to administrative responsibility, since there are no corresponding norms on responsibility in the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan concerning the determination of responsibility for all possible options for action and inaction of officials of public authorities.

In the current Kazakhstan Code of Administrative Offenses, Art. 30 establish a peremptory norm that an official is brought to administrative responsibility subject to the commission of an administrative offense in connection with non-performance or improper performance of his official duties. In the absence of this circumstance, an official guilty of committing an administrative offense is subject to liability on a general basis [5]. Therefore, in order to involve an official of public authorities, it is necessary to establish, first, whether the person brought to administrative responsibility is an official. To do this, you do not need to look for the definition of an official in other regulatory legal acts, Art. 30 have a footnote that defines an officer. However, in the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan there is no specification of the categories of officials who could be involved on the basis of Art. 30 of this Code.

Secondly, it is necessary to establish the essence of the offense, i.e. to establish what specific norms of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan were violated, since bringing to administrative responsibility is possible for violation of the rules in accordance with the disposition of the article or its corresponding part of the Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses RK Code of Administrative Offenses in Art. 2 establish the basis for administrative responsibility – the commission of an act containing the signs of an offense provided for in the Special Part of the Code [5]. Accordingly, in the future it will be impossible to bring to administrative responsibility for violation of the rules on administrative procedures and administrative proceedings, since this responsibility is not enshrined in the Special Part of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan. Moreover, as M.I. Zhumagulov, in fact, the norms on administrative responsibility are also contained in anti-corruption legislation [11, p. 253]. In addition, there are such norms in the legislation on public service, thereby “diluting” administrative responsibility, which is not permissible in the presence of a codified act.

Thirdly, it is necessary to establish whether an administrative offense was committed in the exercise of his professional activity by virtue of the powers vested in him in order to determine the fact of non-performance or improper performance of official (official) duties.

In this regard, in the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan, there is no differentiation of responsibility of officials of state authorities for failure to perform official functions and for offenses in the field of organizational and administrative or administrative and economic activities.

Fourthly, it is necessary to establish the guilt of this official.

In the fair opinion of the Russian authors, the administrative responsibility of officials of public authorities should be “more severe than that of ordinary citizens” due to the fact that “improper performance of official duties, which entailed violation of the rights and freedoms of citizens, violates the established procedure for the activities of a state body that, ultimately, negatively affects the authority of state bodies and the state as a whole” [12, p. 253]. And if we talk about APPK, then there is an understanding of the importance of bringing officials of public authorities to justice, since responsibility is enshrined in Art. 172 APPK, but there are no norms specifically implementing administrative responsibility for violation of the legislation of the Republic of Kazakhstan on administrative procedures and administrative proceedings.

We have to admit that in the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan there are no norms on the involvement of officials of public authorities either for violation of administrative procedures, although the Law of the Republic of Kazakhstan "On Administrative Procedures" has been in effect since December 2010, or for violation of the terms and procedure for considering appeals from individuals and legal persons, although the law of the Republic of Kazakhstan "On the Procedure for Considering Applications of Individuals and Legal Entities" has been in effect practically since 2007, nor for unlawful refusal to accept or consider applications from citizens, as well as the provision of inaccurate, incomplete information [15, p. 114], which undoubtedly forms alienation, a gap between the state and its own citizens [17, p. 100].

Along with this, there are difficulties in qualifying an offense caused by the difficulty of delimiting administrative and disciplinary responsibility of public officials. It is clear that for a disciplinary offense an official is brought to disciplinary responsibility, and for committing an administrative offense – to administrative responsibility. But the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan does not contain specific elements of acts related to non-performance or improper performance by a civil servant of his official duties, for the commission of which follows responsibility in accordance with the norms of administrative legislation. This circumstance also makes it problematic to bring officials of public authorities to administrative responsibility.

Thus, improving administrative responsibility in the field of public administration is not only one of the most urgent tasks for increasing the level of legality, but also one of the guarantees of protecting the rights of citizens and organizations from the arbitrariness of the authorities represented by state bodies and their officials. Therefore, the point is not that few or many civil servants are held accountable, as, for example, in 2019, for violations of the requirements of Kazakhstani legislation, 216 officials of state bodies were brought to disciplinary responsibility and 31 to administrative [20], the responsibility should be clearly regulated. It should not be difficult to define.

The institution of administrative responsibility of officials of public authorities needs deep research and refinement. In order to improve it, it is necessary to determine specific compositions of acts related to non-performance or improper performance by a civil servant of his official duties, for the commission of which follows responsibility in accordance with the norms of the administrative legislation of the Republic of Kazakhstan, which

would, in our opinion, solve the problem of differentiating the qualifications of the actions of officials public authorities, containing both signs of a disciplinary offense and an administrative offense. Concretization of the offenses will allow achieving greater certainty of the legal regulation of administrative responsibility of officials of public authorities, greater openness and transparency in the field of public administration and in terms of protecting human rights and organizations from violations in this area, which has been vital for many years.

That is why it is necessary to fix the composition of administrative offenses for violation of administrative procedures, terms and procedure for considering appeals of individuals and legal entities, for unlawful refusal to receive or consider appeals from citizens, as well as providing inaccurate, incomplete information. In this regard, the proposal made by the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan to supplement clause 3 of Art. 189 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan, providing for the responsibility of administrative bodies for violation of the terms and procedure for considering appeals of individuals and legal entities and state it as follows: "3. Violation of the terms and procedure for consideration of appeals (complaints) of individuals and legal entities by officials of administrative bodies established by the legislation of the Republic of Kazakhstan – entails the imposition of a fine in the amount of twenty monthly calculation indices" deserves attention [10, p. 60].

In addition, it is necessary to enshrine in the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan the responsibility of officials of public authorities for failure to perform official functions and for violations in the field of organizational and administrative or administrative and economic activities, in other words, it is necessary to specify the categories of officials that can be recognized as subjects of administrative offenses as heads of public authorities and on the basis of responsibility for compliance with certain rules and regulations (officials responsible for compliance with mandatory requirements). This differentiation of administrative responsibility will directly implement the principle of personal responsibility of government officials in practice.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as of 03/23/2019) [Electronic resource] // <https://online.zakon.kz> (Date of treatment 05/02/2020)
2. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated August 24, 2009 No. 858 "On the Concept of Legal Policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020" // SAPP of the Republic of Kazakhstan. 2009. No. 35. Art. 331.
3. "Kazakhstan-2050": New political course of the established state: Message of the President of the Republic of Kazakhstan – Leader of the Nation N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan, Astana, December 14, 2012 [Electronic resource] // <https://strategy2050.kz> (Date of treatment 05/02/2020)
4. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses of July 5, 2014 No. 235-V (with amendments and additions as of 01.08.2019) [Electronic resource] // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399#pos=3067 (Date of treatment 05/02/2020)
5. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 30, 2019 No. 348 "On the draft Administrative procedural code of the Republic of Kazakhstan" [Electronic resource] // <https://tengrinews.kz> (Date of treatment 05/02/2020).
6. Report of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan for 2018. Nur-Sultan, 2019. 192 p.
7. Bakhrakh D. How to protect yourself from the arbitrariness of the authorities // Russian justice. 2003. No. 9. P. 14–15.

8. Gabbasov A.B., Shishimbaeva S.S. Theoretical and legal analysis of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Administrative Procedures" [Electronic resource] // <https://www.zakon.kz> (Date of treatment 05/12/2020).

9. Dosanova F.P., Ermekbaev B.B. On the prospect of introducing administrative justice in the framework of discussing some provisions of the draft Administrative Procedure Code of the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2019. No. 4 (58). P. 176–184.

10. Pre-trial settlement of disputes arising from public relations: problems and prospects for improvement. Scientific publication / Edited by R.K. Sarpekov. Astana: State Institution "Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan", 2018. 97 p.

11. Zhumagulov M.I. Legal bases of administrative coercion. Monograph. Nur-Sultan: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. 360 p.

12. Zakopyrin V.N., Dazmarova T.N., Zverev A.V. Administrative responsibility of civil servants // Public service and personnel. 2019. No. 1. P. 164–166.

13. Karipova A.T., Omarov E.A., Shotkin B.Zh., Makhanov T.G. On problems in the sphere of consideration of appeals by the prosecution authorities of the Republic of Kazakhstan // Law and State. 2018. No. 1–2 (78–79). P. 108–119.

14. Mitskaya E.V. How not to let bad officials into the Customs Union (Analyzing the reports of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2012. No. 12. P. 112–118.

15. Mitskaya E.V. Ensuring human and civil rights and freedoms in the context of integration processes // Eurasian integration: economics, law, politics. 2010. No. 7. P. 110–115.

16. Mitskaya E.V. Methodological and historical-legal foundations of constitutional rights and freedoms of citizens // Modern law. 2007. No. 5. P. 99–102.

17. Mitskaya E.V. On unjustified obstacles to the realization of the right of citizens to receive information // Theory of State and Law. 2019. No. 4 (16). P. 96–101.

18. Message from the President of the Republic of Kazakhstan K.-J. Tokayeva "Constructive public dialogue is the basis of stability and prosperity in Kazakhstan" to the people of Kazakhstan dated September 2, 2019 [Electronic resource] // <http://www.akorda.kz> (Date of treatment 05/02/2020).

19. Filatova A.V. Responsibility of officials of executive authorities // Power. 2010. No. 2. P. 140–143.

20. 216 officials were brought to disciplinary responsibility for violations of the law [Electronic resource] // <https://litter.kz/> (Date of treatment 05/12/2020).

For citation: Dosanova F.P. Legal responsibility of officials of public authorities in Kazakhstan // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 66–71. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.004

РЕГИСТРАЦИЯ НА САЙТЕ СМИ И ТРЕБОВАНИЯ К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются нормы российского законодательства, регламентирующие правовые аспекты работы с персональными данными. Освещены термины сопутствующие персональным данным, исследуются актуальные проблемы работы средств массовой информации с персональными данными.*

Затрагиваются некоторые особенности разрешения споров относительно незаконного использования персональных данных.

***Ключевые слова:** персональные данные, обработка персональных данных, персональные данные в СМИ, обработка персональных данных в СМИ, проблемы обработки персональных данных, варианты обработки и сохранения персональных данных.*

Понятие «персональные данные» используется в ряде нескольких международных и национальных актах (Конвенция Совета Европы 1981 года «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Конвенция Совета Европы 1981 года «О защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных») [1], Конституция Российской Федерации 1993 года [2], Федеральный закон «О персональных данных» [3], Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» [4] и др.). При этом указанные акты детально регламентируют как само понятие «персональные данные» (под персональными данными обычно понимаются такие сведения, по которым легко идентифицировать субъекта), так и аффилированные с ней положения, включая понятия, принципы и пр. К последним следует отнести:

Во-первых, *добровольность предоставления персональных данных.* Все сведения должны быть получены добросовестно, на основе закона, накапливаться только для определенных целей. Соответственно, вся производимая обработка персональных данных должна адекватно отражать эти цели.

Во-вторых, *сохранность информации.* Персональные данные, которые касаются национальной принадлежности субъекта, его религиозных или иных убеждений, политических позиций, судимости, данных о здоровье, должны попадать в информационную систему только в том случае, если соответствующие уполномоченные органы дают гарантии по хранению и использованию полученных сведений.

В-третьих, *существование базы данных.* В этом случае субъект, предоставляющий свои персональные данные, должен быть проинформирован о наличии соответствующей базы персональных данных, ее целях функционирования, лицах, которые осуществляют контроль указанных сведений. Субъект, сдавший свои персональные данные, может в любом случае потребовать ликвидации поданной информации или ее уточнения. В случае необходимости за субъектом остается право на

---

* **Ивлиев Павел Валентинович** - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

судебную защиту своих прав (например, в том случае, если запрос, направленный им в соответствии с требованиями законодательства, не был удовлетворен в разумные сроки) или административную процедуру путем обращения в Роскомнадзор.

В-четвертых, оператор, осуществляющий обработку персональных данных, несет полную *ответственность за их сохранность*, что предполагает осуществление необходимых защитных мер. К ним относятся: назначение субъекта, ответственного за обработку и сохранение персональных данных; создание соответствующей локальной базы, касающейся сохранения и обработки персональных данных; применение необходимых технических мер для обеспечения безопасности введенных данных (это предполагает: применение средств защиты информации, постоянная оценка эффективности применяемых мер по обеспечению безопасности, контроль доступа к персональным данным, предупреждение и устранение возникающих ситуаций, восстановление персональных данных, которые были уничтожены в результате неправомерного доступа к базе данных); осуществление постоянного внутреннего контроля и аудита обработки персональных данных; проведение риск-ориентированного мониторинга; ознакомление работников оператора, которые непосредственно взаимодействуют с персональными данными, с основными положениями локальных актов, а также федерального законодательства.

Детальность и четкость правовой регламентации детерминирована чрезвычайной важностью соблюдения определенного баланса: с одной стороны – век информатизации предполагает, что отдельные элементы персональных данных субъекта (например, информация о месте нахождения субъекта, его мобильный телефон) могут быть использованы для электронных рекламных рассылок (такая рекламная информация расценивается ведущими интернет-компаниями в качестве одного из наиболее перспективных способов донесения материалов до надлежащей части аудитории); с другой стороны – как не нарушить при таком информировании права и законные интересы гражданина?

В этой базовой дилемме наибольшие проблемы сконцентрированы в системе работы средств массовой информации, так как возникает вполне логичные дополнительные вопросы к работающим СМИ:

– имеют ли они право разрешать гражданам размещать свои персональные данные на сайте?

– кто отвечает за сохранность представленных персональных данных?

– может ли интернет-ресурс предоставлять доступ к big data («большие данные», созданные на основе обработки нескольких десятков тысяч записей, касающихся персональных данных) со стороны рекламодателей или своих партнеров?

Рассмотрим этот вопрос с точки зрения теории и практики, включая и судебную практику.

1. Закон «О средствах массовой информации» фактически подразделяет все сайты в сети «Интернет» на *две большие категории*: во-первых, порталы, которые зарегистрированы в качестве СМИ (отдельная большая подкатегория – сетевые издания); во-вторых, порталы, которые функционируют не в качестве средств массовой информации. Основа такой градации – официальный документ, предоставляемый Роскомнадзором при соблюдении определенных требований. К числу последних относят: определенную периодичность выпускаемых материалов на сайте, наличие зарегистрированного юридического лица или ИП, отсутствие в названии юридического лица или сайта запрещенных слов или повторений сведений, относящихся к другому

юрлицу («смешение названий», которые могут ввести граждан, осуществляющих взаимодействие с таким сайтом, в заблуждение).

Сайты, зарегистрированные в качестве СМИ, условно делятся на две большие части: ресурсы, которые занимаются обработкой персональных данных (и, соответственно, предусматривается, что Роскомнадзор, являясь основным оператором по контролю ситуации, может проверять эти сайты на предмет соблюдения требований действующего законодательства); ресурсы, которые не занимаются обработкой персональных данных.

В большинстве случаев, проанализировав правовые аспекты работы большинства СМИ, регистрация пользователя на сайте предусматривает, в том или ином виде, запрашивание полных идентификационных сведений читателя (ФИО, электронную почту, номер мобильного телефона) или получение ограниченных «усеченных» требований (сначала гражданин должен указать номер мобильного телефона или электронный адрес; потом ввести верификационный код, поступивший на почту или на мобильный телефон).

Осуществив регистрацию на сайте, клиент получает расширенный доступ к функционалу ресурса. Чаще всего расширение доступа связано с возможностью комментирования материалов на сайте. Отметим, что необходимость регистрации (и, соответственно, ввода некоторой части персональных данных) на различных сайтах вызвана маркетинговыми причинами (процедура регистрации позволяет владельцу сайта создать устойчивое сообщество с социальными сетями) [8].

Правовая регламентация предоставления пользователем своих персональных данных для СМИ определена в соответствующих соглашениях, установленных между учредителем портала и гражданином – контрагентом.

В абсолютном большинстве таких соглашений список персональных данных, обрабатываемых сайтом, крайне однотипен: идентификационные данные гражданина (в некоторых случаях, в число обязательных сведений включается еще и отчество), дата рождения, контактный номер телефона, адрес электронной почты) [6]. В качестве целей обработки информации в указанных соглашениях звучат такие категории, как: пользователь должен иметь право на получение сведений о маркетинговых мероприятиях сайта, сайт обязан осуществлять быструю и качественную клиентскую поддержку при необходимости.

При этом к обработке информации на сайте предъявляются следующие требования: возраст регистрируемого субъекта – от 18 лет (в некоторых случаях портал оставляет за собой право затребовать дополнительные документы). Если гражданин сознательно предоставил недостоверные сведения, то в этом случае администрация ресурса оставляет за собой право заблокировать страницу пользователя; при обработке полученных сведений СМИ обязуются произвести все подобные технические операции на сайте самостоятельно, никакого привлечения сторонних субъектов не предполагается; если пользователь выбрал в качестве логина комбинацию букв, которая считается нецензурной, то в этом случае администрация сайта имеет право не регистрировать подобного субъекта.

Передача полученных персональных данных третьим лицам на безвозмездной основе осуществляется в следующих случаях:

– если материалы передаются в правоохранительные органы (после поступления в адрес СМИ юридического запроса со стороны суда или правоохранительных органов);

– если сведения передаются стратегическим партнерам (объемы передаваемых данных в этом случае в соглашениях не конкретизируются: СМИ могут передать и минимальный объем сведений, под которым понимаются данные о мобильном телефоне, электронной почте и ФИО регистрируемого субъекта).

2. *Сохранение данных.* Все издания полноценно отвечают за сохранность предоставленных им персональных данных. Это подразумевает, что все СМИ обязаны применять такие технические и иные организационные средства, которые позволят сохранить переданные пользователем персональные данные. При этом ряд сайтов, необходимо отметить, указывают, что ответственность не распространяется на такие ситуации, когда сам пользователь, используя ресурсы сайта, нарушит работу своего компьютера, что приведет к размещению персональных данных в сети «Интернет».

3. *Сроки обработки персональных данных.* В большинстве случаев СМИ устанавливают срок обработки от нескольких недель до нескольких месяцев.

4. *Возможности прекращения обработки предоставленных персональных данных.* Ряд сайтов (например, русскоговорящий телеканал RTVI) предусмотрели, что гражданин может прекратить обработку персональных данных. Это достигается путем направления письменного отзыва по юридическому адресу компании.

5. *Внутренняя регламентация обработки персональных данных.* Ряд сайтов в своих соглашениях с клиентами указывают, что внутри предприятия создана и действует система локальных актов, которая регламентирует всю процедуру, касающуюся обработки персональных данных (публичная информация о структуре и содержании локальных актов, к сожалению, не приводится).

6. *Соглашения с клиентами по поводу обработки персональных данных,* предусмотренные для российских СМИ, могут быть *изменены в одностороннем порядке.* Время пересмотра при этом дифференцируется в зависимости от издания: в некоторых случаях оно составляет около месяца (клиентов информируют о факте изменения внутренней политики компании предварительно, размещая на главной странице сайта соответствующий баннер); на других ресурсах – не более одного дня. Иногда сроки пересмотра подобных соглашений вообще не конкретизируются, что дает возможность порталам модифицировать такие документы чуть ли не каждый день.

Рассматривая рынок отечественных СМИ и их правовую политику в отношении обработки и сохранения персональных данных, следует отметить, что в некоторых случаях сайты, предусматривая быструю регистрацию с введением некоторых персональных данных пользователей, к сожалению, не конкретизируют параметры обработки сведений: в данной ситуации не было найдено понятного и четкого единого соглашения об обработке персональных данных в открытом доступе (в первую очередь такая ситуация характерна для некоторых радиокомпаний и телевизионных сетей).

Проанализировав отдельные правовые аспекты обработки персональных данных, обратимся к проблеме предоставления доступа к ним со стороны редакции СМИ. Для этого необходимо обратить внимание на несколько важных положений.

1. Любой рекламодатель желает заполучить срез данных, которые касаются его целевой аудитории. Понятие «целевой аудитории» в действующем российском законодательстве не определено. В маркетинговых научных публикациях под ней понимается усреднено следующее: срез граждан, которые имеют определенные социальные, демографические, иные показатели, являющиеся потребителями определенного класса услуг, работ или товаров [7].

2. Целевая аудитория СМИ может быть различной, она дифференцируется в зависимости от направленности портала, ценностных идеологических установок.

3. Рекламодатель, заключая контракт со СМИ об уступке некоторой части персональных данных, в первую очередь интересуется (при подготовке такого контракта) не самими данными, а социально-географическим срезом.

4. При заказе рекламных кампаний происходит совмещение некоторых требований юриспруденции и маркетинга. В заключаемом контракте прописывается география распространения материала, возраст потребителя, его семейное положение, профессиональная направленность.

Таким образом, мы можем заключить, все вышеуказанные категории, хотя и по смыслу относятся к обработке персональных данных, однако по юридической природе нарушений здесь не имеется: сведения, предоставляемые рекламодателю носят обезличенный характер (субъект получает лишь возможность составить краткий социальный портрет аудитории).

Проанализировав правовые аспекты работы с персональными данными в СМИ, обратимся к некоторым аспектам правоприменения. Отметим сразу один интересный момент: преимущественно все вопросы, связанные с незаконными действиями (по мнению участников рынка) по обработке персональных данных, решаются преимущественно в досудебном порядке: граждане отправляют официальные запросы в СМИ или Роскомнадзор; по требованию заявителя проводится проверка, по результатам которой персональные данные удаляются из базы данных.

В суд субъекты обращаются редко, да и только в тех случаях, когда административное обращение не привело к позитивным результатам. Главный довод всех тех, кто обратился в суд, – персональные данные были обработаны незаконно и несправедливо, а СМИ нарушило закон. Подобная позиция субъекта чаще всего отклоняется судом в том случае, если изначальная информация о гражданине находилась в общедоступном пользовании (при этом суд, отметим, никак не комментирует это понятие «общедоступности») [5], а также в том случае, если проверка, проведенная компетентным органом, не выявила нарушений.

Таким образом, суды не находят оснований для применения в отношении СМИ санкций статей КоАП РФ.

Выводы: гражданин РФ, регистрируясь на сайте СМИ, должен понимать, что предоставляемые им персональные данные будут обработаны самим СМИ; предоставленные персональные данные вполне могут быть переданы третьим лицам; отказаться от обработки и хранения персональных данных в большинстве случаев возможно, но для этого требуется направить официальное письменное заявление в адрес СМИ.

В настоящее время назрела необходимость модифицировать законодательство, касающееся обработки персональных данных.

1. В соглашении об обработке персональных данных, заключаемом с клиентом, необходимо особо выделить пункт, посвященный возможностям передачи этих данных рекламодателям (согласитесь, что средний объем Соглашения в СМИ составляет около 5–8 страниц, составленных с использованием юридической терминологии, которую осознать гражданам крайне сложно).

2. Направление заявления в адрес СМИ по юридическим каналам достаточно длительно по времени. Для устранения дисбалансов необходимо предоставить возможность направления отзыва обработки персональных субъектов прямо через сеть

«Интернет». Для этого важно предусмотреть возможности комплектования и направления официального электронного заявления в адрес СМИ через портал «Госуслуг».

3. Необходимо установить максимальный срок ответа на официальное обращение субъекта с просьбой об удалении сведений из базы данных СМИ. Предлагается, ориентируясь на зарубежный опыт, максимизировать сроки пределом в 10 рабочих дней.

Библиографический список

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS № 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.) (по состоянию на 24 сентября 2020 г.) (Страсбург, 28 января 1981 г.) // <https://base.garant.ru/3939442/>; Конвенция Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных (опубликовано 28.01.1988, Страсбург) // <https://pandia.ru/text/79/572/53148.php>
2. Конституция Российской Федерации 1993 года // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // www.consultant.ru
3. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // www.consultant.ru
4. Решение Златоустовского городского суда Челябинской области № 2-1694/2019 2-1694/2019~М-1180/2019 М-1180/2019 от 7 августа 2019 г. по делу № 2-1694/2019// www.consultant.ru
5. АиФ: Политика конфиденциальности // URL:// <https://www.ryazan.kp.ru/daily/26600.4/3615024/>
6. *Играев Б.А.* Корпоративные издания: типологические и профильные особенности // Известия Тульского государственного университета. – Гуманитарные науки. – 2011. – С. 192–202.
7. *Кабакова Е.А., Усков В.С.* Веб-сайт научно-исследовательского учреждения: наполнение, посетители, развитие // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 3. – С. 1–12; *Дятлов А.К.* Система управления контентом Интернет-ресурса // Решетневские чтения, 2013. – С. 142–144.

Для цитирования: *Ивлиев П.В.* Регистрация на сайте СМИ и требования к персональным данным в российском законодательстве // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 72–77. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.005

Pavel V. Ivliev *

REGISTRATION ON THE WEBSITE OF THE MEDIA AND REQUIREMENTS FOR PERSONAL DATA IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. *The article examines the norms of Russian legislation that regulate the legal aspects of working with personal data. The terms related to personal data are highlighted; the actual problems of the work of the media with personal data are investigated. Some features of dispute resolution regarding the illegal use of personal data are touched upon.*

---

* **Ivliev Pavel Valentinovich**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service). E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Keywords: *personal data, processing of personal data, personal data in the media, processing of personal data in the media, problems of processing personal data, options for processing and storing personal data.*

The concept of "personal data" is used in a number of several international and national instruments (1981 Council of Europe Convention "On the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data" (1981 Council of Europe Convention "On the Protection of Individuals in Connection with Automatic Processing of Personal Data") [1], the Constitution of the Russian Federation of 1993 [2], the Federal Law "On Personal Data" [3], the Law of the Russian Federation "On the Mass Media" [4], etc.). At the same time, these acts regulate in detail both the concept of "personal data" (personal data is usually understood as such information by which it is easy to identify the subject), and the provisions affiliated with it, including concepts, principles, etc.

The latter should include:

First, the voluntariness of the provision of personal data. All information must be obtained in good faith, on the basis of the law, accumulated only for specific purposes. Accordingly, all processing of personal data must adequately reflect these goals.

Secondly, the safety of information. Personal data that relate to the nationality of the subject, his religious or other beliefs, political positions, convictions and health data should enter the information system only if the relevant authorized bodies give guarantees for the storage and use of the information received.

Third, the existence of the database. In this case, the subject providing his personal data must be informed about the availability of an appropriate personal data base, its purpose of functioning and the persons who exercise control over the specified information. The subject who handed in his personal data may, in any case, demand the elimination of the submitted information or its clarification. If necessary, the entity retains the right to judicial protection of its rights (for example, if the request sent to it in accordance with the requirements of the law was not satisfied within a reasonable time) or the administrative procedure by contacting Roskomnadzor.

Fourthly, the operator carrying out the processing of personal data bears full responsibility for their safety, which implies the implementation of the necessary protective measures. These include: the appointment of a subject responsible for the processing and storage of personal data; creation of an appropriate local database related to the storage and processing of personal data; the use of the necessary technical measures to ensure the security of the entered data (this implies: the use of information protection means, constant assessment of the effectiveness of the applied security measures, control of access to personal data, prevention and elimination of emerging situations, recovery of personal data that was destroyed as a result of illegal access to the database); implementation of continuous internal control and audit of personal data processing; conducting risk-oriented monitoring; familiarization of the operator's employees who directly interact with personal data, with the main provisions of local acts, as well as federal legislation.

The detail and clarity of legal regulation is determined by the extreme importance of maintaining a certain balance: on the one hand, the age of informatization presupposes that certain elements of the subject's personal data (for example, information about the location of the subject, his mobile phone) can be used for electronic advertising mailings (such advertising information is regarded by leading Internet companies as one of the most promising ways of delivering materials to the proper part of the audience); on the other hand, how not to violate the rights and legitimate interests of a citizen with such information?

Theory of State and Law

In this basic dilemma, the greatest problems are concentrated in the system of work of the media, since there are quite logical additional questions for the working media:

- do they have the right to allow citizens to post their personal data on the site?
- who is responsible for the safety of the submitted personal data?
- can an Internet resource provide access to big data ("big data" created on the basis of processing tens of thousands of records related to personal data) from advertisers or their partners?

Let's consider this issue from the point of view of theory and practice, including judicial practice.

1. The Law of the Russian Federation "On Mass Media" actually divides all sites on the Internet into two large categories: first, portals that are registered as mass media (a separate large subcategory – online publications); secondly, portals that do not function as mass media. The basis for such a gradation is an official document provided by Roskomnadzor subject to certain requirements. The latter include: a certain frequency of published materials on the site, the presence of a registered legal entity or individual entrepreneur, the absence of prohibited words or repetitions of information related to another legal entity in the name of a legal entity or site ("confusion of names" that can be entered by citizens interacting with such website, misleading).

Sites registered as mass media are conditionally divided into two large parts: resources that process personal data (and, accordingly, it is envisaged that Roskomnadzor, being the main operator to control the situation, can check these sites for compliance with the requirements of current legislation); resources that do not process personal data.

In most cases, after analyzing the legal aspects of the work of most media outlets, registering a user on the site involves, in one form or another, requesting the reader's full identification information (full name, email, mobile phone number) or receiving limited "truncated" requirements (first, a citizen must provide a mobile phone number) telephone or email address; then enter the verification code received by mail or mobile phone).

By registering on the site, the client gets expanded access to the functionality of the resource. Most often, the expansion of access is associated with the ability to comment on materials on the site. Note that the need to register (and, accordingly, enter some of the personal data) on various sites is caused by marketing reasons (the registration procedure allows the site owner to create a stable community with social networks) [8].

The legal regulation of the provision by the user of his personal data to the media is defined in the relevant agreements established between the founder of the portal and the citizen – the counterparty.

In the vast majority of such agreements, the list of personal data processed by the site is extremely similar: the identification data of the citizen (in some cases, the middle name is also included in the mandatory information), date of birth, contact phone number, e-mail address) [6]. As the purposes of information processing in these agreements, there are such categories as: the user should have the right to receive information about the marketing activities of the site, the site is obliged to provide fast and high-quality customer support if necessary.

At the same time, the following requirements are imposed on the processing of information on the site: the age of the registered subject is from 18 years (in some cases, the portal reserves the right to request additional documents). If a citizen has deliberately provided inaccurate information, then in this case the administration of the resource reserves the right to block the user's page; when processing the received information, the media un-

undertake to carry out all such technical operations on the site on their own, no involvement of third parties is expected; if the user has chosen a combination of letters as a login, which is considered obscene, then the site administration has the right not to register such a subject.

The transfer of the received personal data to third parties free of charge is carried out in the following cases:

- if the materials are transferred to law enforcement agencies (after the media receives a legal request from the court or law enforcement agencies);

- if information is transferred to strategic partners (the amount of data transferred in this case is not specified in the agreements: the media can also transfer the minimum amount of information, which is understood as data about a mobile phone, e-mail and the name of the registered subject).

2. Saving data. All publications are fully responsible for the safety of the personal data provided to them. This implies that all media are obliged to use such technical and other organizational means that will save the personal data transmitted by the user. At the same time, a number of sites, it should be noted, indicate that liability does not apply to situations when the user himself, using the resources of the site, disrupts the operation of his computer, which will lead to the placement of personal data on the Internet.

3. Terms of processing personal data. In most cases, media outlets set the processing time from several weeks to several months.

4. Possibilities to stop processing the provided personal data. A number of sites (for example, the Russian-speaking TV channel RTVI) have provided that a citizen can stop processing personal data. This is achieved by sending a written review to the company's registered office.

5. Internal regulation of personal data processing. A number of sites in their agreements with clients indicate that a system of local acts has been created and operates within the enterprise, which regulates the entire procedure related to the processing of personal data (unfortunately, public information on the structure and content of local acts is not provided).

6. Agreements with clients regarding the processing of personal data provided for the Russian media can be changed unilaterally. In this case, the revision time is differentiated depending on the edition: in some cases it is about a month (customers are informed about the fact of a change in the company's internal policy in advance by placing a corresponding banner on the main page of the site); on other resources – no more than one day. Sometimes the terms for revising such agreements are not specified at all, which makes it possible for portals to modify such documents almost every day.

Considering the market of domestic media and their legal policy regarding the processing and storage of personal data, it should be noted that in some cases, sites providing for quick registration with the introduction of some personal data of users, unfortunately, do not specify the parameters for processing information: in this situation, it was not found an understandable and clear unified agreement on the processing of personal data in the public domain (first of all, this situation is typical for some radio companies and television networks).

Having analyzed certain legal aspects of personal data processing, let us turn to the problem of providing access to them by the media editorial office. For this it is necessary to pay attention to several important provisions.

1. Any advertiser wants to get a slice of data that relates to his target audience. The concept of “target audience” is not defined in the current Russian legislation. In marketing scientific publications, it is understood as an average of the following: a cut of citizens who

have certain social, demographic, and other indicators, who are consumers of a certain class of services, works or goods [7].

2. The target audience of the media can be different; it differentiates depending on the orientation of the portal, value ideological attitudes.

3. An advertiser, concluding a contract with the media on the assignment of a certain part of personal data, is primarily interested (when preparing such a contract) not in the data itself, but in the socio-geographical cross section.

4. When ordering advertising campaigns, some legal and marketing requirements are combined. In the concluded contract, the geography of distribution of the material, the age of the consumer, his marital status, professional orientation are prescribed.

Thus, we can conclude that all of the above categories, although in their meaning refer to the processing of personal data, however, due to the legal nature of violations, there are no violations here: the information provided to the advertiser is impersonal (the subject only gets the opportunity to make a short social portrait of the audience).

Having analyzed the legal aspects of working with personal data in the media, let us turn to some aspects of law enforcement. Let's note one interesting point at once: mainly all issues related to illegal actions (according to market participants) in the processing of personal data are resolved mainly in a pre-trial procedure: citizens send official inquiries to the media or Roskomnadzor; at the request of the applicant, a check is carried out, according to the results of which personal data is deleted from the database.

Subjects rarely go to court and only in those cases when the administrative appeal did not lead to positive results. The main argument of all those who went to court is that personal data was processed illegally and unfairly, and the media broke the law. Such a position of the subject is most often rejected by the court in the event that the initial information about the citizen was in the public domain (while the court, we note, does not comment on this notion of "public accessibility" in any way) [5], and also if the check carried out competent authority, did not reveal any violations. So, the courts find no grounds for applying sanctions against the media of the articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Conclusions: a citizen of the Russian Federation, registering on a media website, must understand that the personal data provided to him will be processed by the media itself; the provided personal data may well be transferred to third parties; In most cases, it is possible to refuse to process and store personal data, but this requires sending an official written statement to the media.

Currently, there is a need to modify the legislation relating to the processing of personal data.

1. In the agreement on the processing of personal data concluded with the client, it is necessary to highlight the point on the possibilities of transferring this data to advertisers (agree that the average length of the Agreement in the media is about 5–8 pages, drawn up using legal terminology, which citizens are extremely aware of. hard).

2. Sending an application to the media through legal channels is quite time-consuming. To eliminate imbalances, it is necessary to provide the possibility of sending the revocation of the processing of personal subjects directly through the Internet. For this, it is important to envisage the possibility of acquiring and sending an official electronic statement to the media through the portal "State Services".

3. It is necessary to establish a maximum period for responding to an official request from a subject with a request to remove information from the media database. It is proposed, focusing on foreign experience, to maximize the terms by a limit of 10 working days.

Bibliographic list

1. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data ETS No. 108 (Strasbourg, January 28, 1981) (as of September 24, 2020) (Strasbourg, January 28, 1981) // <https://base.garant.ru/3939442/>; Council of Europe Convention on the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (published on 28.01.1988, Strasbourg) // <https://pandia.ru/text/79/572/53148.php>
2. Constitution of the Russian Federation of 1993 // www.consultant.ru
2. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // www.consultant.ru
3. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 "On the Mass Media" // www.consultant.ru
4. Decision of the Zlatoust City Court of the Chelyabinsk Region No. 2-1694 / 2019 2-1694 / 2019 ~ M-1180/2019 M-1180/2019 dated August 7, 2019 in case No. 2-1694 / 2019 // www.consultant.ru
5. AIF: Privacy Policy // URL: // <https://www.ryazan.kp.ru/daily/26600.4/3615024/>
6. Igraev B.A. Corporate editions: typological and profile features // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2011. P. 192–202.
7. Kabakova E.A., Uskov V.S. Research institution website: content, visitors, development // Issues of territorial development. 2014. No. 3. P. 1–12; Dyatlov A.K. Content management system of the Internet resource // Reshetnevskie readings, 2013.P. 142–144.

For citation: Ivliev P.V. Registration on the website of the media and requirements for personal data in Russian legislation // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 77–82. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.005

ИНФОРМИРОВАНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ*

***Аннотация.** В статье исследуются вопросы информирования населения в контексте обеспечения безопасности личности. Рассматривается теоретико-правовая сторона вопроса, включая понятийно-категориальный аппарат, виды и принципы информирования, а также правовые основы такого информирования в России. Автор приходит к выводу о необходимости рассматривать информирование об угрозах безопасности личности с точки зрения системного подхода как целостный правовой институт.*

***Ключевые слова:** информация; безопасность; информирование; оповещение; право на информацию; сокрытие информации; засекречивание; угроза; риск; безопасность личности.*

*Предупрежден – значит вооружен
/Народная мудрость/*

Информация издревле представляла для человека ценность. При переходе к информационному обществу ценность роль существенно возросла – информация становится и источником заработка, и своеобразной валютой, и средством манипулирования населением. Таким образом, информация заняла особое место в экономических, политических, культурных и иных социальных отношениях [31]. Однако имеющее место быть чрезмерное насыщение людей информацией (нередко против их воли) в виде рекламы, агитации, пропаганды и т.п. нередко оставляет за скобками действительно важную и нужную для каждого человека информацию, имеющую значение для безопасности личности. Нередко предоставление людям такой информации происходит «фоном» и «для галочки», когда она теряется между более яркими рекламными роликами, но еще хуже, если происходит сокрытие от населения такой информации.

Легальное определение информации дано в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], а именно: сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Учитывая справедливое замечание В.Б. Малинина, что «сведения, составляющие информацию, должны быть объективно воспринимаемы человеком, иначе они потеряют для него всякую ценность, не смогут быть благом, способным удовлетворять его потребности» [2, с. 123], мы переходим от информации к информированию.

Информирование населения, равно как и отдельных граждан является одним из важнейших направлений обеспечения безопасности личности, поскольку своевременное обладание необходимой информацией способствует снижению риска реализации той или иной угрозы.

---

* *Ирошников Денис Владимирович*, доцент кафедры теории права, история права и международного права Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dviroshnikov@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00658 «Транспортная безопасность: теоретико-правовые основы, административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения в Российской Федерации».

Информирование – сложный и комплексный процесс, имеющий множество различных проявлений в жизнедеятельности общества и функционировании государства. Человек постоянно получает ту или иную информацию, исходящую из совершенно разных источников, при этом определенная информация может быть исключительно важной с точки зрения обеспечения безопасности личности.

В целях научного анализа такой информации предлагается проанализировать общетеоретические критерии, характеризующие информацию, обладание которой влияет на безопасность личности. Такую информацию можно с определенной долей условности разделить на следующие виды.

1. Информация о природных, техногенных, антропогенных и иных угрозах, которая, в свою очередь, подразделяется на информацию:

- о реально существующих угрозах;
- о потенциально возможных угрозах, которые могут наступить в том или ином случае.

В качестве угроз можно выделить *внешние* угрозы, которые проявляют себя извне и угрожают определенному количеству лиц или же одному человеку и угрозы *внутреннего* характера, которые исходят из человеческого организма, угрожая ему и могут быть в свою очередь физическими (например, болезнь или травма), либо психическими.

2. Информация о способах преодоления угроз, то есть о безопасном поведении и о возможностях минимизации (ликвидации) последствий реализации угрозы. Указанная информация может размещаться на различных носителях. По данному критерию можно различать:

- текстовую информацию (может быть как печатной, так и электронной);
- аудиовизуальную информацию (например, сообщение по телевидению или радио);
- графическую информацию (например, план эвакуации при пожаре, дорожный знак, инфографика [3]);
- невербальная информация (например, сигнал бедствия, переданный жестами).

Именно такая информация должна стать главной в информировании населения. В широком смысле «информирование» можно понимать как деятельность, направленную на доведение до населения или отдельных лиц той или иной информации. От информирования следует отличать более узкое понятие «оповещение», которое является оперативным доведением экстренной информации.

Можно сформулировать следующие ключевые принципы информирования населения в целях обеспечения безопасности личности:

- оперативность информирования и актуальность информации;
- массовость информирования и доступность информации каждому;
- понятность информации для населения;
- недопустимость сокрытия и (или) искажения информации.

Соблюдение данных принципов позволит повысить роль и значение информирования в числе предупредительных мер по обеспечению безопасности.

Поскольку информирование является многоплановой деятельностью, оно может быть подразделено на виды.

1. По времени «жизни» информации в сознании человека:

- долгосрочное информирование, то есть деятельность, которая направлена на получение знаний человеком на неопределенный период времени (например, обу-

чение основам безопасности жизнедеятельности в школе; инструктаж по технике безопасности при приеме на работу);

– оперативное информирование, то есть предоставление информации о безопасности на определенное время (например, инструктаж по технике безопасности пассажиров самолета перед полетом; краткий инструктаж о технике безопасности перед каким-либо спортивно-развлекательным мероприятием).

2. По субъекту информирования:

– информирование, исходящее от государства в лице его органов и должностных лиц, либо от органов местного самоуправления в рамках реализации функций публичной власти;

– информирование, исходящее от негосударственных организаций, но осуществляющих свою деятельность по лицензируемым или иным образом поддерживаемым государством направлениям (например, негосударственное учебное заведение, имеющее государственную аккредитацию, либо некоммерческая организация, реализующая государственный грант а такую деятельность);

– информирование, исходящее от прочих негосударственных, в том числе коммерческих структур.

3. По субъектам получения информации:

– информирование всего населения, под которым понимается целенаправленная деятельность, результатом которой должно стать получение информации как можно большим количеством населения (например, информирование по радио / телевидению, через СМИ и т.п.)

– информирование неопределенного круга лиц (например, информирование населения района с помощью звукоусиливающих средств на улице);

– информирование определенного круга лиц (например, инструктаж по технике безопасности пассажиров самолета перед полетом);

– информирование отдельного человека.

Приведенные теоретические выкладки характеризуют авторский взгляд и призваны помочь формированию научной концепции информирования населения, которая сегодня не сложилась в отечественной науке, за исключением отдельных трудов по технической стороне вопроса [4].

Поскольку мы рассматриваем информирование в контексте обеспечения безопасности личности, то значит, неполучение важной информации (либо получение в искаженном виде) можно рассматривать в качестве угрозы безопасности личности. В этом ключе мы выходим на проблему сокрытия (засекречивания) информации.

К сожалению, в истории нашей страны имеются яркие примеры сокрытия государством той или иной информации от населения по различным мотивам. В качестве одного из них можно привести ядерную аварию на химкомбинате «Маяк» в Челябинской области в 1957 году, все сведения о которой были строго засекречены, а жителям региона авария была объяснена как северное сияние [5]. Такая политика государства обернулась подрывом здоровья значительной части гражданского населения (в том числе детей), впоследствии страдавшей от лучевой болезни.

Сегодня проблема сокрытия информации в виде искажения статистических сведений теми или иными странами весьма актуальна в период пандемии коронавирусной инфекции. Следует отметить, что в своих рекомендациях ВОЗ к ключевым областям деятельности отнесла «информирование о рисках, кризисная коммуникация и мотивирование местного населения на соблюдение мер защиты» [6]. Нельзя

не заметить появление в научной литературе мнений ученых, согласно которой официальная статистика по заражаемости и особенно – смертности от COVID-19 в России и ряде зарубежных стран искусственно занижена. [7, с. 16–17]. Анализ содержания подобных публикаций и достоверности, изложенных в них сведений, не входит в предмет настоящей статьи, однако само наличие таких статей уже дает основание для беспокойства и выводит на обозначенную выше проблему сокрытия государствами информации, влияющей на безопасность личности.

В настоящее время правовой гарантией от сокрытия информации государством в лице должностных лиц выступает ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне» [8], устанавливающая перечень сведений, не подлежащих к отнесению к государственной тайне и засекречиванию. Это, в частности, сведения о ЧП, катастрофах, стихийных бедствиях, угрожающих безопасности и здоровью граждан, о состоянии экологии, здравоохранения, о состоянии преступности и другие сведения. Очевидно, что перечисленные в статье сведения при их сокрытии несут прямую угрозу безопасности личности. Однако правовая конструкция «не подлежат засекречиванию» совсем не значит «должны быть общедоступны». Иными словами, определенную информацию при желании государства можно утаить от населения и без ее официального засекречивания.

Кроме того, А.В. Яблоков в этом аспекте обозначает интересную проблему, ставя перед научным сообществом такой вопрос: «Как быть в том случае, если рассекречивание информации, с одной стороны, ослабляет обороноспособность государства, а с другой, усиливает безопасность общества, человека и гражданина?». Отвечая на свой вопрос, ученый отмечает, что «в демократическом гражданском обществе, в отличие от тоталитарного общества, на первом месте стоит проблема обеспечения безопасности личности, затем общества и лишь потом – государства» [9, с. 56].

Правовой гарантией на сокрытие информации журналистами выступает ст. 51 Закона РФ «О средствах массовой информации» [10], согласно которой не допускается использование прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений. Представляется, что под общественно значимыми сведениями в данном контексте, можно понимать в том числе сведения, влияющие на обеспечение безопасности. С.А. Куликова предлагает называть искаженные (сокрытые) сведения «вредной информацией» [11, с. 26].

Рассмотрим правовую основу информирования населения в России в контексте обеспечения безопасности личности.

Конституция РФ дает каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29), закрепляет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42), а также корреспондирующую обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст. 24).

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 7 устанавливает понятие и правовую основу общедоступной информации. При этом в законе не указывается перечень информации, которая должна быть общедоступна в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства. Представляется, что законодательное установление круга таких сведений будет способствовать обеспечению безопасности на более высоком уровне.

Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [12] устанавливает основные положения информирования и оповещения населения о чрезвычайных ситуациях. В частности, закон закрепляет, что информация о чрезвычайных ситуациях является гласной и открытой, устанавливает право граждан быть информированными о риске, которому они могут подвергнуться в определенных местах пребывания на территории страны, и о мерах необходимой безопасности, а также регулирует вопросы пропаганды знаний в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Отраслевое российское законодательство также содержит нормы об информировании населения, напрямую связанные с обеспечением безопасности личности.

Так, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [13] относит к полномочиям органов государственной власти и органов местного самоуправления информирование населения о возможности распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, об угрозе возникновения и о возникновении эпидемий, а также закрепляет в числе прав пациента получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья и выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья.

Закон РФ «О защите прав потребителей» [14] закрепляет право потребителя на необходимую и достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце), а также о товарах (работах, услугах). Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [15] предусматривает право потребителя на полную и достоверную информацию о качестве и безопасности пищевых продуктов, материалов и изделий.

Федеральный закон «О пожарной безопасности» [16] содержит нормы о противопожарной пропаганде и обучении мерам пожарной безопасности, которые впоследствии реализуются весьма широко.

Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» [17] закрепляет право участников дорожного движения на достоверную информацию о безопасных условиях дорожного движения. Дальнейшая конкретизация реализации этого права устанавливается соответствующими подзаконными актами [18].

Федеральный закон «О гидрометеорологической службе» [19] закрепляет легальные определения информации о состоянии окружающей среды, штормового предупреждения и штормового оповещения.

Подзаконные акты, в свою очередь, устанавливают систему информирования населения об угрозах возникновения опасных гидрометеорологических явлений [20].

Необходимо отметить, что в некоторых регионах России осуществляется смс-информирование населения об уровне погодной опасности. Данный вопрос стал особенно актуальным после урагана в Москве и Подмосковье 2017 года, в результате которого погибли 16 человек, пострадали около 200 человек, а также был нанесен огромный имущественный ущерб [21]. На тот момент правовая база для полноценного смс-информирования отсутствовала, то есть обязанность операторов связи не была установлена на законодательном уровне. Соответствующие изменения в Федеральный закон «О связи», обязывающие операторов связи доводить по обращению органов государственной власти и органов местного самоуправления информацию до абонентов, были приняты только 1 марта 2020 года [22]. При этом Постанов-

ление Правительства, которое должно утвердить соответствующий порядок, на момент сдачи статьи в редакцию еще не принято [23]. Представляется необходимым при повсеместном введении смс-информирования ориентацию мобильных операторов на всех абонентов, находящихся на территории, на которой имеется угроза, а не на тех, которые зарегистрированы в качестве абонентов в том или ином субъекте РФ.

Приведенный выше анализ законодательных основ информирования населения и отдельных лиц в контексте обеспечения безопасности личности не претендует на комплексность, учитывая ограниченный объем статьи были приведены лишь основополагающие законодательные акты. Такой объем законодательного регулирования указывает на то, что система правового регулирования информирования населения, направленная на обеспечение безопасности личности весьма широка и многообразна и сама деятельность соответствующих органов – многоплановая, включающая целый ряд различного рода мероприятий (от контролирования правильности указанной информации на товаре до установления дорожных знаков).

Более того, информирование населения – это иногда лишь финальная стадия более сложного процесса – мониторинга, включающего в себя сбор, систематизацию, анализ, обработку информации и другие действия с ней. Далекое не всегда информация о тех или иных угрозах безопасности находится на поверхности. Нередко, прежде чем довести до населения информацию, ее нужно получить (возможно расшифровать) и привести в конечное, необходимое для восприятия состояние. В качестве примера можно привести проблему осуществления экологического мониторинга [24].

Представляет интерес правовые основы долгосрочного информирования населения относительно возможных угроз безопасности и основ безопасного поведения. Такое информирование отличается своей фундаментальностью, социальной значимостью, из которой вытекает заинтересованность государства и общества в качестве такого информирования. Этот процесс можно считать одним из компонентов формирования культуры безопасности личности [25, с. 34].

Можно выделить следующие основные сферы долгосрочного информирования населения об угрозах безопасности и основах безопасного поведения.

1. Образование.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования устанавливает в качестве обязательного для содержания программы образовательной организацией в рамках социально-коммуникативного развития «формирование основ безопасного поведения в быту, социуме, природе». [26].

При этом образовательную программу по новой российской образовательной традиции формирует сама образовательная организация, что может привести к различному пониманию формирования основ безопасного поведения у ребенка. Это может привести к дифференциации от учреждения к учреждению в глубине получаемых знаний о безопасности, в их объеме, интерактивности и т.п. Следует отметить, что согласно рекомендациям МЧС России в качестве рекомендуемого перечня аудиовизуальных материалов и электронных учебных курсов для использования при подготовке населения в области ГО и защиты от ЧС относятся мультфильмы (в том числе мультфильм «Спасик и его команда») [27]. Представляется весьма целесообразным использование мультфильмов о безопасности в дошкольном образовании для формирования у ребенка образов безопасного поведения.

Федеральные государственные образовательные стандарты начального, среднего общего и основного общего образования устанавливают необходимость полу-

чения обучающимися системы знаний об основах безопасного образа жизни и культуры безопасности жизнедеятельности. При этом документы закрепляют необходимый минимум знаний и компетенций, которыми необходимо овладеть при изучении основ безопасности жизнедеятельности.

Следует обратить внимание на Концепцию преподавания учебного предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, которая была утверждена Решением Коллегии Минпросвещения России в 2018 году [28]. Значимость документа сложно переоценить, поскольку преподавание основ безопасности жизнедеятельности в школе призвано сформировать основы безопасного поведения, а огромное количество различных угроз безопасности, к которым должны быть готовы обучающиеся, предъявляет серьезные требования к уровню такого преподавания.

Важно понимать прямое соотношение правовой культуры и культуры безопасности. Культура безопасности должна выстраиваться, прежде всего, сквозь призму правовой культуры. Без должного уровня правосознания и правовой культуры невозможно формирование культуры безопасности. В этой связи можно обозначить позицию П.В. Молчанова, согласно которой «*правовое* (выделено мною – Д.И.) просвещение и *правовое* (выделено мною – Д.И.) информирование в области безопасности дорожного движения должно осуществляться на постоянной основе со школьной скамьи» [29, с. 67].

В этой связи можно заключить, что информирование о безопасном поведении и более широкий процесс – формирование культуры безопасности у обучающихся в школе должен проходить не только в рамках курса ОБЖ, но и на общественном (правоведении), что не менее важно. Только в случае понимания основ права, знания своих прав и свобод, а также способов их реализации и защиты у обучающихся может быть в полной мере сформирована культура безопасности.

2. Получение специального права.

Сюда можно отнести получение права управления транспортным средством, права управления маломерными судами, права хранения и ношения гражданского оружия и тому подобное. Поскольку реализация любого специального права так или иначе связано с угрозами опасности как для себя, так и для окружающих, лицо, проходящее обучение, должно иметь представление о технике безопасности при использовании специального права, о возможных угрозах, правилах оказания первой помощи и т.п. Эти вопросы также урегулированы действующими правовыми нормами [30].

3. Инструктаж по охране труда в трудовых отношениях.

Право на безопасные условия труда в России является одним из конституционных прав человека. При этом для его реализации работник должен быть информирован об особенностях безопасного труда при выполнении им трудовых функций, что осуществляется посредством проведения инструктажа по охране труда. Вопросы проведения таких инструктажей регулируются трудовым законодательством.

Проведенный научный анализ позволил сделать вывод, что проблема информирования населения в контексте обеспечения безопасности личности является комплексной и многоаспектной и требует дальнейшего изучения как в теории права и в отраслевых юридических науках, так и в рамках междисциплинарных исследований (совместно с психологами, социологами и другими учеными).

Сегодня вопрос информирования населения в контексте безопасности наиболее детально регламентируется в законодательстве о чрезвычайных ситуациях – только там это информирование выглядит стройной правовой конструкцией. Однако предлагается с научной и практической точек зрения рассматривать такое информирование с точки зрения системного подхода как целостный правовой институт с присущими ему внутрисистемными связями. Это должно позволить выявить недостатки в правовом регулировании системы информирования, а также проработать вопросы совершенствования данной системы. Объем научной статьи не позволяет провести комплексный научный анализ данного правового явления. Думается, что он вполне может быть комплексно рассмотрен на диссертационном или монографическом уровне.

Считаем необходимым, разработать и утвердить соответствующий документ стратегического планирования (стратегию, концепцию или доктрину), в котором обозначить цели, приоритеты, задачи, направления государственной политики и иные важные показатели в области информирования населения в контексте обеспечения безопасности личности. Такой документ позволит скоординировать усилия органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества по своевременному обеспечению человека необходимой информацией в целях обеспечения его безопасности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // www.consultant.ru
2. *Малинин В.Б.* Правовое регулирование информации // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3.
3. *Норсеева М.Е., Дегтярева А.В.* Применение инфографики в системе информирования населения с целью совершенствования процесса формирования культуры безопасности жизнедеятельности // Глобальная и национальные стратегии управления рисками катастроф и стихийных бедствий. XX Международная научно-практическая конференция по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Тезисы докладов. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). – М., 2015.
4. *Дурнев Р.А.* Информирование и оповещение населения в интересах обеспечения безопасности жизнедеятельности: новые информационно-телекоммуникационные технологии // Технологии гражданской безопасности. – Т. 5. – 2008. – № 4.
5. *Клипиницер Б.* Взрыв на «Маяке»: это было «северное сияние» // ТАСС. – 28 сент. 2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/5131645>
6. Практические действия в городах, направленные на повышение готовности к COVID-19 во время и вне периода пандемии: Временный контрольный перечень для местных органов власти. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020 (WHO/2019-nCoV/Actionsfor Preparedness/Checklist/2020.1).
7. *Родкин М.В.* вопросу о статистике распространения вируса COVID-19 // Уральский геологический журнал. – 2020. – № 2.
8. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне» // www.consultant.ru
9. *Яблоков А.В.* Среда обитания и права человека // Журнал российского права. – 1998. – № 4–5.
10. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // www.consultant.ru
11. *Куликова С.А.* К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. – 2015. – № 4.

12. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // www.consultant.ru
13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // www.consultant.ru
14. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 24.04.2020) «О защите прав потребителей» // www.consultant.ru
15. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // www.consultant.ru
16. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О пожарной безопасности» // www.consultant.ru
17. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 30.07.2019) «О безопасности дорожного движения» // www.consultant.ru
18. Распоряжение Росавтодора от 18.04.2018 № 1234-р «Об утверждении Положения о представлении информации о состоянии автомобильных дорог общего пользования федерального значения, дорожно-транспортных происшествиях, нештатных и чрезвычайных ситуациях на них» // www.consultant.ru
19. Федеральный закон от 19.07.1998 № 113-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О гидрометеорологической службе» // www.consultant.ru
20. Приказ Росгидромета от 03.04.2019 № 154 «Об утверждении Положения о системе информирования населения и других заинтересованных пользователей об угрозах возникновения опасных гидрометеорологических явлений на территории Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // www.consultant.ru
21. *Борисов Т.* В МЧС разъяснили, как было организовано информирование перед ураганом // Российская газета, 2017, 31 мая.
22. Федеральный закон от 01.03.2020 № 42-ФЗ «О внесении изменений в статью 35 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 66 Федерального закона “О связи”» // www.consultant.ru
23. Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Порядка взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления с операторами связи и передачи операторами связи сигналов оповещения и (или) экстренной информации о возникающих опасностях, о правилах поведения населения и необходимости проведения мероприятий по защите...» (по состоянию на 21.08.2020). Подготовлен Минкомсвязью России, ID проекта 02/07/03-20/00100016) // www.consultant.ru
24. *Сатаева Т.Ю.* Становление и развитие правового регулирования организации и осуществления государственного экологического мониторинга в России // Журнал российского права. – 2020. – № 6.
25. *Лукьянович А.В., Иванова М.А., Кудрявцев В.А.* О необходимости разработки национальных стандартов в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности // Технологии гражданской безопасности. – 2013. – Т. 10. – № 1.
26. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» // www.consultant.ru
27. Письмо МЧС России от 27.02.2020 № 11-7-604 «О примерном порядке определения состава учебно-материальной базы» // www.consultant.ru
28. Концепция преподавания учебного предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» (утв. Решением Коллегии Минпросвещения России, протокол от 24.12.2018 № ПК-1вн) // www.consultant.ru
29. *Молчанов П.В.* Профилактика правонарушений в области дорожного движения // Административное право и процесс. – 2019. – № 5.

30. Постановление Правительства РФ от 24.10.2014 № 1097 (ред. от 20.12.2019) «О допуске к управлению транспортными средствами» // www.consultant.ru

31. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.

Для цитирования: Ирошников Д.В. Информирование и безопасность личности: теоретико-правовой аспект // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 83–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.006

Denis V. Iroshnikov**

INFORMING AND PERSONAL SAFETY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT *

Annotation. *The article examines the issues of informing the population in the context of personal security. The theoretical and legal side of the issue is considered, including the conceptual and categorical apparatus, types and principles of information, as well as the legal basis for such information in Russia. The author comes to the conclusion that it is necessary to consider information about threats to personal security from the point of view of a systematic approach as an integral legal institution.*

Keywords: *information; security; informing; notification; right to information; concealment of information; classification; threat; risk; personal security.*

Praemonitus, praemunitus
/ Folk wisdom /

Since ancient times, information has been of value to humans. With the transition to an information society, the value of the role has increased significantly – information becomes a source of income, a kind of currency, and a means of manipulating the population. Thus, information has taken a special place in economic, political, cultural and other social relations [31]. However, the excessive saturation of people with information (often against their will) in the form of advertising, agitation, propaganda, etc. often leaves out of brackets information that is really important and necessary for each person, which is important for personal safety. Often, the provision of such information to people occurs "in the background" and "for show", when it is lost between brighter commercials, but even worse if such information is concealed from the public.

The legal definition of information is given in the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" [1], namely: information (messages, data) regardless of the form of their presentation. Taking into account the just remark of V.B. Malinin, that "the information that constitutes information must be objectively perceived by a person, otherwise they will lose any value for him, they cannot be a good that can satisfy his needs" [2, p. 123], we are moving from information to informing.

---

* The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-011-00658 "Transport security: theoretical and legal foundations, administrative and legal and criminal legal means of support in the Russian Federation".

** **Iroshnikov Denis Vladimirovich**, Associate Professor of the Department of Theory of Law, History of Law and International Law of the Russian University of Transport, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

Theory of State and Law

Informing the population, as well as individual citizens, is one of the most important areas of ensuring personal security, since the timely possession of the necessary information helps to reduce the risk of a particular threat being implemented.

Informing is a complex and complex process that has many different manifestations in the life of society and the functioning of the state. A person constantly receives this or that information coming from completely different sources, while certain information can be extremely important from the point of view of ensuring the safety of an individual.

For the purpose of scientific analysis of such information, it is proposed to analyze the general theoretical criteria that characterize information, the possession of which affects the safety of the individual. With a certain degree of convention, such information can be divided into the following types.

1. Information about natural, man-made, anthropogenic and other threats, which, in turn, is subdivided into information:

- about real existing threats;
- about potential threats that may occur in a particular case.

As threats, external threats can be identified that manifest themselves from the outside and threaten a certain number of persons or one person and internal threats that emanate from the human body, threatening it and can in turn be physical (for example, illness or injury), or mental.

2. Information on ways to overcome threats, that is, on safe behavior and on the possibilities of minimizing (eliminating) the consequences of the threat. The specified information can be placed on various media. By this criterion, one can distinguish:

- text information (can be both printed and electronic);
- audiovisual information (for example, a message on television or radio);
- graphic information (eg fire escape plan, road sign, infographics [3]);
- non-verbal information (for example, a distress signal transmitted by gestures).

It is this information that should become the main one in informing the population. In a broad sense, "informing" can be understood as an activity aimed at bringing to the public or individuals one or another information. The narrower concept of "notification", which is the prompt delivery of emergency information, should be distinguished from information.

The following key principles of informing the population in order to ensure personal safety can be formulated:

- efficiency of information and relevance of information;
- mass informing and availability of information to everyone;
- clarity of information for the population;
- inadmissibility of hiding and (or) distortion of information.

Compliance with these principles will increase the role and importance of information among the preventive measures to ensure safety.

Since communication is a multidimensional activity, it can be divided into types.

1. According to the "life" of information in the mind of a person:

- long-term informing, that is, activities that are aimed at acquiring knowledge by a person for an indefinite period of time (for example, teaching the basics of life safety at school; instructing on safety when applying for a job);
- operational information, that is, the provision of information about safety for a certain time (for example, briefing on the safety of aircraft passengers before the flight; brief briefing on safety before any sports and entertainment event).

2. By the subject of information:

- information emanating from the state in the person of its bodies and officials, or from local governments in the framework of the implementation of the functions of public authority;

- information emanating from non-governmental organizations, but carrying out their activities in areas licensed or otherwise supported by the state (for example, a non-state educational institution with state accreditation, or a non-profit organization that implements a state grant for such activities)

- information coming from other non-governmental, including commercial structures.

3. By subjects of receiving information:

- informing the entire population, which means purposeful activity, the result of which should be the receipt of information by the largest possible number of the population (for example, information on radio / television, through the media, etc.)

- informing an indefinite circle of people (for example, informing the population of the district with the help of sound-amplifying means on the street);

- informing a certain circle of people (for example, briefing on the safety of aircraft passengers before the flight);

- informing the individual.

The above theoretical calculations characterize the author's view and are intended to help form the scientific concept of informing the population, which today has not developed in domestic science, with the exception of individual works on the technical side of the issue [4].

Since we consider information in the context of personal security, it means that non-receipt of important information (or receiving in a distorted form) can be considered as a threat to the security of an individual. In this vein, we come to the problem of hiding (classifying) information.

Unfortunately, in the history of our country there are vivid examples of the government concealing this or that information from the population for various reasons? One of them is the nuclear accident at the Mayak chemical plant in the Chelyabinsk region in 1957, all information about which was strictly classified, and the inhabitants of the region explained the accident as the northern lights [5]. This policy of the state led to the undermining of the health of a significant part of the civilian population (including children), who subsequently suffered from radiation sickness.

Today, the problem of hiding information in the form of distortion of statistical information by certain countries is very relevant during the coronavirus pandemic. It should be noted that, in its recommendations, WHO has identified "risk communication, crisis communication and motivation of the local population to comply with protective measures" as key areas of activity [6]. It is impossible not to notice the appearance in the scientific literature of the opinions of scientists, according to which the official statistics on the infection rate and especially the mortality rate from COVID-19 in Russia and a number of foreign countries are artificially underestimated. [7, p. 16–17]. The analysis of the content of such publications and the reliability of the information contained in them is not included in the subject of this article; however, the very existence of such articles already gives rise to concern and leads to the above problem of concealment by states of information affecting the security of the individual.

Currently, the legal guarantee against hiding information by the state in the person of officials is Art. 7 of the Law of the Russian Federation "On State Secrets" [8], which estab-

lishes a list of information that cannot be classified as a state secret and classified. This, in particular, information about emergency situations, catastrophes, natural disasters that threaten the safety and health of citizens, about the state of the environment, health care, the state of crime and other information. It is obvious that the information listed in the article, when hidden, carries a direct threat to the safety of the individual. However, the legal structure "not subject to classification" does not mean "should be publicly available" at all. In other words, if the state wishes, certain information can be withheld from the population even without its official classification.

In addition, A.V. Yablokov in this aspect identifies an interesting problem, posing the following question to the scientific community: "What to do if declassification of information, on the one hand, weakens the defense capability of the state, and on the other hand, enhances the security of society, a person and a citizen?" Answering his question, the scientist notes that "in a democratic civil society, in contrast to a totalitarian society, the first place is the problem of ensuring the safety of the individual, then society and only then the state" [9, p. 56].

The legal guarantee for the concealment of information by journalists is Art. 51 of the Law of the Russian Federation "On the Mass Media" [10], according to which it is not allowed to use the rights of a journalist in order to conceal or falsify socially significant information. It seems that under socially significant information in this context, one can understand, *inter alia*, information that affects security. S.A. Kulikova suggests calling distorted (hidden) information "harmful information" [11, p. 26].

Let us consider the legal basis for informing the population in Russia in the context of ensuring personal safety.

The Constitution of the Russian Federation gives everyone the right to freely seek, receive, transmit, produce and disseminate information in any legal way (Article 29), enshrines the right to reliable information about the state of the environment (Article 42), as well as the corresponding duty of state authorities and local authorities, self-government to provide everyone with the opportunity to familiarize themselves with documents and materials directly affecting his rights and freedoms (Art. 24).

Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" in Art. 7 establishes the concept and legal basis of publicly available information. At the same time, the law does not indicate a list of information that should be publicly available in order to ensure the safety of the individual, society and the state. It seems that the legislative establishment of the range of such information will contribute to ensuring security at a higher level.

The Federal Law "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Technogenic Emergencies" [12] establishes the main provisions for informing and alerting the population about emergencies. In particular, the law stipulates that information about emergency situations is public and open, establishes the right of citizens to be informed about the risk that they may be exposed to in certain places of their stay in the country, and about the necessary security measures, and also regulates the promotion of knowledge in the field protection of the population and territories from emergencies.

Industry-specific Russian legislation also contains provisions on informing the population that are directly related to ensuring personal safety.

Thus, the Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" [13] refers to the powers of state authorities and local authorities to inform the population about the possibility of the spread of socially significant diseases and

diseases that pose a danger to others, about the threat and emergence of epidemics, and also enshrines among the patient's rights to receive information about his rights and obligations, his state of health and the choice of persons to whom information about his health can be transferred in the interests of the patient.

The RF Law "On Protection of Consumer Rights" [14] enshrines the consumer's right to necessary and reliable information about the manufacturer (performer, seller), as well as about goods (works, services). The federal law "On the quality and safety of food products" [15] provides for the consumer's right to complete and reliable information on the quality and safety of food products, materials and products.

The Federal Law "On Fire Safety" [16] contains provisions on fire propaganda and training in fire safety measures, which are subsequently implemented very widely.

The Federal Law "On Road Traffic Safety" [17] secures the right of road users to reliable information about safe traffic conditions. Further specification of the implementation of this right is established by the corresponding by-laws [18].

The Federal Law "On the Hydrometeorological Service" [19] establishes the legal definitions of information on the state of the environment, storm warning and storm warning.

By-laws, in turn, establish a system for informing the population about the threats of hazardous hydrometeorological phenomena [20].

It should be noted that in some regions of Russia SMS informing the population about the level of weather hazard is carried out. This issue became especially relevant after the hurricane in Moscow and the Moscow region of 2017, which killed 16 people, injured about 200 people, and also caused huge property damage [21]. At that time, there was no legal basis for full-fledged SMS informing, that is, the obligation of telecom operators was not established at the legislative level. Relevant amendments to the Federal Law "On Communications", obliging telecom operators to bring information to subscribers at the request of state authorities and local authorities, were adopted only on March 1, 2020 [22]. At the same time, the Resolution of the Government, which should approve the appropriate procedure, has not yet been adopted at the time of submitting the article to the editor. [23] It seems necessary with the widespread introduction of SMS informing that mobile operators should be oriented towards all subscribers located in the territory where there is a threat, and not towards those who are registered as subscribers in a particular constituent entity of the Russian Federation.

The above analysis of the legislative basis for informing the population and individuals in the context of ensuring personal safety does not claim to be comprehensive, given the limited scope of the article; only the basic legislative acts were presented. Such a volume of legislative regulation indicates that the system of legal regulation of informing the population aimed at ensuring the safety of the individual is very wide and varied, and the activities of the relevant authorities themselves are multifaceted, including a number of different kinds of measures (from controlling the correctness of the specified information on the product to establishing road signs).

Moreover, informing the population is sometimes only the final stage of a more complex process – monitoring, which includes collecting, systematizing, analyzing, processing information and other actions with it. Information about certain security threats is far from always on the surface. Often, before bringing information to the public, it must be obtained (possibly deciphered) and brought to the final state necessary for perception. An example is the problem of environmental monitoring [24].

Of interest is the legal basis for long-term informing the population about possible threats to security and the basis of safe behavior. Such information is distinguished by its

fundamental nature, social significance, from which follows the interest of the state and society in the quality of such information. This process can be considered one of the components of the formation of a culture of personal security [25, p. 34].

The following main areas of long-term informing the population about security threats and the basics of safe behavior can be identified.

1. Education.

The federal state educational standard for preschool education establishes as mandatory for the content of the program by an educational organization within the framework of social and communicative development "the formation of the foundations of safe behavior in everyday life, society, nature" [26].

At the same time, the educational program according to the new Russian educational tradition is formed by the educational organization itself, which can lead to different understanding of the formation of the foundations of safe behavior in a child. This can lead to differentiation from institution to institution in the depth of the acquired knowledge about security, in its volume, interactivity, etc. It should be noted that according to the recommendations of the Ministry of Emergencies of Russia, cartoons (including the cartoon "Spasik and his team") are included as the recommended list of audiovisual materials and electronic training courses for use in training the population in the field of civil defense and protection from emergencies [27]. It seems very appropriate to use cartoons about safety in preschool education to form images of safe behavior in a child.

Federal state educational standards of primary, secondary general and basic general education establish the need for students to acquire a system of knowledge about the basics of a safe lifestyle and a culture of life safety. At the same time, the documents consolidate the necessary minimum of knowledge and competencies that must be mastered when studying the basics of life safety.

Attention should be paid to the Concept of teaching the academic subject "Fundamentals of Life Safety" in educational institutions of the Russian Federation implementing basic general education programs, which was approved by the Decision of the Board of the Ministry of Education of Russia in 2018 [28]. The importance of the document is difficult to overestimate, since teaching the basics of life safety at school is designed to form the foundations of safe behavior, and a huge number of different security threats that students must be prepared for imposes serious requirements on the level of such teaching.

It is important to understand the direct relationship between legal culture and safety culture. Safety culture should be built, first of all, through the prism of legal culture. Without the proper level of legal awareness and legal culture, the formation of a safety culture is impossible. In this regard, the position of P.V. Molchanov, according to which "legal (emphasis mine – DI) education and legal (emphasis mine – DI) information in the field of road safety should be carried out on an ongoing basis from the school bench" [29, p. 67].

In this regard, we can conclude that informing about safe behavior and a broader process – the formation of a safety culture among students at school should take place not only within the framework of the life safety course, but also in social studies (jurisprudence), which is no less important. Only in the case of understanding the basics of law, knowledge of their rights and freedoms, as well as the ways of their implementation and protection, students can fully develop a culture of safety.

2. Obtaining a special right.

These include obtaining the right to drive a vehicle, the right to drive small boats, the right to keep and carry civilian weapons, and the like. Since the implementation of any spe-

cial right is in one way or another associated with threats of danger both for oneself and for others, a person undergoing training must have an idea of safety when using a special right, about possible threats, first aid rules, etc. These issues are also regulated by current legal regulations [30].

3. Briefing on labor protection in labor legal relations.

The right to safe working conditions in Russia is one of the constitutional human rights. At the same time, for its implementation, the employee must be informed about the features of safe work when performing his labor functions, which are carried out through instructing on labor protection. The issues of such briefings are regulated by labor legislation.

The conducted scientific analysis made it possible to conclude that the problem of informing the population in the context of ensuring personal safety is complex and multifaceted and requires further study both in the theory of law and in sectoral legal sciences, and in the framework of interdisciplinary research (together with psychologists, sociologists and other scientists) ...

Today, the issue of informing the population in the context of security is most in detail regulated in the legislation on emergency situations – only there this informing looks like a coherent legal structure. However, it is proposed, from the scientific and practical points of view, to consider such information from the point of view of a systems approach as an integral legal institution with inherent inter-wall connections. This should make it possible to identify shortcomings in the legal regulation of the information system, as well as to work out the issues of improving this system. The volume of the scientific article does not allow for a broader comprehensive scientific analysis of this legal phenomenon. It seems that it may well be comprehensively considered at the dissertation or monographic level.

We consider it necessary to develop and approve an appropriate strategic planning document (strategy, concept or doctrine), in which to outline goals, priorities, objectives, directions of state policy and other important indicators in the field of informing the population in the context of ensuring personal safety. Such a document will allow coordinating the efforts of state and local authorities, as well as civil society institutions to provide a person with the necessary information in a timely manner in order to ensure his safety.

Bibliographic list

1. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 08.06.2020) "On information, information technologies and information protection" // www.consultant.ru
2. Malinin VB Legal regulation of information // Leningrad legal journal. 2015. No. 3.
3. Norseeva M.E., Degtyareva A.V. The use of infographics in the system of informing the population in order to improve the process of forming a culture of life safety // Global and national strategies for managing the risks of disasters and natural disasters. XX International scientific and practical conference on the problems of protecting the population and territories from emergencies. Abstracts of reports. FGBU VNII GOChS (FC). M., 2015.
4. Durnev R.A. Informing and alerting the population in the interests of ensuring the safety of life: new information and telecommunication technologies // Civil security technologies. T. 5. 2008. No. 4.
5. Clinicer B. Explosion at the "Mayak": it was the "northern lights" // TASS. – 28 Sept. 2018. – Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/5131645>
6. Practical Action in Cities to Improve Preparedness for COVID-19 During and Beyond the Pandemic: An Interim Checklist for Local Governments. – Geneva: World Health Organization, 2020 (WHO / 2019-nCoV / ActionsforPreparedness / Checklist / 2020.1).
7. Rodkin M.V. the question of the statistics of the spread of the COVID-19 virus // Ural Geological Journal. 2020. No. 2.

Theory of State and Law

---

8. Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5485-1 (as amended on July 29, 2018) "On state secrets" // www.consultant.ru
9. Yablokov A.V. Habitat and human rights // *Journal of Russian law*. 1998. No. 4–5.
10. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 # 2124-1 (as amended on 01.03.2020) "On the Mass Media" // www.consultant.ru
11. Kulikova S.A. On the issue of the classification of harmful information in Russian legislation // *Information law*. 2015. No. 4.
12. Federal Law of 21.12.1994 No. 68-FZ (as amended on 23.06.2020) "On protection of the population and territories from natural and man-made emergencies" // www.consultant.ru
13. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended on 31.07.2020) "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation" // www.consultant.ru
14. Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 24.04.2020) "On protection of consumer rights" // www.consultant.ru
15. Federal Law dated 02.01.2000 No. 29-FZ (as amended on 13.07.2020) "On the quality and safety of food products" // www.consultant.ru
16. Federal Law of 21.12.1994 No. 69-FZ (as amended on 27.12.2019) "On fire safety" // www.consultant.ru
17. Federal Law of 10.12.1995 No. 196-FZ (as amended on 30.07.2019) "On road safety" // www.consultant.ru
18. Order of Rosavtdor dated April 18, 2018 No. 1234-r "On approval of the Regulations on the provision of information on the state of public highways of federal importance, road traffic accidents, emergency and emergency situations on them" // www.consultant.ru
19. Federal Law of 19.07.1998 No. 113-FZ (as amended of 03.08.2018) "On the Hydrometeorological Service" // www.consultant.ru
20. Order of Roshydromet dated 03.04.2019 No. 154 "On approval of the Regulation on the system of informing the population and other interested users about the threats of hazardous hydrometeorological phenomena on the territory of the Russian Federation using the information and telecommunication network "Internet" // www.consultant.ru
21. Borisov T. The Ministry of Emergency Situations explained how information was organized before the hurricane // *Rossiyskaya Gazeta*, 2017, May 31.
22. Federal Law dated 01.03.2020 No. 42-FZ "On Amendments to Article 35 of the Law of the Russian Federation" On Mass Media "and Article 66 of the Federal Law" On Communications "" // www.consultant.ru
23. Draft Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Procedure for Interaction of Federal Executive Bodies, Executive Bodies of Subjects of the Russian Federation, Local Self-Government Bodies with Telecommunications Operators and the Transmission of Warning Signals and (or) Emergency Information the need for protection measures ... "(as of 21.08.2020). Prepared by the Ministry of Telecom and Mass Communications of the Russian Federation, project ID 02/07 / 03-20 / 00100016) // www.consultant.ru
24. Sataeva T.Yu. Formation and development of legal regulation of the organization and implementation of state environmental monitoring in Russia // *Journal of Russian law*. 2020. No. 6.
25. Lukyanovich A.V., Ivanova M.A., Kudryavtsev V.A. On the need to develop national standards in the field of forming a culture of life safety // *Civil security technologies*. 2013. T. 10. No. 1.
26. Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1155 of October 17, 2013 (as amended on January 21, 2019) "On approval of the federal state educational standard for preschool education" // www.consultant.ru
27. Letter of the EMERCOM of Russia dated February 27, 2020 No. 11-7-604 "On the approximate procedure for determining the composition of the training and material base" // www.consultant.ru
28. The concept of teaching the academic subject "Fundamentals of Life Safety" (approved by the Decision of the Board of the Ministry of Education of Russia, minutes of 24.12.2018 No. PK-1vn) // www.consultant.ru

29. P. Molchanov Prevention of offenses in the field of road traffic // Administrative law and process. 2019. No. 5.

30. Decree of the Government of the Russian Federation of October 24, 2014 No. 1097 (as amended on December 20, 2019) "On admission to driving vehicles" // www.consultant.ru

31. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37.

For citation: Iroshnikov D.V. Informing and personal safety: theoretical and legal aspect // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 92–100. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.006

РЕАЛИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОМ БЛОКЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

***Аннотация:** В статье приводятся промежуточные результаты исследования вопросов реализации юридической ответственности. Сформулированы подходы к пониманию механизма правового регулирования и его содержания. Установлены закономерности взаимодействий между правовыми средствами в процессе реализации юридической ответственности. Предложена общетеоретическая модель реализации юридической ответственности в правоохранительном блоке механизма правового регулирования. Проанализированы проблемные ситуации, при которых нарушаются принципы юридической ответственности и разрушаются системные связи между правовыми средствами.*

***Ключевые слова:** правовое регулирование, механизм правового регулирования, правовые средства, юридическая ответственность, реализация юридической ответственности.*

Механизм правового регулирования в самом общем значении представляет собой совокупность правовых средств, участвующих в процессе упорядочения общественных отношений. С.А. Комаров более категоричен, считая, что «под правовым регулированием общественных отношений понимается лишь одна из форм воздействия права на общественные отношения – воздействие при помощи специфических правовых средств: норм права, правоотношений, актов реализации» [19, с. 465]. Будучи регулятивными по природе, некоторые правовые средства выполняют также и охранительные функции, составляя, тем самым «правоохранительный блок механизма правового регулирования».

В своей предшествующей публикации нами были рассмотрены основные вопросы реализации юридической ответственности за правонарушение [1]. Основным предметом настоящего исследования станет «инструментальная» характеристика динамики юридической ответственности – системы правовых средств, обеспечивающих реализацию юридической ответственности в правоохранительном блоке механизма правового регулирования.

Д. А. Никитин, Б. П. Козаченко, А. В. Агаджанян полагают, что природу любого механизма «составляет взятая в единстве система явлений (состояний, процессов и т.д.), построенная по определенной схеме, определяющая эффективный порядок деятельности (функционирования)» [5, с. 75]. А. И. Егошина и Н. А. Сидоркина обоснованно усматривают в правовом регулировании ответственности форму управленческого воздействия на поведение субъектов при помощи разнообразных гражданско-правовых средств. Совокупность соответствующих средств воспринимается в качестве определенного механизма [2, с. 96]. А. А. Абрамова убеждена, что механизм пра-

---

* *Кузьмин Игорь Александрович*, доцент кафедры конституционного права Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: grafik-87@mail.ru

** *Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».*

вового регулирования – это функционирующая в виде процедурного процесса система [6, с. 16].

С. М. Медведев и А. И. Числов под юридической ответственностью понимают форму реализации охранительной функции права, место и роль которой в механизме правового регулирования можно уяснить только после понимания сущности этого правового явления [3, с. 37, 40]. Иллюстрацией данного тезиса служит исследование М. А. Капустиной, обозначившей намерение исследовать проблематику юридической ответственности «в системе средств правового регулирования», однако не сумевшей уйти дальше нормативного понимания ответственности в качестве межотраслевого института права [4, с. 52–60]. Значение ответственности в правовом регулировании, по нашему мнению, предопределяется не только общим действием правовых норм, содержащих меры ответственности, но и их реализацией в конкретных правоотношениях.

Сказанное означает, что механизм правового регулирования может рассматриваться в статике (система правовых средств) и в динамике (процесс функционирования правовых средств и сопутствующие ему условия/факторы). Оценивая правоохранительный блок механизма правового регулирования и место юридической ответственности в его структуре, важно принимать во внимание и правовые средства как таковые, и особенности их действия в соответствующем правовом ракурсе. При этом мы не считаем возможным включать в содержание механизма правового регулирования правотворческую деятельность [10, с. 59], поскольку на данном этапе правовые установления еще не вступили в силу и упорядочивающее воздействие не оказывают.

Размышления о заявленном предмете исследования находятся в прямой зависимости от ряда закономерностей:

- 1) юридическая ответственность развивается в соответствии с общей схемой правового регулирования: от объективного права к субъективному;
- 2) реализация юридической ответственности обладает спецификой, в зависимости от собственной добровольной или государственно-принудительной формы;
- 3) содержательная часть динамики юридической ответственности зависит от правовых средств, вовлеченных в процесс ее осуществления;
- 4) в развитии юридической ответственности важно сочетание материально-правового и процессуального регулирования;
- 5) в зависимости от видов и типов юридической ответственности (прежде всего по отраслевому критерию) различаются особенности их возложения.

Важно понимать, что юридическая ответственность, как и большая часть иных правовых явлений, обнаруживает себя на уровне общих правоотношений и реализуется в конкретных правоотношениях. Так, на нормативном уровне правового регулирования юридическая ответственность предстает как институт права, охватывающий систему нормы, содержащих правонарушения (гипотезы норм) и наказания за их совершения (санкции норм). На индивидуальном уровне правового регулирования содержание ответственности составляет обязанность определенного правонарушителя претерпеть наказание.

Основные правовые средства, участвующие в процессе реализации юридической ответственности, необходимы на каждой из стадий процесса правового регулирования. К ним относятся: нормы права, правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей, а также акты применения права. Нормы права игра-

ют в процессе реализации юридической ответственности определяющую роль, поскольку закрепляют меры ответственности, составы противоправных деяний, за которые предусмотрены наказания, смягчающие и отягчающие обстоятельства и процедуры возложения ответственности. Правоотношения – это, своего рода, оболочка, в которой находится и развивается юридическая ответственность. Так, в общих правоотношениях закрепляется юридическая ответственность в объективном смысле, представляющая собой меры государственного принуждения в виде лишений, которые потенциально могут быть применены к нарушителям. В конкретных правоотношениях юридическая ответственность непосредственно связана с личностью правонарушителя и реализацией процедуры ее возложения и претерпевания (юридическая ответственность в субъективном смысле).

Отдельные исследователи, с учетом тесной связи ответственности и правоотношения, ставят между ними знак равенства [12, с. 12]. Акты реализации субъективных прав и обязанностей актуальны для реализации юридической ответственности в субъективном смысле, когда правонарушитель своими осознанными действиями выполняет обязанность претерпеть наказание (уплачивает штраф, воздерживается от запрещенной деятельности и пр.). В свою очередь правонарушитель может воспользоваться и отдельными правами, связанными с ответственностью, например, обращается в правоприменительный орган с просьбой отсрочить или рассрочить исполнение решения о возложении ответственности. Акты применения права сопровождают процесс возложения юридической ответственности, начиная от фиксации уполномоченным органом оснований, указывающих на наличие правонарушения и заканчивая актом, обозначающим завершение процесса претерпевания наказания.

Вспомогательные правовые средства тесно примыкают к основным средствам и являются обслуживающими для реализации юридической ответственности. Так, источники права содержат нормы юридической ответственности, правосознание правонарушителей и правоприменителей определяет мотивы и цели их правового поведения, юридические факты могут выступать в виде правонарушений или иных обстоятельств влияющих на реализацию ответственности. Акт толкования права разъясняют субъектам права особенности реализации ответственности. Правовыми принципами, как особыми правовыми средствами, пронизана любая юридическая деятельность, включая и возложение ответственности.

Обусловленность эффективности юридической ответственности ее многочисленными связями с различными правовыми средствами осознает и Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в постановлении от 22.07.2020 г. № 38-П [7] орган высшего конституционного контроля установил, что к качеству законов, предусматривающих меры юридической ответственности за правонарушения, должны предъявляться особые требования, так как они затрагивают важнейшие конституционные ценности. При таком подходе Конституция Российской Федерации позволяет законодателю предусматривать ответственность исключительно при соблюдении правил законодательного усмотрения, очерченные критериями справедливости и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям.

В другом своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации признал штрафной характер публично-правовой ответственности и указал на обязанность федерального законодателя четко формулировать основания, условия и сроки привлечения к юридической ответственности, включая составы правонаруше-

ний, которые должны согласовываться с конституционными принципами демократического государства, в том числе правовой определенностью, соразмерностью, справедливостью и виновностью [8]. Участие Конституционного Суда Российской Федерации в формировании системы юридической ответственности можно проследить по результатам исследования Д. А. Липинского и А. Н. Станкина [11, с. 50–60].

Вышеизложенное означает, что рассматривать юридическую ответственность как термин и как правовое явление вне связей с иными правовыми средствами невозможно [9, с. 18–24].

Общетеоретическая модель реализации юридической ответственности в правоохранительном блоке механизма правового регулирования может быть представлена в виде нескольких взаимосвязанных между собой стадий:

- материально-правовые нормы юридической ответственности и процессуальные (процедурные) нормы, позволяющие реализовать первые, вступают в юридическую силу и распространяют свое действие на неопределенный круг лиц и правоотношений;

- акты нормативного толкования права, ставшие результатом проявления правосознания уполномоченных субъектов, разъясняют особенности содержания и применения отдельных мер юридической ответственности;

- юридический факт противоправного деяния влечет возникновение у правонарушителя обязанности претерпеть наказание, переводит юридическую ответственность на уровень субъективного права;

- акт применения права фиксирует совершенное противоправное деяние и образует процессуальное правоотношение ответственности, нацеленное на конкретизацию обязанности правонарушителя претерпеть наказание;

- развитие процессуального правоотношения ответственности происходит благодаря постоянно выносимым (совершаемым) процессуальным актам реализации и применения права;

- вынесение итогового акта применения права (исходя из особенностей правосознания правоприменителя согласно казуальному толкованию права), индивидуализирует вид и меру ответственности для правонарушителя, фиксирует возникновение материально-правового отношения ответственности;

- правонарушитель исполняет (соблюдает) обязанность, лежащую в основе назначенной меры ответственности, пользуется предоставленными ему правами;

- правоприменительный орган фиксирует в акте применения права окончание процесса претерпевания ответственности.

Стройная и прочная на первый взгляд конструкция системы правовых средств, участвующих в процессе реализации юридической ответственности, порой «разлетается» на практике как картонный домик. Связи между правовыми средствами рвутся, уступая место злонамеренному или некомпетентному поведению участников правоотношений юридической ответственности, несовершенству законодательных конструкций. При этом, как правило, нарушаются базовые принципы юридической ответственности. Рассмотрим типичные ситуации подобного рода.

Во-первых, несоответствие норм юридической ответственности действительным потребностям государства, общества и личности в охране. Так, правосознание общества и отдельной личности формируется на основе восприятия окружающей государственно-правовой действительности через призму моральных, обычных,

корпоративных, религиозных и иных устоев и убеждений. Это означает, что закрепленная в нормах права юридическая ответственность должна восприниматься как разумная и достаточная мера, восстанавливающая правопорядок. Ответственность, по верному замечанию профессора Университета Мюнстера Нильса Янсена, должна быть обоснована юридическими аргументами, что не исключает потребности обеспечить равенство защиты основных прав любых субъектов. Ответственность ошибочно сводить лишь к средству обеспечения обязанностей, ее идея заключается в том, чтобы стать эффективным средством сдерживания, но лишь при условии, что граждане будут способны перевести ее в плоскость морали [13, с. 31–32]. В определенном смысле, речь здесь идет о противоречиях между общественным правосознанием и правосознанием законодателя, выразившемся в нарушении принципов справедливости, целесообразности, гуманизма и соразмерности.

Во-вторых, нарушение связи между правонарушением и реакцией со стороны уполномоченных органов. В частности, это может означать, что значительная часть правонарушений, за которые предусмотрена юридическая ответственность, остаются не выявленными. Так, еще в 1996 г. В. В. Лунеев отмечал, что соотношение фактических и регистрируемых преступлений, связанных с коррупцией и хищениями государственного имущества, на момент публикации было равно, приблизительно, один к тысяче (1:1000). В основной учет органов внутренних дел входят показатели «преступности бедности» – маргиналов и низкоадаптивных субъектов, а «самая опасная "преступность богатства, власти и интеллекта" в бухгалтерию МВД, как правило, не попадает» [14]. Такое положение вещей минимизирует действие принципов неотвратимости и индивидуализации ответственности.

В-третьих, разрывы связей внутри системы процессуальных правоотношений, обеспечивающих реализацию юридической ответственности. Обозначенный блок правоприменительных проблем заметно преобладает над остальными. Важно понять, что процессуальные правоотношения опосредуют осуществление (материализацию) ответственности на различных ее стадиях. Любые процессуальные «дефекты» или «непреодолимые процессуальные обстоятельства» могут существенно увеличить время рассмотрения дела, необоснованно повлиять на снижение санкции или вовсе – позволить правонарушителю уйти от заслуженного наказания, либо привести к возложению санкции на невиновное лицо. Так, небрежно составленные акты, фиксирующие правонарушение (например, протокол по делу об административном правонарушении), могут быть обжалованы в суде по формальным основаниям и повлечь неизбежное прекращение юридического дела.

Результаты проведенной прокурором проверки, решение о которой было составлено с отступлением от норм закона, могут быть отвергнуты субъектом правоприменения, выносящим решение. Злонамеренные действия ответчика, затягивающего гражданский (арбитражный) процесс для уменьшения имущественной массы должника, зачастую влекут невозможность исполнения судебного решения. Понуждение невиновного в совершении преступления подсудимого признать свою вину и согласиться на особый порядок судебного разбирательства свидетельствует о возложении наказания на лицо при отсутствии законного основания.

Подобные случаи вскрывают массовые нарушения принципов законности, ответственности за вину, неотвратимости и оперативности. Очевидно, что в таких условиях возникает необходимость в механизме процессуальной ответственности, охраняющей законную процедуру правоприменительной деятельности [15, с. 10].

К примеру, гл. 19 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3 [16] объединяет положения, относящиеся к гражданской процессуальной ответственности, и носит аналогичное название. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV предусматривает такую меру уголовно-процессуальной ответственности как судебный штраф (ст. 201) [17].

В-четвертых, разрывы между итоговыми актами применения права и последующими правоприменительными актами, а также актами реализации прав и обязанностей. Проблема здесь заключается в том, что обязанность претерпеть наказание не всегда реализуется должным образом. Так, Е. Е. Колпакова небезосновательно замечает, что реализация мер юридической ответственности в отношении публично-правовых образований должна быть жестко привязана к принципу законности, поскольку данные субъекты обладают административным ресурсом и «могут злоупотреблять своим положением, чтобы избежать восстановления нарушенных ими прав физических и юридических лиц» [18, с. 119]. Отсутствие контроля исполнения наказания также относится к факторам, провоцирующим нарушителей на совершение новых противоправных деяний (например, когда лицо, лишенное водительских прав, продолжает управлять автомобилем, создавая угрозу другим участникам дорожного движения). В средствах массовой информации часто транслируются материалы о «привилегированных» осужденных, которым в местах лишения свободы создаются условия повышенной комфортности. Возможны и иные схожие ситуации, указывающие на нарушения принципов законности и справедливости ответственности.

Определенной спецификой обладает добровольная форма реализации юридической ответственности, характерная для частноправовых отношений и взаимодействующая со своим «набором» правовых средств и нуждающаяся в самостоятельном исследовании.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, механизм правового регулирования – комплексная правовая категория, которую следует рассматривать как совокупность правовых средств, участвующих в правовом регулировании (статика), и как процесс их действия (динамика).

Во-вторых, юридическая ответственность и ее реализация занимают свое место в правоохранительном блоке механизма правового регулирования и тесно связаны с основными и вспомогательными правовыми средствами, а также стадиями. Юридическая ответственность, будучи сложным правовым средством, последовательно реализуется через охранительные правовые средства.

В-третьих, эффективность реализации юридической ответственности находится в прямой зависимости от качества взаимодействия последней с иными правовыми средствами, что подтверждается правоприменительной практикой и анализом законодательных положений.

В-четвертых, единое понимание конструкции системы правовых средств, участвующих в процессе реализации ответственности, позволяет выявлять, правильно квалифицировать и прогнозировать характерные для практики нарушения взаимодействий между конкретными правовыми средствами. Своеобразным мериллом подобных ситуаций могут послужить основные принципы юридической ответственности.

Библиографический список

1. Кузьмин И. А. Реализация юридической ответственности за правонарушение // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 2. – С. 16–23.
2. Егошин А. И., Сидоркина Н. А. Определение юридической природы механизма правового регулирования имущественной ответственности за нарушение обязательств // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2009. – № 2. – С. 96–103.
3. Медведев С. М., Числов А. И. Юридическая ответственности в механизме правового регулирования: роли и место // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 37–46.
4. Капустина М. А. Институт юридической ответственности как элемент системы правового регулирования // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 9. – С. 52–62.
5. Никитин Д. А., Козаченко Б. П., Агаджанян А. В. К вопросу о соотношении механизма правового регулирования и механизма процессуально-правового регулирования // Теория государства и права. – 2019. – № 2. – С. 74–78.
6. Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Красноярск, 2006. – 188 с.
7. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А.Литвинова : постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П // Российская газета, 2020, 31 июля.
8. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года N 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области: постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2016 г. № 2-П // Российская газета, 2016, 3 февраля.
9. Кузьмин И. А. Теоретико-методологические особенности взаимодействия юридической ответственности с иными правовыми явлениями // Юридический вестник ДГУ. – Т. 30. – 2019. – № 2. – С. 18–25.
10. Гавриков В. П. Механизм правового регулирования: новое прочтение // Современное общество и власть. – 2015. – № 1. – С. 57–61.
11. Липинский Д. А., Станкин А. Н. О роли решений Конституционного Суда в формировании системы конституционной ответственности // Юридические исследования. – 2016. – № 10. – С. 50–62.
12. Сунцова Е. А. Нетрадиционные виды юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – 229 с.
13. Jansen N. The Idea of Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. – 2013. – № 34. – Pp. 221–252.
14. Лунеев В. В. Калькулятор для правоохранителей – предмет первой необходимости // Общая гаета, 1996, 14–20 марта.
15. Павликов С. Г., Свирин Ю. А., Левина Ю. В. Исполнительная процессуальная форма (право): теоретико-правовые аспекты // Государство и право. – 2012. – № 5. – С. 5–11.
16. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/> (дата обращения: 25.07.2020 г.).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV // Официальный монитор Республики Молдова. – 2003. – № 104–110. – С. 447.
18. Колпакова Е. Е. Влияние принципа законности на процесс реализации юридической ответственности публично-правовых образований // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – № 2. – С. 115–121.

19. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Для цитирования: Кузьмин И.А. Реализация юридической ответственности в правоохранительном блоке механизма правового регулирования // Теория государства и права. 2020. № 4 (20). С. 101–108. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.017

Igor A. Kuzmin*

IMPLEMENTATION OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE LAW ENFORCEMENT BLOCK OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Annotation: *The article presents the interim results of research on the realization of legal liability. Approaches to understanding the mechanism of legal regulation and its content are formulated. The patterns of interactions between legal remedies in the process of realization legal liability have been established. A general theoretical model of the realization of legal liability in the law enforcement block of the mechanism of legal regulation is proposed. The author analyzed problematic situations in which the principles of legal liability are violated, and the cases in which the systemic connections between legal remedies are destroyed.*

Key words: *legal regulation, mechanism of legal regulation, legal remedies, legal liability, realization of legal liability.*

The mechanism of legal regulation in its most general meaning is a set of legal means involved in the process of ordering social relations. S.A. Komarov is more categorical, believing that "under the legal regulation of public relations is understood only one of the forms of influence of the law on public relations – the impact through specific legal means: the rule of law, legal relations, acts of implementation" [19, p. 465]. Regulatory in nature, some legal instruments also perform protective functions, thus constituting the "law enforcement unit of the legal regulation mechanism".

In our previous publication, we examined the main issues of the implementation of legal responsibility for an offense [1]. The main subject of this study will be the "instrumental" characteristic of the dynamics of legal responsibility – a system of legal means that ensure the implementation of legal responsibility in the law enforcement block of the legal regulation mechanism.

D. A. Nikitin, B. P. Kozachenko, A. V. Agadzhanyan believe that the nature of any mechanism "is a system of phenomena (states, processes, etc.) taken in unity, built according to a certain scheme, which determines the effective order of activity (functioning)" [5, p. 75]. A. I. Egoshina and N. A. Sidorkina reasonably see in the legal regulation of responsibility a form of managerial influence on the behavior of subjects using a variety of civil legal means. The set of appropriate means is perceived as a specific mechanism [2, p. 96]. A.A. Abramova is convinced that the mechanism of legal regulation is a system functioning in the form of a procedural process [6, p. sixteen].

---

* **Kuzmin Igor Aleksandrovich**, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: grafik-87@mail.ru

SM Medvedev and A.I. Chislov understand legal responsibility as a form of implementation of the protective function of law, the place and role of which in the mechanism of legal regulation can be understood only after understanding the essence of this legal phenomenon [3, p. 37, 40]. An illustration of this thesis is the study of M.A. Kapustina, who indicated the intention to explore the problem of legal responsibility “in the system of legal regulation means”, but failed to go beyond the normative understanding of responsibility as an intersectoral institution of law [4, p. 52–60]. The importance of responsibility in legal regulation, in our opinion, is predetermined not only by the general action of legal norms containing measures of responsibility, but also by their implementation in specific legal relations.

The foregoing means that the mechanism of legal regulation can be considered statically (the system of legal means) and in dynamics (the process of functioning of legal means and the accompanying conditions / factors). When assessing the law enforcement block of the legal regulation mechanism and the place of legal responsibility in its structure, it is important to take into account both legal means as such, and the peculiarities of their action in the appropriate legal perspective. At the same time, we do not consider it possible to include law-making activities in the content of the mechanism of legal regulation [10, p. 59], since at this stage the legal regulations have not yet entered into force and do not have an orderly effect.

Reflections on the declared subject of research are in direct proportion to a number of patterns:

- 1) legal responsibility develops in accordance with the general scheme of legal regulation: from objective to subjective law;
- 2) the implementation of legal responsibility is specific, depending on its own voluntary or state-compulsory form;
- 3) the substantive part of the dynamics of legal responsibility depends on the legal means involved in the process of its implementation;
- 4) in the development of legal responsibility, it is important to combine substantive and procedural regulation;
- 5) depending on the types and types of legal liability (primarily by industry criterion), the features of their assignment differ.

It is important to understand that legal responsibility, like most other legal phenomena, reveals itself at the level of general legal relations and is implemented in specific legal relations. So, at the normative level of legal regulation, legal responsibility appears as an institution of law, covering a system of norms containing offenses (hypotheses of norms) and punishment for their commission (sanctions of norms). At the individual level of legal regulation, the content of responsibility is the obligation of a certain offender to undergo punishment.

The main legal means involved in the implementation of legal responsibility are required at each stage of the legal regulation process. These include: norms of law, legal relations, acts of realization of subjective rights and obligations, as well as acts of application of law. The norms of law play a decisive role in the implementation of legal responsibility, since they fix the measures of responsibility, the compositions of unlawful acts for which punishments, mitigating and aggravating circumstances and procedures for imposing responsibility are provided. Legal relations are a kind of shell in which legal responsibility is located and develops. So, in general legal relations, legal responsibility is enshrined in an objective sense, which is a measure of state coercion in the form of deprivation that can po-

tentially be applied to violators. In specific legal relations, legal responsibility is directly related to the personality of the offender and the implementation of the procedure for imposing and enduring it (legal responsibility in the subjective sense).

Some researchers, taking into account the close connection between responsibility and legal relationship, put an equal sign between them [12, p. 12]. Acts of realization of subjective rights and obligations are relevant for the implementation of legal responsibility in the subjective sense, when the offender, by his conscious actions, fulfills the obligation to endure punishment (pays a fine, refrains from prohibited activities, etc.). In turn, the offender can also take advantage of certain rights related to liability, for example, applies to the law enforcement agency with a request to postpone or defer the execution of the decision to impose liability. Acts of application of law accompany the process of imposing legal responsibility, starting from the fixation by the authorized body of grounds indicating the existence of an offense and ending with an act indicating the completion of the process of undergoing punishment.

Ancillary legal means are closely related to fixed assets and are serving for the implementation of legal responsibility. So, the sources of law contain norms of legal responsibility, the legal consciousness of offenders and law enforcers determines the motives and goals of their legal behavior and legal facts can act in the form of offenses or other circumstances affecting the implementation of responsibility. The act of interpretation of law explains to the subjects of law the peculiarities of the implementation of responsibility. Legal principles, as special legal means, permeate any legal activity, including the assignment of responsibility.

The Constitutional Court of the Russian Federation is also aware of the fact that the effectiveness of legal responsibility is conditioned by its numerous connections with various legal means. So, in the resolution of 22.07.2020, No. 38-P [7], the body of supreme constitutional control established that special requirements should be imposed on the quality of laws providing for measures of legal responsibility for offenses, since they affect the most important constitutional values. With this approach, the Constitution of the Russian Federation allows the legislator to provide for liability solely subject to the rules of legislative discretion, outlined by the criteria of justice and proportionality of the measures introduced to constitutionally significant goals.

In another of its ruling, the Constitutional Court of the Russian Federation recognized the penal nature of public legal responsibility and pointed out the obligation of the federal legislator to clearly formulate the grounds, conditions and terms of bringing to legal responsibility, including the *corpus delicti*, which must be consistent with the constitutional principles of a democratic state, including legal certainty, proportionality, fairness and guilt [8]. The participation of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of the system of legal responsibility can be traced according to the results of research by D. A. Lipinsky and A. N. Stankin [11, p. 50–60].

The foregoing means that it is impossible to consider legal responsibility as a term and as a legal phenomenon without ties with other legal means [9, p. 18–24].

The general theoretical model of the implementation of legal responsibility in the law enforcement block of the legal regulation mechanism can be presented in the form of several interconnected stages:

– Substantive legal norms of legal responsibility and procedural (procedural) norms that allow the former to be implemented, enter into legal force and extend their effect to an indefinite circle of persons and legal relations;

Theory of State and Law

- acts of normative interpretation of law, resulting from the manifestation of legal awareness of authorized entities, clarify the features of the content and application of certain measures of legal responsibility;
- the legal fact of an unlawful act entails the offender's obligation to undergo punishment, transfers legal responsibility to the level of subjective law;
- the act of application of the law fixes the committed unlawful act and forms a procedural legal relationship of responsibility aimed at specifying the offender's obligation to undergo punishment;
- the development of the procedural legal relationship of responsibility occurs due to the constantly made (performed) procedural acts of the implementation and application of law;
- the issuance of the final act of the application of law (based on the peculiarities of the legal consciousness of the law enforcement officer according to the casual interpretation of law), individualizes the type and measure of responsibility for the offender, fixes the emergence of a substantive relationship of responsibility;
- the offender performs (observes) the obligation underlying the assigned measure of responsibility, enjoys the rights granted to him;
- the law enforcement body records in the act of application of law the end of the process of incurring responsibility.

A slender and solid, at first glance, structure of the system of legal means involved in the process of implementing legal responsibility, sometimes "scatters" in practice like a house of cards. The links between legal means are severed, giving way to malicious or incompetent behavior of participants in legal relations of legal responsibility, imperfection of legislative structures. In this case, as a rule, the basic principles of legal responsibility are violated. Let's consider typical situations of this kind.

First, the discrepancy between the norms of legal responsibility and the actual needs of the state, society and the individual for protection. So, the legal consciousness of society and an individual is formed on the basis of the perception of the surrounding state and legal reality through the prism of moral, ordinary, corporate, religious and other foundations and beliefs. This means that the legal responsibility enshrined in the norms of law should be perceived as a reasonable and sufficient measure to restore law and order. Responsibility, according to the correct remark of Professor of the University of Münster Niels Jansen, must be justified by legal arguments, which does not exclude the need to ensure the equality of protection of the fundamental rights of any subjects. Responsibility is erroneously reduced only to a means of ensuring responsibilities, its idea is to become an effective deterrent, but only on the condition that citizens are able to translate it into the plane of morality [13, p. 31–32]. In a sense, we are talking here about the contradictions between the public legal consciousness and the legal consciousness of the legislator, expressed in the violation of the principles of justice, expediency, humanism and proportionality.

Secondly, the violation of the connection between the offense and the reaction on the part of the authorized bodies. In particular, this may mean that a significant part of the offenses for which legal liability is provided remain undetected. So, back in 1996 V.V. Luneev noted that the ratio of actual and registered crimes related to corruption and embezzlement of state property, at the time of publication was approximately one to a thousand (1: 1000). The main accounting of the internal affairs bodies includes indicators of "poverty criminality" – marginalized and low-adaptive subjects, and "the most dangerous" crime of wealth, power and intellect", as a rule, does not fall into the accounting department of the

Ministry of Internal Affairs" [14]. This state of affairs minimizes the effect of the principles of inevitability and individualization of responsibility.

Third, the breaks of ties within the system of procedural legal relations that ensure the implementation of legal responsibility. The designated block of law enforcement problems noticeably prevails over the rest. It is important to understand that procedural legal relations mediate the implementation (materialization) of responsibility at its various stages. Any procedural "defects" or "insurmountable procedural circumstances" can significantly increase the time for consideration of the case, unreasonably affect the reduction of the sanction, or even allow the offender to escape the deserved punishment, or lead to the imposition of a sanction on an innocent person. So, carelessly drawn up acts fixing an offense (for example, a protocol on a case on an administrative offense) can be appealed in court on formal grounds and entail the inevitable termination of a legal case.

The results of the inspection carried out by the prosecutor, the decision on which was drawn up with a deviation from the norms of the law, may be rejected by the subject of law enforcement making the decision. Malicious actions of the defendant, delaying the civil (arbitration) process to reduce the property mass of the debtor, often entail the impossibility of enforcing the judgment. Forcing the defendant innocent of committing a crime to admit his guilt and agree to a special procedure for the trial indicates the imposition of punishment on the person in the absence of a legal basis.

Such cases reveal massive violations of the principles of legality, responsibility for guilt, inevitability and promptness. Obviously, in such conditions there is a need for a mechanism of procedural responsibility that protects the legal procedure of law enforcement [15, p. ten]. For example, Ch. 19 of the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus of January 11, 1999 No. 238-3 [16] combines the provisions related to civil procedural responsibility, and bears the same name. The Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova of March 14, 2003 No. 122-XV provides for such a measure of criminal procedural responsibility as a court fine (Article 201) [17].

Fourth, the gaps between the final acts of the application of law and subsequent law enforcement acts, as well as acts of exercising rights and obligations. The problem here is that the obligation to endure punishment is not always properly exercised. For example, E. E. Kolpakova notes with good reason that the implementation of measures of legal responsibility in relation to public law entities should be rigidly tied to the principle of legality, since these subjects have administrative resources and "can abuse their position in order to avoid the restoration of the violated rights of physical and legal entities" [18, p. 119]. Lack of control over the execution of punishment also refers to factors that provoke violators to commit new illegal acts (for example, when a person deprived of a driver's license continues to drive a car, posing a threat to other road users). The mass media often broadcast materials about "privileged" convicts, for whom conditions of increased comfort are created in places of detention. Other similar situations are possible, indicating violations of the principles of legality and fairness of responsibility.

The voluntary form of implementation of legal responsibility, characteristic of private-law relations and interacting with its own "set" of legal means and requiring independent research, has certain specificity.

So, we come to the following conclusions.

Firstly, the mechanism of legal regulation is a complex legal category, which should be considered as a set of legal means involved in legal regulation (statics), and as a process of their action (dynamics).

Secondly, legal responsibility and its implementation take their place in the law enforcement block of the legal regulation mechanism and are closely related to the main and auxiliary legal means, as well as stages. Legal liability, being a complex legal means, is consistently implemented through protective legal means.

Thirdly, the effectiveness of the implementation of legal responsibility is directly dependent on the quality of interaction of the latter with other legal means, which is confirmed by law enforcement practice and analysis of legislative provisions.

Fourth, a unified understanding of the structure of the system of legal means involved in the process of implementing responsibility allows us to identify, correctly qualify and predict violations of interactions between specific legal means typical for practice. The basic principles of legal responsibility can serve as a kind of measure for such situations.

Bibliographic list

1. Kuzmin I. A. Implementation of legal responsibility for an offense // Siberian legal bulletin. 2020. No. 2. P. 16–23.
2. Egoshin A.I., Sidorkina N.A. Determination of the legal nature of the mechanism of legal regulation of property liability for violation of obligations // Bulletin of the Cheboksark Cooperative Institute. 2009. No. 2. P. 96–103.
3. Medvedev S.M., Chislov A.I. Legal responsibility in the mechanism of legal regulation: roles and place // Legal science: history and modernity. 2013. No. 9. P. 37–46.
4. Kapustina M.A. Institute of legal responsibility as an element of the legal regulation system // Questions of Russian and international law. 2016. No. 9. P. 52–62.
5. Nikitin D.A., Kozachenko B.P., Agadzhanyan A.V. To the question of the relationship between the mechanism of legal regulation and the mechanism of procedural legal regulation // Theory of state and law. 2019. No. 2. P. 74–78.
6. Abramova A.A. Effectiveness of the legal regulation mechanism: dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01. Krasnoyarsk, 2006. 188 p.
7. In the case of checking the constitutionality of part three of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Litvinov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 22, 2020 No. 38-P // Russian newspaper, 2020, July 31.
8. In the case of checking the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 22 and paragraph 24 of Article 5 of the Federal Law of June 28, 2014 N 188-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Compulsory Social Insurance" in connection with the requests of the Arbitration the court of the city of Moscow and the Arbitration court of the Penza region: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 19, 2016 No. 2-P // Russian newspaper, 2016, February 3.
9. Kuzmin I.A. Theoretical and methodological features of the interaction of legal responsibility with other legal phenomena // Legal Bulletin of the DSU. T. 30. 2019. No. 2. P. 18–25.
10. Gavrikov V.P. The mechanism of legal regulation: a new reading // Modern society and power. 2015. No. 1. P. 57–61.
11. Lipinsky D.A., Stankin A.N. On the role of decisions of the Constitutional Court in the formation of a system of constitutional responsibility // Legal research. 2016. No. 10. P. 50–62.
12. Suntsova E.A. Non-traditional types of legal responsibility: dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01. Moscow, 2005. 229 p.
13. Jansen N. The Idea of Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. 2013. No. 34. Pp. 221–252.
14. Lunev V. V. Calculator for law enforcers – the first necessity // General Gazeta, 1996, March 14–20.
15. Pavlikov S.G., Svirin Yu. A., Levina Yu. V. Executive procedural form (law): theoretical and legal aspects // State and law. 2012. No. 5. P. 5–11.

16. The Civil Procedure Code of the Republic of Belarus dated January 11, 1999 No. 238-3 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus // URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/> (date of access: 25.07.2020).

17. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova dated March 14, 2003 No. 122-XV // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2003. No. 104–110. P. 447.

18. Kolpakova E.E. Influence of the principle of legality on the process of implementation of legal responsibility of public law entities // Bulletin of the Samara State University of Economics. 2014. No. 2. P. 115–121.

19. Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for universities / S.A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

For citation: Kuzmin I.A. Implementation of legal responsibility in the law enforcement block of the mechanism of legal regulation // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 108–114. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.017

ЦИФРОВИЗАЦИЯ – НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРАВЕ И НОВЫЕ УГРОЗЫ***

***Аннотация.** Современный период развития российского общества характеризуется укоренным развитием цифровизации, которая позволяет повысить эффективность производства и улучшить качество жизни населения страны. Вместе с тем интенсивное внедрение информационно-телекоммуникационные технологии и, в частности, искусственного интеллекта влечет не только благо, но и новые вызовы, риски, угрозы для общества. Авторы видят их минимизацию в совершенствовании нормотворческой и правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** цифровизация, искусственный интеллект, правосубъектность, экспериментальный правовой режим, IT-технологии, социальная инженерия, информационно-телекоммуникационные технологии, персональные данные, дерматоглифика.*

В настоящий период человечество переживает информационную революцию, которая сопоставима с теми событиями, которые пережил мир 500 лет назад. В 1450 году немецкий ремесленник Иоганн Гутенберг изменил ход мировой истории, что правомерно отнесено к величайшим достижениям человечества. Он изобрел печатный станок. Это были маленькие ручные машинки, в день на них можно было напечатать до 16 страниц текста. С тех пор вплоть до конца XX века человечество жило в мире бумажном, а XXI век – это уже век господства цифровых технологий.

В современной юридической литературе эти проблемы становятся все более и более актуальными. Достаточно сослаться на разработку идей «информационной (кибернетической) цивилизации», «киберфизических систем», «электронного государства» и т.п. [8]. Можно утверждать, что в наш обыденный лексикон прочно вошел термин «цифровизация». История исследования этого термина свидетельствует, что данный термин является базовым и детализируется в таких терминах как «цифровая экономика», «цифровое обучение», «цифровизация чтения», «искусственный интеллект», «цифровая трансформация» и т.п.

Сегодня ученые рассматривают термин «цифровизация» как в узком смысле «преобразование информации в цифровую форму», так и в широком «развитие экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [22, с. 47].

Анализ литературы показывает, что многие исследователи цифровизацию связывают с цифровой экономикой, делая упор в ее определении на «существенный

---

* *Куксин Иван Николаевич*, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

** *Хода Вероника Дмитриевна*, аспирант кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия). E-mail: veronikahoda@mail.ru

*** Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

рост прибыли для владельцев производства», «повышение качества труда» и прочее. Не отвергая данный подход и учитывая емкость и неоднозначность при толковании данного термина, по мнению автора его надо рассматривать в более широком аспекте, так как он затрагивает практически все сферы жизни общества. В частности, и такую область как юриспруденция для постижения «цифрового» будущего.

Цифровизация – это новые общественные отношения, порожденные цифровыми технологиями, складывающиеся в сфере экономики, политики, обороноспособности, права, культуры и иных социальных сферах общества, позволяющих достичь более высокого качества продукта на основе применения различных систем искусственного интеллекта с наименьшей затратой труда в целях удовлетворения запросов общества и улучшения качества жизни населения.

Какие складываются предпосылки для цифровизации в России на государственном уровне? Таких предпосылок довольно много. Не вдаваясь в их перечисление, в первую очередь, выделю проблему, которая в настоящее время в России относится к первоочередной. Это развитие и внедрение информационно-телекоммуникационных технологий, и, в первую очередь, искусственного интеллекта. Специалисты в этой области утверждают, что человечеству понадобится 40–50 лет, чтобы вплотную приблизиться к созданию так называемого «сильного искусственного интеллекта». Под слабым (узким) искусственным интеллектом понимается способность компьютеров решать информационные задачи, например, определять, что изображено на картинке или переводить звучание голоса в соответствующий текст [19], который будет способен решать неопределенно широкий спектр интеллектуальных задач. А самое главное это не только его достоинство, но и опасность, так как такой искусственный интеллект будет способен мыслить. Выдвигается не только гипотеза, но и ставится реализация в практику переноса человеческого сознания в компьютерную оболочку.

Президент России В.В. Путин выступая 9 ноября 2019 года на конференции Artificial Intelligence Journey (путешествие искусственного интеллекта) заявил, что «Россия способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта. Это вопрос нашего будущего и места России в мире» [16]. Проведенный опрос участников пленарного заседания конференции показал, что большинство считают Россию догоняющей (52,2%) и отстающей (26,6%) страной в области развития искусственного интеллекта.

Сегодня нет необходимости доказывать преимущества применения искусственного интеллекта. Опираясь на практику тех стран, где он активно внедряется, нельзя не видеть, что в нем заложен ресурс колоссальной силы. «Кто будет владеть им, тот вырвется далеко вперед, приобретет огромные преимущества» [16].

Поэтому в мире развернулась беспрецедентная и бескомпромиссная борьба за технологическое лидерство в сфере искусственного интеллекта, что стало ареной глобальной конкуренции. Об этом Президент России В.В. Путин говорил и ранее. Так, выступая 30 мая 2019 года на Сессии по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта, подчеркнул: «если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта ... тот станет властелином мира. Это одно из ключевых направлений технологического развития, которые определяют и будут определять будущее всего мира» [21].

Когда речь идет о внедрении искусственного интеллекта в повседневную жизнь, то он рассматривается в качестве того средства, с помощью которого можно

в ближайшей перспективе достичь прорывных достижений не только в естественных и гуманитарных науках, но и в механизме управления обществом, где наиболее ярко проявляется коррумпированность, нарушение и попираание принципа социальной справедливости, а как итог неверие населения во власть. Поэтому внедрение «технологии искусственного интеллекта позволяют избавиться от косности и неповоротливости бюрократической машины, кардинально повысить прозрачность и эффективность административных процедур» [16]. Именно эти новшества придадут новый импульс для устойчивости общества его управляемости и позволят отдельно взятому индивиду в целом видеть, что и как делает власть и чем она руководствуется при принятии тех или иных решений.

Когда утверждается о том, что в истории современной цивилизации развернулась бескомпромиссная конкуренция в области искусственного интеллекта, следует обратиться к практике наших партнеров в этой области. Так, например, Китай в 2017 году принял План развития технологий искусственного интеллекта следующего поколения, в котором излагается стратегия страны по становлению мировым лидером в этой области к 2030 году. Европейский Союз также принял документ, посвященный развитию искусственного интеллекта. На уровне Совета Европы Европейская комиссия по эффективности правосудия приняла Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и смежных областях [20].

Поэтому задача российского государства, в лице его руководства и всех государственных структур, отвечающих за этот участок, в том числе и бизнес сообщества, создавать условия и возможности для практических разработок и внедрения цифровых технологий в различные области. А для этого надо готовить такие кадры, которые бы умели работать с искусственным интеллектом, что является задачей соответствующих образовательных учреждений. Это требование должно распространяться к любой профессии: в экономике, бизнесе, образовании, здравоохранении, правоприменительной и правоохранительной сферах и, конечно, на всех уровнях власти.

Исходя из этих сверхзадач организационной базой для развертывания решения данной проблемы является Указ Президента РФ от 10 октября 2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» в котором утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [5]. В постановляющей его части Правительству Российской Федерации было предписано до 15 декабря 2019 г. обеспечить внесение изменений в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», в том числе разработать и утвердить федеральный проект «Искусственный интеллект».

Как реализация Указа Президента РФ от 10 октября 2019 года 8 ноября 2019 года Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), Сбербанк, «Яндекс», Mail.Ru, МТС и «Газпром нефть» заключили соглашение, которое предусматривает создание альянса в сфере искусственного интеллекта. Этот альянс взял на себя лидерство по организации и развитию этой проблемы как одной из самых главных для будущего страны и промышленности, в частности. Этот проект будет реализовываться, как проект частно-государственного партнерства.

В рамках Национальной стратегии и указанного партнерства в апреле 2020 года в Госдуме РФ принят Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания не-

обходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения в Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [1]. Речь идет о том, что нужно создать экспериментальный правовой режим (ст. 2) – применение в течение предусмотренного настоящим Федеральным законом срока проведения эксперимента в отношении участников экспериментального правового режима специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, а также последующего возможного использования результатов применения искусственного интеллекта. Это фактически позволяет спокойно применять технологии искусственного интеллекта (ст. 2) – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Согласно принятому закону Москва становится базовой площадкой эксперимента по установлению с 1 июля 2020 года специального правового режима «в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также последующего использования результатов его применения» [1, п. 1 ст. 1]. Условия, требования, порядок разработки, создания, внедрения и реализации ИИ-технологий, а также механизм обработки обезличенных персональных данных будут регламентироваться столичным правительством. Таким образом, данный эксперимент направлен на создание условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. Например, технологии искусственного интеллекта включают компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений.

Лучшие интеллектуальные силы юристов также должны принять участие в реализации положений Стратегии. Президент России 30 мая 2019 года на Совете по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта поставил перед научным сообществом юристов среди других задач две ключевые проблемы. *Первая* – это «настроить наше законодательство на новую технологическую реальность, максимально быстро и качественно сформировать гибкую, адекватную правовую базу для разработки и использования прикладных решений на базе искусственного интеллекта, а также специальные режимы для частных инвестиций в создание прорывных решений и, безусловно, гарантировать надёжную защиту интеллектуальной собственности, правовые условия для регистрации патентов в национальной юрисдикции России. Важно снять законодательные, административные барьеры для технологического первопроходчества, при этом обеспечив безопасность государства и общества, безусловное соблюдение прав граждан», а *вторая* – «сформировать эффективное правовое регулирование оборота данных, передовую инфраструктуру для их обработки и хранения, а также предложить взвешенные решения, которые позволят использовать данные для создания алгоритмов искусственного интеллекта» [21].

Таким образом, чтобы успешно решить поставленные руководством страны задачи в области цифровизации, государству, в лице его соответствующих органов, необходимо не только запустить программы переобучения, обеспечить широкое цифровое просвещение, но и готовить общество, граждан к повсеместному внедрению таких технологий.

Возвращаясь к выступлению Президента России на конференции Artificial Intelligence Journey следует особо выделить в нем два обстоятельства. Первое, он сравнил искусственный интеллект с такими достижениями человечества как «великие географические открытия», «выход в космос», а второе, он сказал, что «это еще и шаг в неизведанное». И еще одна его фраза заставляет задуматься: «Некоторые даже утверждают, что человечество создает своё последнее изобретение. Не знаю, так ли это. Последнего, наверное, вообще никогда не бывает, но есть основания, видимо, думать и таким образом» [16]. Действительно, может быть человечество неуклонно движется к той черте, где оно не в полной мере видит красной границы, за которой таится опасность от искусственного интеллекта.

Сегодня не стоит вопрос внедрять или воздержаться от внедрения искусственного интеллекта в ту или иную область человеческой деятельности. Этот вопрос решен. Президент РФ В.В. Путин, выступая с ежегодным посланием Федеральному Собранию (2018 год) особо отметил: «В кратчайшие сроки нам необходимо создать передовую экономическую базу, снять все барьеры для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных. Причем такая нормативная база должна постоянно обновляться, строиться на гибком подходе к каждой сфере технологии» [18]. Следовательно, в ближайшей перспективе искусственный интеллект на основе автоматизированных программ будет использоваться в различных производственных областях, независимо как он будет называться, робот-юрист, робот-диагност, робот-телескоп, робот-хирург, робот-журналист и т.д. вопрос решен.

В этой части самой сложной является проблема, кто и как будет нести ответственность за причиненный вред, если искусственный разум исключает участие человека из технологических процессов? Например, управление движением поездов на высокоскоростных магистралях, роботомобилями и т.д. Постановка вопроса не нова. Новизна проблемы, для юристов, заключается в том, чтобы определиться в правовом статусе искусственного интеллекта. Так, профессор Г. Гаджиев, выступая 26 октября 2017 года на XII Ежегодных научных чтениях, посвященных памяти профессора С.Н. Братуся, которые прошли в Институте законодательства и сравнительного правоведения при правительстве России, утверждал, что «препятствий к наделению роботов правовым статусом нет» [25].

Как известно правосубъектность – это вопрос о том, у кого какие права и обязанности. По мнению директора Института законодательства и сравнительного правоведения Т. Хабриевой – «это уже не фантастика, а реальность, всерьез обсуждаются вопросы о правовом статусе искусственного интеллекта» [25], ибо игнорировать развитие IT-технологий нельзя.

Действительно, «сегодня задача юристов не только теоретически обосновать правовой статус искусственного интеллекта, но и перевести эту актуальную проблему в практическую плоскость в форме подготовки и принятия таких законодательных актов, которые бы давали ответы в каких пределах можно использовать автономные устройства без прямого контроля со стороны человека и меры ответственности за их использование» [14, с. 42]. Это направление новое, необычное и вызывает живой интерес, как со стороны теоретиков права, так и практических работников.

Вопросам правосубъектности искусственного интеллекта, судя по опубликованным научным статьям, уделяется особое внимание в Евросоюзе, США, Южной Корее. Ученые правоведы разных стран ищут ответ: способно ли развитие искусст-

венного интеллекта пересмотреть представление о праве, особенно с наступлением цифровой эпохи, или речь может идти только в отдельных направлениях, например, в части правосубъектности. О замене юристов роботами по большому счету говорить преждевременно, так как составить юридический документ, скажем тот же приговор суда по уголовному делу в отношении нескольких лиц, состоящему из десятков томов может только юрист, а машинные алгоритмы могут выступать только как помощники, так как они не обладают гибкостью человеческого ума. Но, с точки зрения теоретического исследования и юридической практики вопросов, связанных с искусственным интеллектом не является преждевременным, а нацелены на перспективу. Например, разработка и использование беспилотного транспорта. К массовому внедрению беспилотного транспорта готовы такие страны как Нидерланды, Сингапур, Соединенные Штаты. По принятию беспилотного транспорта потребителями Россия оказалась на 18-ой строчке [6].

Если вычленишь те проблемы, которые касаются правового статуса искусственного интеллекта и на которые ученые ищут ответ, то они сводятся к следующим:

«1) ответственность производителя [за качество товара] (product liability), поскольку роботы с точки зрения правового режима представляют собой в том числе товар;

2) правовой режим (или правовой статус) роботов как квазиагентов (посредников), поскольку роботы по мере развития наделяются функциями возрастающей сложности, ранее выполнявшимися человеком;

3) ограничение ответственности в том смысле, что посредники в силу правовой природы отношений не всегда могут нести полную ответственность за свои действия;

4) применение мер юридической ответственности к юридическим лицам как аналогия в случаях применения таковой к агентам, не являющимся физическими лицами» [7].

Исходя из перечня поставленных проблем к наиболее актуальным следует отнести проблему о правовом режиме и юридической ответственности искусственного интеллекта в случае причинения вреда тем отношениям, которые охраняются нормой права. На текущий момент, на поставленный вопрос дать однозначный ответ весьма затруднительно, однако это не означает, что его не надо искать. Сама жизнь заставляет продолжать поиски, ибо игнорировать развитие IT-технологий нельзя. Если допустить, что робот-агент (квази-агент) может выступать самостоятельным участником гражданского оборота, то кто должен нести ответственность: разработчик программы или владелец робота?

Искусственный интеллект (робот) как и любая техника, какой бы он не был совершенный, может ошибаться, ломаться, в результате чего причинять вред охраняемым законом отношениям. На текущий момент, в виду отсутствия еще неработанной большой практики внедрения робототехники без прямого контроля со стороны человека, можно применять те же принципы ответственности, что и для владельцев источников повышенной опасности в рамках ст. 1079 ГК РФ. Искусственный интеллект (робот) правомерно можно отнести к источникам повышенной опасности. И поэтому, если экспертиза даст заключение и будет доказано, что причиной причиненного ущерба явилось программное устройство, то ответственность возлагается на разработчика. Если роботом был причинен ущерб в виду, например, небрежного или несвоевременного проведения владельцем робота регламентных или иных работ, то ответственность должна возлагаться на владельца.

Вторым направлением гражданской ответственности за причиненный ущерб можно рассматривать обязательное страхование ответственности роботов [2, гл. 48; 3]. По мнению автора, в таких случаях владельцы должны будут покупать полис.

Таким образом, действующее законодательство дает возможность решать в рамках правового поля те случаи, когда причиняется ущерб определенным отношениям робототехникой, где из процесса исключен человек. Но, для юристов очевидно, что по мере развития и внедрения искусственного интеллекта в различные общественные сферы, в том числе и связанную с безопасностью человека, будет изменяться и право. Будут появляться принципиально новые отношения, связанные с искусственным интеллектом, а, следовательно, и новые нормы. В настоящее время в России появляются концепции законопроектов о робототехнике. Первым таким разработчиком стала международная юридическая фирма Dentons по заказу Grishin Robotics. «Концепция предлагает использовать признаки юридического лица для определения статуса робота, определяет модель ответственности при использовании роботов и допускает создание реестра, в котором будет осуществляться классификация роботов по сферам использования, уровню развития искусственного интеллекта. Это в дальнейшем позволит определять границы правосубъектности» [26].

Ценность таких концепций заключается в инициировании обсуждений о системном законодательном регулировании новой области, которая получила название робототехника. Дискуссия должна давать ответ насколько нынешнее законодательство можно использовать в регулировании отношений с участием роботов, и какие меры надо предпринимать в области законотворчества в этой области, чтобы не отстать от развития перспективных технологий. Все изложенное выше убедительно доказывает, что развитие новых технологий, особенно в сфере искусственного интеллекта и беспроводных сетей, несет в себе колоссальные преимущества.

Вместе с тем, согласно философскому учению в объективном мире не существует идеальных вещей. Так известная нам диалектика Г. Гегеля заключается в триаде «тезис – антитезис – синтез». Это триада означает, что любое явление в мире обязательно порождает свое противоречие. Если есть черное, то есть и белое. Одно без другого не бывает. Эти два противоречия естественно вступают в отношения взаимодействия. Рано или поздно это взаимодействие порождает синтез – т.е. некое новое явление, которое вобрало в себя черты и тезиса, и антитезиса. Синтез сам становится новым тезисом и порождает новое противоречие и все начинается вновь и так до бесконечности.

Если цифровизация, с включением искусственного интеллекта как основного ее звена, – это тезис, то рождается противоположное явление синтез, т.е. новое явление в виде неизвестных ранее **угроз, вызовов** и **рисков** для общества несмотря на всю его прогрессивность. Уже сегодня об этой опасности бьют тревогу исследователи и эксперты в этой области. Не учитывать этой угрозы государству, бизнесу и в целом гражданам, значит недооценивать наступление тяжких последствий. Такую обеспокоенность высказывает и председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, утверждая, что «первый риск для современной цивилизации права, в условиях грядущего цифрового будущего – это растерянность человека и общества, обусловленная изменением способов коммуникации и связанной с этим постмодернистской атомизацией общества» [11].

Сама по себе ни одна технология не приносит вред государству и конкретному человеку. Только сам индивид, используя новые технологии придает им свойство,

позволяющее совершать преступные действия, достигая, таким образом, своих криминальных целей.

По мнению автора, активное внедрение и использование искусственного интеллекта может негативно отразиться, например, на такой уязвимой для общества проблеме, как права человека, авторские права. На страницах юридической печати отмечается, что появление «Цифры» и искусственного интеллекта порождает новое право, которое и возьмет на себя роль регулирования новых ранее неизвестных процессов. Появился новый термин «цифровые права» под которыми понимают «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети интернет» [12].

Так, например, при разработке развлекательного программного обеспечения на радио, телевидении в прессе, в том числе и в интернете, цифровизация привела к существенным нарушениям авторских прав, о чем свидетельствуют многие судебные тяжбы, пиратскому или несанкционированному использованию чужой информации и т.п. С одной стороны, звучит призыв дать искусственному интеллекту больше данных, снимать подчас надуманные преграды, а с другой стороны готово ли общество гарантировать безопасность, соблюдение прав и интересов граждан? Ясного ответа на поставленный вопрос нет. О том, что нужно искать баланс между максимальным раскрытием информации и правом людей на ее защиту, само собой разумеется. По мнению автора, это одна из основополагающих проблем, которая ждет еще своего разрешения. И решить ее по силам только юридическому сообществу. Поэтому эту проблему, уже сегодня, надо перевести в плоскость практического решения и свидетельством этого являются многочисленные примеры из жизни современного российского общества. Остановимся на некоторых из них.

В 2006 году был принят Федеральный закон «О персональных данных». Его главная цель обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе защиты прав и неприкосновенность частной жизни, личной и семейной жизни. Однако в этом Федеральном законе имеется ряд изъятий, когда обработка персональных данных не требует согласия субъекта персональных данных [27, ч. 2 ст. 6]. К числу проблем затрагивающих интересы граждан при реализации данного Закона следует отнести: порядок оформления акта уничтожения персональных данных субъекта; определения требований, в каких случаях веб-сайт является информационной системой; вправе ли оператор запрашивать сведения о судимости; возможно ли получение согласия на обработку персональных данных по телефону; вправе ли кредитная организация обрабатывать персональные данные физических лиц, получивших отказ в предоставлении кредита; возможно ли хранить формы анкет-заявок на получение кредита в формате цифровых копий; является ли файл электронной цифровой подписи доказательством получения согласия на обработку персональных данных при покупке товаров в интернет магазинах и другие.

Федеральный закон № 123-ФЗ, который вступил в действие с 1 июля 2020 года, также позволяет соответствующим государственным органам «обрабатывать персональные данные, касающиеся состояния здоровья, полученных в результате обезличивания персональных данных, допускается в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления, а также в иных целях, предусмотренных указанным Федеральным законом» [1, п. 2.1. ст. 7].

К числу рисков, по мнению автора, следует отнести и такое направление как сбор и использование **биометрических персональных данных и их обработка**. Чтобы сделать вывод относится ли это направление в настоящее время к рискам или нет проиллюстрируем следующими примерами.

В мобильном приложении «Сбербанк Онлайн» у клиентов банка стало появляться уведомление и предложение дать согласие на сбор биометрических данных для улучшения защиты и упрощения процедуры идентификации и аутентификации (англ. Authentication) – процедура проверки подлинности). Объясняется это тем, что после сдачи биометрических данных любой житель страны может пользоваться услугами банков и государственных учреждений без личного присутствия. В пресс-релизе Сбербанка сказано, что для этого «необходимо зарегистрироваться в ЕСИА (сайт государственных услуг) и сдать биометрические параметры – шаблоны лица и голоса – в уполномоченном банке».

В октябре 2019 года сотрудники корпоративного университета «Синергия» без разрешения родителей снимали отпечатки пальцев у учащихся подмосковных школ. В учреждении заявили, что тестирование проводилось в рамках профориентационного теста, сослались на дерматоглифику – учение, якобы определяющее характер и судьбу по узорам на пальцах. Детям вопросов не задавали, сажали к компьютеру, сканировали пальцы рук. Далее просили назвать имя, фамилию, номер телефона и электронную почту.

Исходя из приведенных примеров вывод однозначный – риски и угрозы существуют. Остановимся на самых распространенных технологиях, которые чаще всего сегодня используются в криминальной сфере и от которых государство и граждане ищут защиту. Так, прошедший 2019 год был примечателен тем, что в России было совершено почти 300 тысяч преступлений с помощью IT-технологий. Что тревожно в этих цифрах? Первое, динамика совершения таких преступлений неуклонно растет. В 2018 году, по сравнению с 2019 годом, таких преступлений было совершено на 68,5 процента меньше. Во-вторых, по данным МВД в общем объеме правонарушений на долю преступлений с использованием IT-технологий приходится 14,5 процента, тогда как в 2018 году этот показатель составлял 8,8 процента. Особую тревогу вызывают кража денег с помощью социальной инженерии (это метод (атак) несанкционированного доступа к информации или системам хранения информации без использования технических средств) – выманивание конфиденциальной информации (пароли, коды из смс-сообщений) у самих жертв. Например, в 2019 году объем операций, совершенных без согласия клиентов (физических и юридических лиц), превысило 6,4 млрд рублей. В среднем у одного физлица было украдено 10 тысяч рублей, а у юридического лица – 152 тысячи рублей [17].

Мошенники в настоящий период особенно активно используют в преступных целях информационно-телекоммуникационные технологии, которые представляют собой «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов, которые в совокупности с техническими средствами обработки информационными базами данных образуют информационные системы» [4, ст. 2]. Последние проникнув во все сферы жизни современного общества, являются их неотъемлемой составляющей. Это выражается в том, что они охватывают все ресурсы, обеспечивающие управление информацией, такие как компьютеры, телекоммуникационные сети, программное обеспечение. Сравнительный анализ совершенных преступлений в этой об-

ласти показывает их чудовищный рост. Так, если в 2010 году было выявлено 1819 случаев совершения преступлений указанным способом, в 2011 г. – 2049, 2012 г. – 2748, 2013 г. – 2196, 2014 г. – 2187, 2015 г. – 13483 [23, с. 5], то в 2019 году зарегистрировано уже 294,4 тысяч преступлений. При этом к категории тяжких и особо тяжких относятся почти пятьдесят процентов всех зафиксированных киберпреступлений, что составляет 48,5 процентов. Тенденция идет к тому, что понемногу стирается грань между работой, выполненной человеком и задачей, выполненной машиной. Как объясняют специалисты, уже сейчас порой бывает сложно понять, кто сидит внутри системы – человек или машина.

Что показывает приведенный анализ? По мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации: «Помимо необходимости преодоления подобного риска (а здесь не обойтись без правовых инструментов), право включается в процессы цифровизации и по целому ряду иных направлений. Прежде всего, происходит изменение некоторых правовых явлений. Меняется, например, структура правонарушений» [11].

В качестве примера можно привести Центральный банк и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по инициативе которых создана Единая биометрическая система, которая позволяет удаленно опознать клиента по изображению лица и тембру голоса (звуковая окраска голоса, которая создает те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки речи). Объясняется введение такой системы тем, что после сдачи биометрических данных клиент может пользоваться услугами банков и государственных учреждений без личного присутствия. Сегодня такая система внедрена в 11 тысячах отделений 180 банков. Зарегистрировалось уже в ней 65 тысяч человек. Несет ли эта система риск для граждан? По мнению автора – однозначно. Казалось бы, подделать изображение лица и имитацию голоса достаточно сложно. Но это не совсем так. Уже существуют программы, как например, «deepfake» (создание фейковых фото или видео), которые могут в реальном времени подменить изображение лица на любом видео или подделать голос человека. Причем, по утверждению специалистов, для их работы достаточно всего лишь несколько аудио- и видеофайлов длиной в минуту. Вот почему, сегодня жильцы многих квартир, услышав телефонный звонок, с опаской поднимают телефонную трубку. Нередко от неведомого абонента слышится странный вопрос, ответ на который требуется голосовым подтверждением. Возникает вопрос: раз некие лица пытаются получить голосовую запись определенных фраз, значит, они планируют это каким-то образом использовать. Даже если аудиозапись невозможно использовать для получения доступа к счетам или к государственным услугам, всё равно кто-то для каких-то целей пытается незаконно в автоматическом режиме собирать персональные данные людей.

Ради справедливости надо отметить, что крупные компании инвестируют значительные средства в разработку технологий, которые будут автоматически отличать подделки: выявлять малейшие неестественные движения лица или рук, определять склейки и изменения тона голоса и так далее. Однако эта «борьба» сравнима с антивирусами. Технология развивается очень быстро, но и каждое вредоносное программное обеспечение тут же начинает создавать «противоядие».

В настоящее время продолжается рост, так называемых дистанционных краж. Так, только в городе Москве в 2019 году с банковских карт было украдено 12 миллиардов рублей. В целом по России число дистанционных краж выросло на 79 процентов, а с банковских счетов 240 процентов.

По данным МВД России, с января по сентябрь 2019 года зарегистрировано 10,3 тыс. преступлений по статье «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Это на 417,3% выше, чем за аналогичный период прошлого года. Кроме того, за указанный период в России было зарегистрировано 205 тыс. преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это на 69,2% больше, чем в 2018 году. В Генпрокуратуре РФ сообщили, что в 2019 году в России было зарегистрировано более 18,8 тыс. преступлений в банковской сфере, ущерб превысил 154 млрд. рублей [9].

Особенно уязвимы те потребители, которые пользуются электронной подписью. И первые преступления известны, когда сделка по продаже квартиры была подписана электронной подписью неизвестными людьми. Примечательно, что электронная подпись была получена через личный кабинет на сайте государственных услуг. Ради объективности надо отметить, что в настоящее время законодателем внесены коррективы в правила сделок с помощью электронной подписи.

Существуют риски, когда в возникающих отношениях между людьми используются, так называемые *«технические посредники»*, в частности, при оказании дистанционных медицинских услуг, получении образования, оказании правовой помощи, продаже различных билетов и т.д., когда личное участие покупателя исключается. Например, на матч «Локомотив» – «Ювентус», проходивший 6 ноября 2019 года, десятки людей не могли попасть на стадион, так как их билеты были поддельные, отдав тысячи рублей (от 25 до 80 тысяч). Продажа осуществлялась с мошеннического сайта.

Возникает вопрос: как защитить людей в подобных случаях? Представляется, что без тщательного разработанного законодательства не обойтись. Преступность всегда идет впереди, это объективный процесс. Цифровизация меняет структуру правонарушений. Нормы права, регулирующие сферу информационно-телекоммуникационных технологий, должны поспевать за правонарушениями.

По мнению автора, активное внедрение цифровизации в производство, даже в стране с высоким уровнем ВВП, приведет к высвобождению работников, а в конечном итоге к сокращению количества рабочих мест. По оценкам исследовательской организации McKinsey Global Institute (Глобальный Институт McKinsey), в ближайшие десять лет новые технологии радикально изменят рынок труда на планете, что позволит сэкономить порядка 50 трлн долларов. Изменения коснутся сотен миллионов рабочих мест [13]. А это означает не только потерю рабочих мест и снижение уровня жизни многих людей, но рост преступности.

Самое удивительное, что с точки зрения человечества каждому индивидууму надо развиваться гораздо быстрее, чем развивается система искусственного интеллекта. Более того, тенденция сегодня такова, что расширение возможности искусственного интеллекта идет по пути «усовершенствования человека». Ставится задача преодоления биологических ограничений человека, а в конечном итоге получить контроль над его эмоциями и воздействовать на эмоциональные зоны мозга. По мнению исследователей: «Если искусственный интеллект будущего оправдает ожидания, т.е. окажется мыслящим человекоподобным роботом, обладающим чувствами и эмоциями, то законы потребуются изменить для того, чтобы охватить роли роботов в обществе. Это означает, что понадобится пересмотреть существующую правовую систему и адаптировать ее согласно изменяющимся потребностям общества» [24].

Смело можно предположить, что такая уникальная его функция может привести к тому, что в тех или иных обстоятельствах человекоподобный робот может действовать по-разному. Поэтому нет гарантий, что при определенных условиях его действия могут нанести ущерб общественным отношениям, находящимся под охраной права. Очевидно «нужны новые подходы к правовому разрешению подобных проблем, а, значит, и принципиальное новое нормативное регулирование» [15, с. 25].

Одной из наиболее опасных угроз в мировом масштабе являются самостоятельные системы вооружения, которые тесно связаны с искусственным интеллектом и запрограммированы на самостоятельное принятие решения в целях обезопасить государства от внезапного нападения. В ближайшей перспективе, по мнению автора, гонка ядерного вооружения будет заменена глобальным соперничеством в разработке военных автономных систем. Опасность заключается в том, что искусственный интеллект может подорвать геополитическую стабильность и нарушить статус ядерного оружия как средства сдерживания. Отсутствие критического мышления у искусственного интеллекта может дать неверную оценку ситуации, что может привести к непоправимым катастрофическим ошибкам.

Поэтому интенсивное внедрение цифровизации в производство и в повседневную жизнь простого человека не только доставляет ему комфорт, облегчает решения житейских проблем, но и объективно приведет к противоположным интересам и общество должно быть к этому готово. Как показал опрос, проведенный ВЦИОМом, 12% населения (каждый десятый россиянин) не доверяет этим технологиям, в частности, искусственному интеллекту.

Недоверие выражается в следующих цифровых показателях. Треть из всех опрошенных (31%), из-за страха перед техническими сбоями, каждый пятый (21%) опасается утечки персональной информации, каждый одиннадцатый (9%) нарушение личного пространства [это персональная территория, где можно чувствовать себя комфортно, защищено, уверенно], непредсказуемости развития искусственного интеллекта 5%. Наряду с этим, 6% убеждены, что люди надежнее. Положительно оценивают искусственный интеллект – это представители науки (72%), промышленности (69%) и транспорта (66%) [10].

Вывод. Развитие технологий в сферах искусственного интеллекта, беспроводных сетей несомненно несет в себе для человечества много преимуществ. Но в мире нет ничего идеального. Внедрение указанных технологий несет в себе немало и опасностей, которые уже сегодня очевидны, а некоторые еще не обозначились, но по мере овладения ими они дадут о себе знать в виде причинения ущерба соответствующим общественным отношениям. И возникает перед современниками вопрос: что ждет право в будущем – с его тотальной цифровизацией, алгоритмизацией, большими данными и т.п. По какому пути оно пойдет? И дает ли оно нам, как индивидам, право на будущее с точки зрения индивидуального, субъективного права?

Ответ на поставленные вопросы дает профессор В.Д. Зорькин. В частности, он пишет, что право будущего в эпоху цифровизации – это не про то, будут ли роботы писать судебные решения или заменит ли профессию юриста искусственный интеллект? «Право будущего – это все те вечные ценности равенства, свободы и справедливости ... право как providential помогает нам находить наиболее оптимальные решения для регулирования общественных отношений и тем самым предугадывать наиболее благоприятный и справедливый исход возможных социальных конфликтов» [11].

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения в Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, гл. 48 // www.consultant.ru
3. Федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 г. № 4015-1 // www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 27.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // www.consultant.ru
5. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» в котором утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
6. Астапенко Е. Россия оказалась в «хвосте» рейтинга готовности к внедрению беспилотных автомобилей // URL: <http://www.kolesa.ru/news/rossiya-okazalas-v-hvoste-rejtinga-gotovnosti-k-vnedreniyu-bespilotnyh-avtomobilej> (дата обращения: 14.05.2020).
7. Архипов В. Юридические аспекты робототехники URL: <http://old.advgazeta.ru/blog/posts/490> (дата обращения: 23.04.2020).
8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. 2019. № 1. С. 17–27 (DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27); Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 25–37; Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. 2020. № 1. С. 22–35.
9. В России резко выросло число преступлений с платежными картами // URL: <https://regnum.ru/news/society/2776199.html> (дата обращения 30.04.2020).
10. Гусенко М. Люди надежнее // Российская газета 2020, 28 января.
11. Зорькин В.Д. Право будущего в эпоху цифр // Российская газета, 2020, 16 апреля.
12. Зорькин В.Д. Право в цифровом пространстве. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadachagosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cif-rovye-pravaprava-grazhdan.html> (дата обращения: 11.05.2020).
13. Искусственный интеллект – угроза или помощник для человечества? // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38931070> (дата обращения: 02.05.2020).
14. Куксин И.Н. Искусственный интеллект помощник или конкурент человека // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: материалы международной научно-теоретической конференции – V Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 28 апреля 2018 г.). – Белгород, ООО «ГиК», 2018. С.38–45.
15. Куксин И. Н., Мархгейм М.В. «Цифровая революция» правовые и этические проблемы // Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 8–9 ноября 2019 г.). – Белгород, 2019. С.20–28.
16. Латухина К. Цифровой космос // Российская газета, 2019, 11 ноября.
17. Маркелов Р. Платежное похищение // Российская газета, 2020, 20 февраля.
18. План президента Путина // Российская газета, 2018, 2 марта.

19. См.: Искусственный интеллект, сильный и не очень // URK: <https://habr.com/ru/post/393071/> (дата обращения: 15.04.2020)
20. Согласно международному индексу сетевой готовности, представленного в докладе «Глобальные информационные технологии» за 2016 год, Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает **38-е место** с большим отставанием от стран-лидеров, таких, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия. См.: раздел III программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2020)
21. Совещание по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60630> (дата обращения: 11.02.2020).
22. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10. С. 46–63.
23. Хисамова З.И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.
24. Цитируется: Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права / Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.
25. Юристы решат, кто ответит за ошибки робототехники // URL: http://surfingbird.ru/surf/yuristy-reshat-kto-otvetit-za-oshibki-4urj32e1c#.Wobbbq_орKM8 (дата обращения 22.04.2020).
26. Юристы и фантастика: Dentons разработала первый в России законопроект о робототехнике / URL: <http://www.lawfirm.ru/pr/index.php?id=16154> (дата обращения: 11.05.2020).
27. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // pravo.gov.ru

---

Для цитирования: Куксин И.Н., Хода В.Д. Цифровизация – новая реальность в праве и новые угрозы // Теория государства и права. 2020. № 4 (20). С. 115–128. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.007

Ivan N. Kuksin*
Veronika D. Khoda**

DIGITALIZATION – A NEW REALITY IN LAW AND NEW THREATS***

***Annotation.** The modern period of development of Russian society is characterized by the rapid development of digitalization, which allows increasing production efficiency and improving the quality of life of the country's population. At the same time, the intensive introduction of information and telecommunication technologies*

---

* Kuksin Ivan Nikolaevich, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

** Khoda Veronika Dmitrievna, postgraduate student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty), Moscow State University M.V. Lomonosov (Moscow, Russia). E-mail: veronikahoda@mail.ru

*** Prepared with the information support of the ATP ConsultantPlus.

Theory of State and Law

---

and, in particular, artificial intelligence entails not only good, but also new challenges, risks, and threats to society. The authors see their minimization in the improvement of rule-making and law enforcement practice.

Key words: *digitalization, artificial intelligence, legal personality, experimental legal regime, IT-technologists, social engineering, information and telecommunication technologies, personal data, dermatoglyphics.*

Currently, humanity is experiencing an information revolution, which is comparable to the events that the world experienced 500 years ago. In 1450, the German artisan Johannes Gutenberg changed the course of world history, which is rightfully attributed to the greatest achievements of mankind. He invented the printing press. They were small hand-held typewriters that could print up to 16 pages of text a day. Since then, until the end of the 20th century, mankind lived in a paper world, and the 21st century is already the century of the dominance of digital technologies.

In modern legal literature, these problems are becoming more and more relevant. Suffice it to refer to the development of the ideas of "information (cybernetic) civilization", "cyber-physical systems", "electronic state", etc. [8]. It can be argued that the term "digitalization" has firmly entered our everyday vocabulary. The history of the study of this term indicates that this term is basic and is detailed in terms such as "digital economy", "digital learning", "digitalization of reading", "artificial intelligence", "digital transformation", etc.

Today scientists consider the term "digitalization" both in the narrow sense of "transformation of information into digital form" and in the broad "development of the economy and society, which is based on the transformation of information into digital form and leads to an increase in the efficiency of the economy and an improvement in the quality of life" [22, p. 47].

Analysis of the literature shows that many researchers associate digitalization with the digital economy, focusing in its definition on "a significant increase in profits for production owners," "improving the quality of labor," and so on. Without rejecting this approach and taking into account the capacity and ambiguity in the interpretation of this term, according to the author, it should be considered in a broader aspect, since it affects almost all spheres of society. In particular, and such an area as jurisprudence for comprehending the "digital" future.

Digitalization is a new social relationship generated by digital technologies, emerging in the economy, politics, defense, law, culture and other social spheres of society, allowing to achieve a higher quality product based on the use of various artificial intelligence systems with the lowest labor costs in order to satisfy demands society and improve the quality of life of the population.

What are the prerequisites for digitalization in Russia at the state level? There are many such prerequisites. Without going into their enumeration, first of all, I will single out a problem that is currently a priority in Russia. This is the development and implementation of information and telecommunication technologies, and, first of all, artificial intelligence. Experts in this field argue that it will take humanity 40–50 years to come close to creating the so-called "strong artificial intelligence". Weak (narrow) artificial intelligence is understood as the ability of computers to solve information problems, for example, to determine what is shown in a picture or to translate the sound of a voice into the corresponding text [19], which will be able to solve an indefinitely wide range of intellectual problems. And the most important thing is not only its dignity, but also the danger, since such an ar-

tificial intelligence will be able to think. Not only a hypothesis is put forward, but also put into practice of transferring human consciousness into a computer shell.

Russian President V.V. Putin, speaking on November 9, 2019 at the Artificial Intelligence Journey conference, stated that "Russia is capable of becoming one of the global leaders in the field of artificial intelligence. This is a question of our future and of Russia's place in the world" [16]. A survey of participants in the plenary session of the conference showed that the majority consider Russia a catching-up (52.2%) and lagging (26.6%) country in the field of artificial intelligence development.

Today there is no need to prove the benefits of using artificial intelligence. Relying on the practice of those countries where it is being actively implemented, one cannot but see that it contains a resource of colossal strength. "Whoever owns it will get ahead and gain enormous advantages" [16].

Therefore, an unprecedented and uncompromising struggle for technological leadership in the field of artificial intelligence unfolded in the world, which became the arena of global competition. The President of Russia V.V. Putin spoke earlier. So, speaking on May 30, 2019 at the Meeting on the development of technologies in the field of artificial intelligence, he emphasized: "if someone can provide a monopoly in the field of artificial intelligence ... he will become the master of the world. This is one of the key areas of technological development that determine and will determine the future of the entire world" [21].

When it comes to introducing artificial intelligence into everyday life, it is seen as a means by which it is possible in the near future to achieve breakthrough achievements not only in the natural sciences and humanities, but also in the mechanism of managing society, where corruption is most clearly manifested violation of the principle of social justice, and as a result, the population's lack of faith in power. Therefore, the introduction of "artificial intelligence technology makes it possible to get rid of the sluggishness and sluggishness of the bureaucratic machine, radically increase the transparency and efficiency of administrative procedures" [16]. It is these innovations that will give a new impetus to the stability of a society of its controllability and will allow an individual taken as a whole to see what and how the authorities are doing and what they are guided by when making certain decisions.

When it is stated that uncompromising competition in the field of artificial intelligence has developed in the history of modern civilization, one should turn to the practice of our partners in this area. For example, China in 2017 adopted the Next Generation Artificial Intelligence Technology Development Plan, which outlines the country's strategy to become a global leader in this area by 2030. The European Union also adopted a document on the development of artificial intelligence. At the level of the Council of Europe, the European Commission for the Effectiveness of Justice has adopted the European Charter of Ethics on the Use of Artificial Intelligence in the Judiciary and Related Areas [20].

Therefore, the task of the Russian state, represented by its leadership and all state structures responsible for this area, including the business community, is to create conditions and opportunities for practical development and implementation of digital technologies in various fields. And for this, it is necessary to train such personnel who would be able to work with artificial intelligence, which is the task of the corresponding educational institutions. This requirement should apply to any profession: in economics, business, education, healthcare, law enforcement and law enforcement, and, of course, at all levels of government.

Based on these super-tasks, the organizational basis for deploying a solution to this problem is the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490

"On the development of artificial intelligence in the Russian Federation", which approved the "National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030" [5]. In its operative part, the Government of the Russian Federation was instructed to make changes to the national program "Digital Economy of the Russian Federation" by December 15, 2019, including the development and approval of the federal project "Artificial Intelligence".

As the implementation of the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, on November 8, 2019, the Russian Direct Investment Fund (RDIF), Sberbank, Yandex, Mail.Ru, MTS and Gazprom Neft entered into an agreement that provides for the creation of an alliance in the field of artificial intelligence. This alliance took the lead in organizing and developing this problem as one of the most important for the future of the country and industry, in particular. This project will be implemented as a public-private partnership project.

As part of the National Strategy and the specified partnership, in April 2020, the State Duma of the Russian Federation adopted Federal Law No. 123-FZ dated April 24, 2020 "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation – a city of federal significance in Moscow and amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" [1]. The point is that it is necessary to create an experimental legal regime (Article 2) – the application, during the period provided for by this Federal Law, for conducting an experiment with respect to participants in the experimental legal regime of special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation. Federation – a city of federal significance Moscow, as well as the subsequent possible use of the results of the use of artificial intelligence. This actually makes it possible to safely use artificial intelligence technologies (Art.2) – a set of technological solutions that allows simulating human cognitive functions (including self-learning and finding solutions without a predetermined algorithm) and obtaining, when performing specific tasks, results comparable, at least, with the results of intellectual human activities.

According to the adopted law, Moscow becomes the basic platform for the experiment to establish a special legal regime from July 1, 2020 "in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies, as well as the subsequent use of the results of its application" [1, p. 1, Art. 1]. The conditions, requirements, procedure for the development, creation, implementation and implementation of AI technologies, as well as the mechanism for processing anonymized personal data will be regulated by the Moscow government. Thus, this experiment is aimed at creating conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies. For example, artificial intelligence technologies include computer vision, natural language processing, speech recognition and synthesis, and intelligent decision support.

The best intellectual forces of lawyers should also take part in the implementation of the provisions of the Strategy. On May 30, 2019, the President of Russia at the Meeting on the Development of Technologies in the Field of Artificial Intelligence posed two key problems to the scientific legal community, among other tasks. The first one is "to adjust our legislation to a new technological reality, to quickly and efficiently form a flexible, adequate legal basis for the development and use of applied solutions based on artificial intelligence, as well as special regimes for private investment in the creation of breakthrough solutions

and, of course, to guarantee reliable protection of intellectual property, legal conditions for registering patents in the national jurisdiction of Russia. It is important to remove legislative and administrative barriers to technological pioneering, while ensuring the security of the state and society, unconditional observance of the rights of citizens", and the second – "to form an effective legal regulation of data circulation, an advanced infrastructure for their processing and storage, as well as to offer balanced solutions that will make it possible to use the data to create artificial intelligence algorithms" [21].

So, in order to successfully solve the tasks set by the country's leadership in the field of digitalization, the state, represented by its relevant authorities, needs not only to launch retraining programs, to provide wide digital education, but also to prepare society and citizens for the widespread introduction of such technologies.

Returning to the speech of the President of Russia at the Artificial Intelligence Journey conference, two circumstances should be highlighted in it. First, he compared artificial intelligence with such achievements of mankind as "great geographical discoveries", "space-walk", and secondly, he said that "it is also a step into the unknown." And one more phrase of his makes one think: "Some even argue that humanity is creating its latest invention. I don't know if this is so. The latter, probably, never happens at all, but there are reasons, apparently, to think in this way" [16]. Indeed, it may be that humanity is steadily moving towards the line where it does not fully see the red border, beyond which lies the danger from artificial intelligence.

Today there is no question of introducing or refraining from introducing artificial intelligence into one or another area of human activity. This issue has been resolved. Russian President V.V. Putin, speaking with his annual address to the Federal Assembly (2018), emphasized: "In the shortest possible time, we need to create an advanced economic base, remove all barriers to the development and widespread use of robotics, artificial intelligence, unmanned vehicles, e-commerce, and big data processing technologies. Moreover, such a regulatory framework should be constantly updated, built on a flexible approach to each area of technology" [18]. Therefore, in the near future, artificial intelligence based on automated programs will be used in various production areas, regardless of what it will be called, a robot lawyer, a robot diagnostician, a robot telescope, a robot surgeon, a robot journalist, etc. the issue is resolved.

In this part, the most difficult problem is who and how will be responsible for the harm caused if artificial intelligence excludes human participation from technological processes? For example, control of the movement of trains on high-speed highways, robotic vehicles, etc. The question is not new. The novelty of the problem, for lawyers, is to determine the legal status of artificial intelligence. Thus, Professor G. Gadzhiev, speaking on October 26, 2017 at the XII Annual Scientific Readings dedicated to the memory of Professor S.N. Bratusya, who passed in the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian government, argued that "there are no obstacles to granting legal status to robots" [25].

As you know, legal personality is a question of who has what rights and obligations. According to T. Khabrieva, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law, "this is no longer fantasy, but reality, the issues of the legal status of artificial intelligence are being seriously discussed" [25], because the development of IT technologies cannot be ignored.

Indeed, "today the task of lawyers is not only to theoretically substantiate the legal status of artificial intelligence, but also to translate this urgent problem into a practical

plane in the form of preparation and adoption of such legislative acts that would give answers to what extent autonomous devices can be used without direct human control. and measures of responsibility for their use” [14, p. 42]. This direction is new, unusual and arouses keen interest from both legal theorists and practitioners.

The issues of legal personality of artificial intelligence, judging by the published scientific articles, are given special attention in the European Union, the USA, and South Korea. Legal scholars from different countries are looking for an answer: is the development of artificial intelligence capable of revising the concept of law, especially with the advent of the digital era, or can it only go in certain directions, for example, in terms of legal personality. By and large, it is premature to talk about replacing lawyers with robots, since only a lawyer can draw up a legal document, say the same court verdict in a criminal case against several persons, consisting of dozens of volumes, and machine algorithms can only act as assistants, since they do not possess the flexibility of the human mind. But, from the point of view of theoretical research and legal practice, issues related to artificial intelligence are not premature, but aimed at the future. For example, the development and use of unmanned vehicles. Countries such as the Netherlands, Singapore, and the United States are ready for the massive introduction of unmanned vehicles. In terms of the adoption of unmanned vehicles by consumers, Russia is on the 18th line [6].

If we single out the problems that relate to the legal status of artificial intelligence and to which scientists are looking for an answer, then they boil down to the following:

“1) the responsibility of the manufacturer [for the quality of the goods] (product liability), since robots, from the point of view of the legal regime, are also goods;

2) the legal regime (or legal status) of robots as quasi-agents (intermediaries), since robots, as they develop, are endowed with functions of increasing complexity that were previously performed by humans;

3) the limitation of liability in the sense that intermediaries, due to the legal nature of relations, cannot always bear full responsibility for their actions;

4) the application of measures of legal liability to legal entities as an analogy in cases of application of such to agents who are not individuals” [7].

Based on the list of the posed problems, the most urgent should include the problem of the legal regime and legal responsibility of artificial intelligence in the event of harm to those relations that are protected by the rule of law. At the moment, it is very difficult to give an unambiguous answer to the question posed, but this does not mean that it is not necessary to look for it. Life itself forces us to continue searching, because the development of IT-technologies cannot be ignored. If we assume that the work-agent (quasi-agent) can act as an independent participant in civil turnover, then who should be responsible: the developer of the program or the owner of the robot?

Artificial intelligence (robot), like any technology, no matter how perfect it may be, can make mistakes, break down, as a result of which harm the relations protected by law. At the moment, in view of the lack of a large-scale practice of introducing robotics without direct human control, the same principles of responsibility can be applied as for the owners of sources of increased danger under Art. 1079 of the Civil Code of the Russian Federation. Artificial intelligence (robot) can rightfully be attributed to sources of increased danger. And therefore, if the examination gives an opinion and it is proved that the cause of the damage caused was the software device, then the responsibility rests with the developer. If damage was caused by the robot due to, for example, negligent or untimely performance of routine or other work by the owner of the robot, the owner should be held liable.

The second direction of civil liability for damage caused is compulsory insurance of liability of robots [2, Ch. 48; 3]. According to the author, in such cases, the owners will have to buy the policy.

So, the current legislation makes it possible to solve, within the framework of the legal field, those cases when certain relations are damaged by robotics, where a person is excluded from the process. But for lawyers it is obvious that as artificial intelligence develops and is introduced into various public spheres, including those related to human security, the law will also change. Fundamentally new relationships associated with artificial intelligence will appear, and, consequently, new norms. Currently in Russia there are concepts of draft laws on robotics. The first such developer was the international law firm Dentons commissioned by Grishin Robotics. "The concept proposes to use the signs of a legal entity to determine the status of a robot defines a model of responsibility when using robots and allows the creation of a register in which robots will be classified by areas of use, level of development of artificial intelligence. This will further allow determining the boundaries of legal personality" [26].

The value of such concepts lies in the initiation of discussions on the systemic legislative regulation of a new field, which is called robotics. The discussion should answer to what extent the current legislation can be used to regulate relations with the participation of robots, and what measures should be taken in the field of lawmaking in this area in order to keep up with the development of promising technologies. All of the above convincingly proves that the development of new technologies, especially in the field of artificial intelligence and wireless networks, carries enormous benefits.

At the same time, according to philosophical teaching, there are no ideal things in the objective world. So known to us Hegel's dialectic consists in the triad "thesis – antithesis – synthesis". This triad means that any phenomenon in the world necessarily generates its own contradiction. If there is black, then there is also white. One cannot exist without the other. These two contradictions naturally enter into a relationship of interaction. Sooner or later, this interaction gives rise to synthesis – i.e. some new phenomenon that has absorbed the features of both thesis and antithesis. Synthesis itself becomes a new thesis and generates a new contradiction, and everything begins again and so on to infinity.

If digitalization, with the inclusion of artificial intelligence as its main link, is a thesis, then the opposite phenomenon of synthesis is born, i.e. a new phenomenon in the form of previously unknown threats, challenges and risks for society, despite all its progressiveness. Already today, researchers and experts in this field are sounding the alarm about this danger. To ignore this threat to the state, business and citizens in general means to underestimate the onset of grave consequences. Such concern is expressed by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin, arguing that "the first risk for the modern civilization of law in the conditions of the coming digital future is the confusion of a person and society, caused by a change in the methods of communication and the associated postmodern atomization of society" [11].

By itself, not a single technology does harm to the state and a specific person. Only the individual himself, using new technologies, gives them the property that allows them to commit criminal acts, thus achieving their criminal goals.

According to the author, the active introduction and use of artificial intelligence can negatively affect, for example, such a vulnerable problem for society as human rights and copyrights. On the pages of the legal press, it is noted that the emergence of "Tsifra" and artificial intelligence gives rise to a new law, which will take on the role of regulating new previously

unknown processes. A new term “digital rights” has appeared, which means “the rights of people to access, use, create and publish digital works, to access and use computers and other electronic devices, as well as communication networks, in particular to the Internet” [12].

So, for example, when developing entertainment software for radio, television in the press, including on the Internet, digitalization led to significant copyright infringements, as evidenced by many litigations, pirated or unauthorized use of someone else's information, etc. On the one hand, there is a call to give artificial intelligence more data, to remove sometimes far-fetched barriers, and on the other hand, is society ready to guarantee security, respect for the rights and interests of citizens? There is no clear answer to this question. It goes without saying that a balance should be found between maximum disclosure of information and the right of people to protect it. In the author's opinion, this is one of the fundamental problems that still await its resolution. And only the legal community can solve it. Therefore, today this problem must be translated into the plane of a practical solution, and this is evidenced by numerous examples from the life of modern Russian society. Let's dwell on some of them.

In 2006, the Federal Law "On Personal Data" was adopted. Its main goal is to ensure the protection of human and civil rights and freedoms when processing personal data, including the protection of rights and privacy, personal and family life. However, this Federal Law contains a number of exceptions when the processing of personal data does not require the consent of the subject of personal data [27, part 2 of Art. 6]. Problems affecting the interests of citizens in the implementation of this Law include: the procedure for drawing up an act of destruction of personal data of a subject; determining the requirements, in which cases the website is an information system; whether the operator has the right to request information about a criminal record; is it possible to obtain consent to the processing of personal data by phone; whether the credit institution has the right to process the personal data of individuals who have been denied a loan; is it possible to store loan application forms in digital copy format; is the electronic digital signature file proof of consent to the processing of personal data when purchasing goods in online stores, and others.

Federal Law No. 123-FZ, which entered into force on July 1, 2020, also allows the relevant state bodies “to process personal data related to the state of health obtained as a result of the depersonalization of personal data is allowed in order to improve the efficiency of state or municipal administration, as well as for other purposes provided for by the specified Federal Law” [1, p. 2.1. Art. 7].

Among the risks, according to the author, should include such a direction as the collection and use of biometric personal data and their processing. To conclude whether this direction is currently related to risks or not, we will illustrate with the following examples.

In the Sberbank Online mobile application, the bank's clients began to receive a notification and offer to consent to the collection of biometric data to improve protection and simplify the identification and authentication procedure (Authentication). This is explained by the fact that after submitting biometric data, any resident of the country can use the services of banks and government agencies without personal presence. In a press release from Sberbank it is said that for this "it is necessary to register with the ESIA (website of public services) and submit biometric parameters – face and voice templates – in an authorized bank".

In October 2019, employees of the Synergy corporate university took fingerprints from students of schools near Moscow without parental permission. The institution stated that the testing was carried out as part of a vocational guidance test, referred to dermatoglyphics – a teaching that supposedly determines the character and fate of the patterns on

the fingers. The children were not asked questions, they put them to the computer, scanned their fingers. Then they asked to give a name, surname, phone number and e-mail.

Based on the above examples, the conclusion is unequivocal – risks and threats exist. Let us dwell on the most common technologies that are most often used today in the criminal sphere and from which the state and citizens seek protection. So, the past 2019 was notable for the fact that almost 300 thousand crimes were committed in Russia using IT technologies. What's alarming about these numbers? First, the dynamics of such crimes is growing steadily. In 2018, compared to 2019, there were 68.5 percent fewer such crimes. Secondly, according to the Ministry of Internal Affairs, in the total volume of offenses, the share of crimes using IT technologies accounts for 14.5 percent, while in 2018 this figure was 8.8 percent. Of particular concern is the theft of money using social engineering (this is a method (of attacks) of unauthorized access to information or information storage systems without the use of technical means) – enticing confidential information (passwords, codes from SMS messages) from the victims themselves. For example, in 2019, the volume of transactions performed without the consent of customers (individuals and legal entities) exceeded 6.4 billion rubles. On average, 10 thousand rubles were stolen from one individual, and 152 thousand rubles from a legal entity [17].

Fraudsters in the present period are especially actively using information and telecommunication technologies for criminal purposes, which are “processes, methods of searching, collecting, storing, processing, providing, disseminating information and methods of implementing such processes and methods that, in conjunction with technical means of processing information databases form information systems” [4, Art. 2]. The latter, having penetrated into all spheres of life of modern society, are their integral part. This is expressed in the fact that they cover all resources that provide information management such as computers, telecommunications networks and software. A comparative analysis of the crimes committed in this area shows their monstrous growth. So, if in 2010 1819 cases of committing crimes in this way were identified, in 2011 – 2049, 2012 – 2748, 2013 – 2196, 2014 – 2187, 2015 – 13483 [23, p. 5], then in 2019 already 294.4 thousand crimes were registered. At the same time, almost fifty percent of all recorded cybercrimes are classified as grave and especially grave, which is 48.5 percent. The trend is that the line is gradually blurring between the work performed by a person and the task performed by a machine. As experts explain, even now it is sometimes difficult to understand who sits inside the system – a person or a machine.

What does the above analysis show? According to the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation: “In addition to the need to overcome such a risk (and here we cannot do without legal instruments), the law is included in digitalization processes in a number of other areas. First of all, there is a change in some legal phenomena. For example, the structure of offenses is changing” [11].

As an example, we can cite the Central Bank and the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, on whose initiative a Unified Biometric System was created, which allows you to remotely identify a client by the image of the face and the timbre of the voice (sound coloration of the voice, which creates certain shades of speech). The introduction of such a system is explained by the fact that after the delivery of biometric data, the client can use the services of banks and government agencies without personal presence. Today, such a system has been implemented in 11 thousand branches of 180 banks. 65 thousand people have already registered in it. Does this system pose a risk to citizens? In the opinion of the author it is definitely. It would seem

that faking a face image and voice imitation is quite difficult. But it is not so. There are already programs, such as "deepfake" (creating fake photos or videos), which can replace the face image in any video in real time or fake a person's voice. Moreover, according to experts, only a few audio and video files per minute are enough for their work. That is why, today, residents of many apartments, having heard a phone call, fearfully pick up the telephone receiver. Quite often, a strange question is heard from an unknown subscriber, the answer to which is required by voice confirmation. The question arises: since some people are trying to get a voice recording of certain phrases, then they are planning to use it in some way. Even if the audio recording cannot be used to gain access to accounts or to government services, still someone, for some purpose, is trying to illegally and automatically collect personal data of people.

For the sake of fairness, it should be noted that large companies are investing heavily in the development of technologies that will automatically distinguish fakes: detect the slightest unnatural movements of the face or hands, detect splices and changes in tone of voice, and so on. However, this "fight" is comparable to antivirus software. The technology develops very quickly, but every malicious software immediately begins to create an "antidote".

Currently, the growth of so-called distance theft continues. So, only in the city of Moscow in 2019 12 billion rubles were stolen from bank cards. In Russia as a whole, the number of remote thefts increased by 79 percent and from bank accounts by 240 percent.

According to the Ministry of Internal Affairs of Russia, from January to September 2019, 10.3 thousand crimes were registered under the article "Fraud using electronic means of payment." This is 417.3% higher than in the same period last year. In addition, during this period, 205 thousand crimes related to the use of information and telecommunication technologies were registered in Russia. This is 69.2% more than in 2018. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation reported that in 2019 more than 18.8 thousand crimes in the banking sector were registered in Russia, the damage exceeded 154 billion rubles [9].

Consumers who use electronic signatures are especially vulnerable. And the first crimes are known when the deal for the sale of an apartment was signed by an electronic signature by unknown people. It is noteworthy that the electronic signature was obtained through a personal account on the government services website. For the sake of objectivity, it should be noted that at present the legislator has made adjustments to the rules of transactions using an electronic signature.

There are risks when so-called "technical intermediaries" are used in the emerging relationships between people, in particular, in the provision of distance medical services, education, legal assistance, the sale of various tickets, etc., when the personal participation of the buyer is excluded. For example, for the match Lokomotiv – Juventus, which took place on November 6, 2019, dozens of people could not get into the stadium, as their tickets were counterfeit, having paid thousands of rubles (from 25 to 80 thousand). The sale was carried out from a fraudulent website.

The question arises: how to protect people in such cases? It seems that thoroughly developed legislation is indispensable. Crime is always ahead, it is an objective process. Digitization is changing the structure of crime. The rules of law governing the field of information and telecommunication technologies must keep pace with violations.

According to the author, the active introduction of digitalization into production, even in a country with a high level of GDP, will lead to the release of workers, and ultimately to a reduction in the number of jobs. According to the research organization McKinsey Global

Institute (Global Institute McKinsey), in the next ten years, new technologies will radically change the labor market on the planet, which will save about \$ 50 trillion. The changes will affect hundreds of millions of jobs [13]. And this means not only the loss of jobs and a decline in the standard of living of many people, but an increase in crime.

The most amazing thing is that from the point of view of humanity, each individual needs to develop much faster than the development of an artificial intelligence system. Moreover, the trend today is that the expansion of the capabilities of artificial intelligence goes along the path of "human improvement". The task is to overcome the biological limitations of a person, and ultimately gain control over his emotions and influence the emotional zones of the brain. According to the researchers: "If the artificial intelligence of the future meets expectations, it turns out to be a thinking humanoid robot with feelings and emotions, the laws will need to be changed in order to cover the roles of robots in society. This means that it will be necessary to revise the existing legal system and adapt it according to the changing needs of society" [24].

It can be safely assumed that such a unique function of it can lead to the fact that in certain circumstances a humanoid robot can act in different ways. Therefore, there is no guarantee that, under certain conditions, his actions may harm public relations that are protected by law. Obviously, "we need new approaches to the legal resolution of such problems, and, therefore, a fundamentally new normative regulation" [15, p. 25].

One of the most dangerous threats on a global scale is independent weapons systems, which are closely associated with artificial intelligence and are programmed to make independent decisions in order to protect states from a surprise attack. In the short term, according to the author, the nuclear arms race will be replaced by global rivalry in the development of military autonomous systems. The danger is that artificial intelligence could undermine geopolitical stability and disrupt the status of nuclear weapons as a deterrent. The lack of critical thinking in artificial intelligence can misjudge the situation, which can lead to irreparable catastrophic mistakes.

Therefore, the intensive introduction of digitalization in production and in the everyday life of an ordinary person not only gives him comfort, facilitates the solution of everyday problems, but also objectively leads to opposite interests and society should be ready for this. As shown by a poll conducted by VTsIOM, 12% of the population (every tenth Russian) does not trust these technologies, in particular, artificial intelligence.

Mistrust is expressed in the following figures. A third of all respondents (31%), due to fear of technical failures, every fifth (21%) fears leakage of personal information, every eleventh (9%) violation of personal space [this is a personal area where you can feel comfortable, protected, confident], the unpredictability of the development of artificial intelligence 5%. Along with this, 6% are convinced that people are more reliable. Artificial intelligence is positively assessed by representatives of science (72%), industry (69%) and transport (66%) [10].

Output. The development of technologies in the field of artificial intelligence, wireless networks undoubtedly brings many advantages for humanity. But nothing in the world is perfect. The introduction of these technologies carries a lot of dangers, which are already obvious today, and some have not yet emerged, but as they master them, they will make themselves felt in the form of damage to the relevant social relations. And the question arises before contemporaries: what awaits law in the future – with its total digitalization, algorithmization, big data, etc. Which path will it take? And does it give us, as individuals, the right to the future from the point of view of individual, subjective right?

The answer to the questions posed is given by Professor V.D. Zorkin. In particular, he writes that the law of the future in the era of digitalization is not about whether robots will write court decisions or whether artificial intelligence will replace the legal profession? "The law of the future is all those eternal values of equality, freedom and justice ... law as providential helps us find the most optimal solutions for regulating social relations and thereby predict the most favorable and just outcome of possible social conflicts" [11].

Bibliographic list

1. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation – a city of federal significance in Moscow and amending Articles 6 and 10 Federal Law "On Personal Data"// ATP ConsultantPlus.
2. Civil Code of the Russian Federation, Ch. 48 // www.consultant.ru
3. Federal Law "On the organization of insurance business in the Russian Federation" dated 27.11.1992, No. 4015-1 // www.consultant.ru
4. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // www.consultant.ru
5. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" which approved the "National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030" // SPS ConsultantPlus.
6. Astapenko E. Russia was in the "tail" of the rating of readiness for the introduction of unmanned vehicles // URL: <http://www.kolesa.ru/news/rossiya-okazalas-v-hvoste-rejtinga-gotovnosti-k-vnedreniyu-bespiilotnyh-avtomobilej> (date accessed: 05/14/2020).
7. Arkhipov V. Legal aspects of robotics URL: <http://old.advgazeta.ru/blog/posts/490> (date of access: 23.04.2020).
8. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the conditions of functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019.No. 1. P. 17–27 (DOI: 10.18384 / 2310-6794-2019-1-17-27); Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37; Vorobiev S.M., Komarov S.A. Legal status of cyber-physical systems: theoretical and legal comprehension // Theory of state and law. 2020. No. 1. P. 22–35.
9. The number of crimes with payment cards has sharply increased in Russia // URL: <https://regnum.ru/news/society/2776199.html> (date of treatment 04/30/2020).
10. Gusenko M. People are more reliable // Rossiyskaya Gazeta 2020, January 28.
11. Zorkin V.D. The law of the future in the era of numbers // Rossiyskaya Gazeta, 2020, April 16.
12. Zorkin V.D. Law in the digital space. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cif-rovye-pravaprava-grazhdan.html> (date of access: 05/11/2020).
13. Artificial intelligence – a threat or a helper for humanity? // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38931070> (date accessed: 02/05/2020).
14. Kuksin I.N. Artificial intelligence is a helper or competitor of a person // Law and state in the modern world: state, problems, development trends: materials of the international scientific and theoretical conference – V International "Maltsev Readings" – in memory of Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law Sciences, Professor Maltsev Gennady Vasilievich (Belgorod, April 28, 2018). Belgorod, LLC "GiK", 2018. P. 38–45.
15. Kuksin I. N., Markhheim M. V. "Digital revolution" legal and ethical problems // Constitutionalism: a symbiosis of science and practice: Materials of the International Round Table dedicated

to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N.V. Vitruk (Belgorod, November 8–9, 2019). Belgorod, 2019. P. 20–28.

16. Latukhina K. Digital space // Rossiyskaya Gazeta, 2019, November 11.

17. Markelov R. Payment abduction // Rossiyskaya Gazeta, 2020, February 20.

18. President Putin's plan // Rossiyskaya Gazeta, 2018, March 2.

19. See: Artificial intelligence, strong and not very // URK: <https://habr.com/ru/post/393071/> (date accessed: 04/15/2020)

20. According to the international network readiness index presented in the report "Global Information Technologies" for 2016, the Russian Federation ranks 41st in readiness for the digital economy, by a significant margin from dozens of leading countries, such as Singapore, Finland, Sweden, Norway, United States of America, Netherlands, Switzerland, United Kingdom, Luxembourg and Japan. In terms of economic and innovative results from the use of digital technologies, the Russian Federation ranks 38th, far behind leading countries such as Finland, Switzerland, Sweden, Israel, Singapore, the Netherlands, the United States of America, Norway, Luxembourg and Germany. ... See: Section III of the program "Digital Economy of the Russian Federation" // URL: <http://www.consultant.ru/> (date accessed: 12.03.2020)

21. Meeting on the development of technologies in the field of artificial intelligence // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60630> (date accessed: 11.02.2020).

22. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks // Management Consulting. 2018. No. 10. P. 46–63.

23. Khisamova Z.I. Criminal-legal measures of counteraction to crimes committed in the financial sphere using information and telecommunication technologies: dis. ... Cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2016. 222 p.

24. Quoted from: I.V. Ponkin, A.I. Redkina. Artificial intelligence from the point of view of law / Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. 2018. T. 22. No. 1. P. 91–109.

25. Lawyers will decide who will be responsible for robotics errors // URL: http://surfingbird.ru/surf/yuristy-reshat-kto-otvetit-za-oshibki-4urJ32e1c#.Wo6bq_opKM8 (date of access 22.04.2020).

26. Lawyers and science fiction: Dentons has developed the first draft law on robotics in Russia / URL: <http://www.lawfirm.ru/pr/index.php?id=16154> (date accessed: 05/11/2020).

27. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" //pravo.gov.ru

---

Please cite this paper as: Kuksin I.N., Khoda V.D. Digitalization – a new reality in law and new threats // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 128–140. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.007

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ***

***Аннотация.** Исследование механизма обеспечения национальной безопасности позволило определить внутренние связи юридической ответственности как сложного образования, а также внешние связи с другими применяемыми правоохранительными средствами. Изменение угроз, которые обусловлены как противоправными деяниями, так и ростом числа аномалий с правовым содержанием, требуют перенастройки института юридической ответственности. В действующем законодательстве должен быть заблаговременно закреплён правоохранительный потенциал, позволяющий эффективно противодействовать существующим и потенциальным рискам в сфере национальной безопасности.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность; правотворчество; правоприменение; механизм обеспечения; юридическая ответственность; вызовы; угрозы.*

В современных условиях безопасность является одной из важнейших общественных ценностей. От ее состояния зависит сохранение государственности, выживание общества и отдельного индивидуума. В этой связи на различных уровнях организации социума данной проблематике придается первостепенное значение, что требует реализации подхода рассчитанного на длительную перспективу, исключая временные политические конъюнктурные подходы. При этом важно учитывать динамику отношений в сфере безопасности, востребованность поддержания документов стратегического планирования в актуальном состоянии. Реализацией указанного подхода явилось принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в которой закреплены национальные интересы, стратегические национальные приоритеты государства, цели, задачи, а также меры обеспечения национальной безопасности [1].

Обеспечение национальной безопасности во многом зависит от принятия адресных мер, которые позволяют обеспечить качественную защиту личности, общества и государства от существующих и потенциальных угроз. Их разнообразие требует закрепления и применения соответствующего механизма. В нем значимую роль играет институт юридической ответственности, который встроен в сложную систему внутренних и внешних связей с правоохранительными и другими средствами.

Осмысление проблемы обеспечения национальной безопасности требует реализации системного подхода, что обусловлено ее значимостью и неоднородностью.

---

* Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента магистратуры, ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», Dmitri8@yandex.ru

** Макарейко Николай Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права, Нижегородская академия МВД России, makareiko_nik@mail.ru

*** Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

В этой связи важным является реализация разноуровневого изучения проблемы национальной безопасности: философии безопасности, теории национальной безопасности, теории отдельных видов национальной безопасности. Философия безопасности призвана показать природу явления, ее сущностные характеристики, создать методологическую базу для дальнейшего исследования данного явления в его различных проявлениях [2]. Теория национальной безопасности представляет собой систему политических, экономических, социально-культурных, технических знаний в данной сфере, формирование соответствующего методологического и прикладного инструментария. Теории отдельных видов национальной безопасности призваны сформировать понятие, цели, задачи, определить угрозы свойственные конкретному виду национальной безопасности, детализировать механизм обеспечения.

Национальная безопасность, будучи важнейшей общественной ценностью, нуждается в соответствующем обеспечении. Очевидно, что ее неоднородный характер, что подтверждается ее классификационной моделью, требует формирования и взаимодействия соответствующего механизма, а не разрозненных средств. В литературе отсутствует единство воззрений по данному вопросу. Отдельные авторы отказываются от использования категории «механизм» при характеристике обеспечения безопасности, а предлагают использовать термин «система». Так, А.И. Стахов при исследовании административно-публичного обеспечения безопасности отмечает: «Система обеспечения безопасности в Российской Федерации может быть определена как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных органов государственной власти и местного самоуправления, их системных образований и должностных лиц, наделенных государством полномочиями по установлению и (или) обеспечению исполнения, соблюдения и применения общеобязательных условий и требований безопасности» [3, с. 95–96]. В дальнейшем автором анализируются методы обеспечения безопасности с акцентом на административное принуждение. В данном случае рассматриваются не только субъекты обеспечения национальной безопасности, но и применяемый при этом инструментарий. Мы полагаем, что при таком подходе имеет место искусственный разрыв связи между субъектами обеспечения безопасности и применяемыми при этом методами.

Многими исследователями аргументируется использование категории «механизм» при рассмотрении проблемы обеспечения национальной безопасности, ее отдельных видов. Наряду с этим отсутствует единство в его характеристике. Так, С.Ю. Чапчиков определяет механизм обеспечения национальной безопасности как «взятую в единстве нормативно организованную систему публично-властных и других институтов и правовых инструментов (средств, методов, способов, приемов), эффективное функционирование которой гарантирует реализацию в полном объеме конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность, а также устойчивое социально-экономическое развитие общества и государства на перспективу» [4, с. 264]. Он объединяет в рамках единого определения понятия различных характеристик, что приводит к «размыванию» рассматриваемого явления. Очевидно, что механизм обеспечения национальной безопасности, будучи сложным полисистемным образованием, включает в себя следующие подсистемы: подсистему субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями в сфере национальной безопасности; подсистему правовых и организационных средств обеспечения; подсистему организационной инфраструктуры, предназначенной для обеспе-

чения состояния должной защищенности общественных отношений от существующих и потенциальных угроз.

Продуктивность рассмотрения вопроса обеспечения национальной безопасности посредством категории «механизм» обнаруживается и в действующем законодательстве. Так, в п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ, определено, что «обеспечение национальной безопасности – реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов». Ее разработчики не детализировали применяемый при этом инструментарий, но сделали акцент на необходимость реализации комплексного подхода. Изучение выше указанного документа стратегического планирования позволяет заключить, что термин «механизм» использован в его тексте более десяти раз. В свою очередь в документах стратегического планирования, посвященным отдельным видам национальной безопасности, детально прописана характеристика механизма обеспечения. Так, VII раздел Доктрины продовольственной безопасности РФ [5] посвящен характеристике механизмов и организационных основ обеспечения продовольственной безопасности.

С учетом заявленной темы, мы сконцентрируем свое внимание на инструментальной характеристике механизма обеспечения национальной безопасности с акцентом на те методы, которые задействуются в целях обеспечения национальной безопасности. Наша позиция получила поддержку в литературе, где механизм обеспечения национальной безопасности определяется как «систему средств, с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие на подвергнувшиеся угрозам общественные отношения и социальные процесс с целью защиты жизненно важных интересов общества и государства» [6, с. 110]. Предназначение указанного механизма заключается в достижении посредством соответствующих методов должного состояния защищенности общественных отношений от существующих и потенциальных угроз.

Обеспечение национальной безопасности требует осуществления целенаправленного воздействия уполномоченных субъектов посредством соответствующих методов по обнаружению, предупреждению, прекращению соответствующих угроз и нейтрализации их негативных последствий. Включенные в единый механизм, они (методы) направлены на должное обеспечение национальной безопасности. Их нормативное закрепление, выбор и применение определяет степень достижения запрограммированных целей. В этой связи можно признать, что между ними существует следующая связь: *цель – метод – результат*.

Реальное обеспечение национальной безопасности зависит от характеристики защищенности соответствующих видов национальной безопасности. В этой связи принципиальную важность приобретает выстраивание, нормативное правовое опосредование и обеспечение функционирования оптимальной системы национальной безопасности.

Обращение к российскому законодательству позволяет заключить, что в настоящее время отсутствует детальное закрепление системы национальной безопасности. Такое положение не только не способствует изучению данного явления, но и негативно сказывается на прикладном аспекте, реальном обеспечении защищен-

ности соответствующих отношений от существующих и потенциальных угроз. При этом данная посылка относится как к нормативному правовому регулированию, так и применению соответствующих методов воздействия. Избирательность в определении видов национальной безопасности приводит к тому, что ряд отношений не получают необходимой защищенности, так как искусственно выведены из орбиты государственно-правового внимания, и не вырабатываются адекватные стратегия и тактика обеспечения национальной безопасности.

В ст. 1 Федерального закона «О безопасности» закреплено, что безопасность включает в себя безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности, а также иные виды безопасности, то есть законодателем использован «открытый» перечень. Не проясняет ситуацию и Стратегия национальной безопасности РФ, где в п. 6 к видам национальной безопасности отнесены: оборона страны (военная безопасность), государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность, безопасность личности. Со всей определенностью следует отметить, что система национальной безопасности не может оставаться неизменной (*constant*), ей присуща соответствующая динамика, которую следует учитывать в ходе ее обеспечения. В этой связи Н.А. Трусов отмечает: «С развитием общества и государства феномен национальной безопасности включает в себя новые параметры, обрастает новыми характеристиками и форматами, при этом традиционные параметры и характеристики претерпевают изменения» [7, с. 59].

Динамика системы национальной безопасности предопределена непостоянством, изменчивым характером угроз. Следует учитывать, что традиционные угрозы (организованная преступность, экономическая преступность, терроризм, экстремизм и др.) не утратили своей актуальности и требуют задействования соответствующих ресурсов противодействия. Наряду с этим следует принимать во внимание появление новых угроз, которые до недавнего времени не были актуальны для национальной безопасности Российской Федерации. В этой связи востребован «системный подход к осуществлению государственной политики по обеспечению безопасности Российской Федерации от многочисленных по своему содержанию угроз...» [8, с. 59].

Одна из актуальных угроз национальной безопасности кроется в цифровизации общественных отношений. Очевидно, что широкое использование цифровых технологий повлекло за собой значительный рост киберпреступности [9, с. 19] и другие негативные последствия. Со всей очевидностью следует признать неготовность правоохранительной системы противодействовать данному виду преступности.

Было бы ошибочным связывать разрешение проблемы обеспечения национальной безопасности в фокусе цифровизации исключительно с экономикой. Речь идет обо всех, без исключения, общественных отношениях, которые являются объектом информационного воздействия разной степени интенсивности. Очевидно, что экономика, ее отдельные сферы, как в настоящее время, так и в перспективе будут претерпевать существенные изменения посредством применения цифровых технологий, выступать своеобразным драйвером информационных преобразований. Вместе с тем и такие отрасли социально-культурной сферы как здравоохранение, наука, образования в значительной степени трансформируются посредством интенсивного внедрения цифровых технологий. Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) выступила в качестве своеобразного катализатора, который не только

ускорил, но и запустил цифровые технологии в ряде сфер общественной жизни. В ряде субъектов Российской Федерации (Москва, Московская область, Нижегородская область и др.) активно использовали указанные технологии в административно-политической сфере в целях обеспечения административно-правового режима санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Очевидно, что цифровизация позволяет многократно ускорить коммуникацию, решить ряд проблем с охраной здоровья граждан, обеспечением национальной безопасности. Наряду с этим вызваны к жизни и новые проблемы, а традиционные получили новое содержание. Например, террористы и экстремисты активно используют потенциал информационных технологий для реализации своих преступных замыслов. В ряде случаев они получают возможность избежать контроля со стороны правоохранительных органов, а границы государств утрачивают свое традиционное предназначение по обеспечению суверенитета. Произошло сращивание терроризма и современных информационных технологий, которое получило свое выражение в кибертерроризме, что требует существенной перенастройки правоохранительного механизма. «Изворотливость и профессионализм современных кибертеррористов, а также их фантастически возросшие технологические возможности требуют от правоохранительных органов всего мира разработки адекватных механизмов противодействия кибертерроризму, стратегия борьбы с которым должна быть направлена на предупреждение и минимизацию угроз и рисков, порождаемых глобальной цифровизацией» [11, с. 173].

При финансировании терроризма в настоящее время широкое применение получили цифровые технологии [12]. Их использование позволяет скрыто получать необходимые финансовые ресурсы для последующего их использования для совершения террористических актов. При этом значительно усложняется осуществление контроля и применения мер противодействия.

Важно учитывать, что внедрение цифровых технологий требует повышенного внимания к обеспечению информационной безопасности, что обусловлено природой осуществляемого воздействия. Следует принимать во внимание, что такое воздействия носит разновекторный характер и оказывает негативное влияние, неся определенные угрозы и для других видов безопасности (экономической, экологической, энергетической и др.). Очевидно, что оптимизация ряда отношений посредством цифровизации сопряжена с существенными рисками, что требует дополнительного внимания с позиции обеспечения их защищенности [34]. Решение этой многосложной задачи требует мобилизации организационных, технологических, правовых и иных усилий. При этом очевидным является необходимость обеспечения данной деятельности в «правовом поле», что всемерно актуализирует проблему обеспечения юридической безопасности в новых условиях. Недопустимо осуществление деятельности по противодействию новым угрозам в сфере национальной безопасности за рамками действующего законодательства, что порождает юридическую безответственность [13, с. 16].

Важно, чтобы все виды юридической деятельности были «настроены» на функционирование в новых реалиях. «Цифровизация оказывает заметное влияние на право, не только, как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности» [12, с.10]. При этом указанный процесс не ограничива-

ется выработкой исключительно внутригосударственных правовых механизмов, а с учетом масштаба проблемы, должен быть интегрировано с международно-правовыми средствами противодействия.

Данная посылка в полной мере относится и к средствам обеспечения национальной безопасности. Их эффективность/неэффективность применения зависит не только от качества нормативного правового закрепления, но и толкования и применения. Важно принять меры по недопущению сбоя на всех этапах его действия: от формирования (нормативного регулирования) и до применения соответствующих мер противодействия.

Обеспечение национальной безопасности требует осуществления творческого подхода, отказа от стереотипов, «слепого» заимствования зарубежного, пусть и продуктивного, опыта без его адаптации к российским реалиям. Вместе с тем нельзя игнорировать очевидных, проверенных временем закономерностей в данной сфере правоохранительной деятельности.

Функционирование механизма обеспечения национальной безопасности осуществляется посредством применения соответствующих методов, которыми располагают уполномоченные в данной сфере субъекты. Под методами обеспечения национальной безопасности понимается система приемов, способов государственно-властного воздействия, реализуемых уполномоченными субъектами в целях обеспечения состояния должной защищенности общественных отношений от внутренних и внешних угроз в установленных правовых формах.

Неоднородный характер задач, решаемых в ходе обеспечения национальной безопасности, объективно предполагает реализацию разнообразных методов. Вместе с тем традиционно применяются такие универсальные методы как убеждение и государственное принуждение. «Диалектика соотношения убеждения и принуждения, границы использования этих методов, взаимодействие убеждения с отдельными видами принуждения, их роль и преобладание в различных отраслях отечественной науки, взаимодействие с другими методами государственного управления представляют собой открытую и актуальную проблему в современном обществе» [14, с. 64].

При этом важно, чтобы они не конкурировали, органично дополняли друг друга при решении задач в сфере национальной безопасности. Следует отметить, что в литературе предлагается широкая трактовка государственного принуждения. Так, О.Б. Купцов предлагает включить в названный метод как негативное, так и позитивное принуждение [15, с. 154]. В этом случае в его состав наряду с собственно принуждением введены такие методы позитивного стимулирования как убеждение и поощрение. Данный подход имеет определенные перспективы и в этой связи требует дополнительного осмысления.

В настоящее время не преодолено ошибочное восприятие государственного принуждения как вспомогательного метода воздействия, который применяется, когда посредством убеждения не достигается запрограммированный результат [16, с. 129]. Такой подход является упрощенческим, не отвечающим действительности. Мы ни в коей мере не отрицаем важность и востребованность применения мер убеждения, а также других методов позитивного государственно-правового воздействия. Не случайно в литературе отмечается необходимость баланса применяемых средств, недопустимости необоснованного, сверхинтенсивного применения государственного принуждения. «В случаях преобладания одного государственного

принуждения, исключая возможность сочетания с поощрением при регламентации общественных отношений, которые не требуют жесткой регламентации, необходимо ставить вопрос о юридической безответственности и непродуманности решений со стороны самого законодателя» [17, с. 18].

Вместе с тем следует признать, что в ряде случаев у правоприменителей остается ограниченный набор мер и отсутствует альтернатива государственному принуждению. Такое положение объясняется спецификой развития отношений в сфере национальной безопасности, сложно контролируемом возрастании опасности, дефицитом времени, недостаточностью сил и средств. В таких условиях государственное принуждение выступает безальтернативным средством противодействия угрозам в сфере национальной безопасности.

Будучи неоднородным государственно-правовым явлением, государственное принуждение востребовано при решении самого широкого круга правоохранительных задач в сфере национальной безопасности. Качественное разнообразие видов государственного принуждения позволяет осуществить государственно-принудительное воздействие для достижения различных целей. Не случайно в научной литературе широкое распространение при выстраивании классификационной модели государственного принуждения получил критерий целевого предназначения и способа обеспечения правопорядка и безопасности. Вместе с тем некоторые авторы отрицают перспективность использования выше названного критерия. Например, П.В. Дихтиевский при исследовании административно-правового механизма обеспечения личной безопасности отмечает: «... используемые для классификации критерии (непосредственная цель и способ охраны правопорядка) не являются универсальными. В то же время вряд ли указанные критерии можно считать и достаточно определенными для данной классификации. Если предположить, что непосредственная цель и способ – два различных критерия, то непонятно почти полное совпадение результатов классификации, проведенной на их основе» [18, с. 173]. Указанный автор сам же дает ответ на свой вопрос. Обращение к комплексным критериям при классификации является обычным приемом. В то же время, совпадение результатов свидетельствует о правильности подходов большинства исследователей в процессе дифференциации государственного принуждения.

Использование выше названного критерия позволяет выделить следующие формы (виды) государственного принуждения: предупреждение, пресечение, процессуального обеспечения, юридической ответственности, правовая защита (правовосстановление) [19, с. 95]. Встроенные в единую систему, выше названные формы государственного принуждения, взаимодействуют и дополняют друг друга в ходе обеспечения национальной безопасности. При этом, следует учитывать определенную последовательность применения мер государственного принуждения. Так, меры предупреждения и пресечения, традиционно предшествуют применению мер процессуального обеспечения, юридической ответственности, правовосстановления.

И.Б. Кардашова, рассматривая проблемное поле обеспечения национальной безопасности, справедливо акцентирует внимание на роль принудительных методов. Такая авторская позиция основывается на действующем законодательстве и практике его применения. При этом делается акцент на необходимость использования превентивного принудительного воздействия. «Одним из основных принципов обеспечения национальной безопасности является приоритет превентивных (предупредительных) мер. Это связано с тем, что перед возникновением угрозы на-

циональной безопасности обычно происходят определенные процессы или явления, которые являются их предзнаменованием, т. е. возникает опасность, отличающаяся от угрозы степенью риска причинения ущерба безопасности личности, общества и государства» [20, с. 60].

Качественное обеспечение национальной безопасности во многом предопределено мониторингом соответствующих угроз, их своевременным обнаружением и принятием мер по их предупреждению и прекращению. Широкое поле реализации мер предупреждения предопределено тем обстоятельством, что они могут быть применены и при отсутствии состава правонарушения. «Предупредительные (превентивные) меры обеспечивают на основе юридических презумпций возможность предотвращения правонарушений или иных вредных последствий, которые вызываются стечением определенных обстоятельств» [21, с. 87]. Речь идет о, так называемых аномалиях с правовым содержанием, то есть презюмируемых, предполагаемых юридических фактах. При этом они могут быть связаны как с противоправным деянием, так и действиями стихийных сил природы и техногенными процессами, авариями. Высокий вероятностный характер презумпции указывает на то, что указанный факт в будущем будет реально существовать. В пользу этого говорит прошлый опыт, сформированная ранее правоприменительная практика.

Широкое применение в сфере национальной безопасности получили меры пресечения, что обусловлено их мощным прекратительным (пресекающим) потенциалом. При этом следует учитывать, что фактическими основаниями применения названных мер могут выступать как деяния, которым в полной мере присущ состав правонарушения, так и не обладающие таковым. Другими словами, для их применения в ряде случаев достаточно реально наличествующего факта противоправного деяния безотносительно к возрасту и вменяемости субъекта его совершившего.

Данные свойства указанных мер позволяет оперативно реагировать на юридические факты, в которых заключен определенный разрушительный потенциал для национальной безопасности. Такое принудительное воздействие позволяет не допустить возрастания степени общественной опасности угроз, их окончательного оформления в преступление. Не случайно Указом Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [22], нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации основное внимание было акцентировано на введение таких мер государственного принуждения как предупреждение и пресечение. Речь идет о запрете массовых мероприятий, ограничение работы ряда предприятий и организаций, ограничение передвижения, введение пропускного режима и др. Такой подход закономерен и направлен на минимизацию негативных последствий связанных с распространением новой коронавирусной инфекции.

Изменения коснулись и института юридической ответственности. В частности, Федеральным законом от 1 апреля 2020 года № 999-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [23] были дополнены статья 6.3 частями 2, 3; статья 13.15 частями 10.1, 10.2; статья 14.4.2 частью 4; статьей 20.6.1 Кодекс РФ об административных правонарушениях, а статья 20.16 КоАП РФ была изложена в новой редакции. Схожий подход был реализован и в отношении института уголовной ответственности. Так, Федеральным законом от 1 апреля 2020 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

сийской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [24] были внесены статьи 207.1, 207.2 УК РФ, изменена редакция статьи 236 УК РФ.

Характер внесенных изменений и дополнений очевиден. Они направлены на усиление административной и уголовной ответственности за нарушение административно-правового режима санитарно-эпидемиологического благополучия и общественной безопасности. Другими словами, речь идет о расширении границ юридической ответственности. Законодатель, по всей видимости, исходил из недостаточности потенциала административной и уголовной ответственности, что должно было позитивно сказаться на обеспечении безопасности личности и общественной безопасности как составных элементов национальной безопасности. В этой связи закономерно возникает вопрос востребованности таких изменений. Полагаем, что общественная опасность девиантного поведения потребовала активизации потенциала административной и уголовной ответственности. Вместе с тем не понятно, по какой причине она не была ранее предусмотрена, что не приемлемо на фоне сверх активности законодателя в области нормативного правового регулирования указанных видов публичной юридической ответственности. В этой связи можно говорить об определенном дефекте правовой безопасности, отсутствии прагматизма в деятельности законодателя. Он проявился в пробельности законодательства, когда отсутствуют правовые нормы, устанавливающие юридическую ответственность.

Внесенные изменения и дополнения вызвали сложности у правоприменителей, в ряде случаев приводили к юридическим ошибкам. Ситуация в определенной мере была разрешена утверждения Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. «Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» [25].

Существуют определенные закономерности реализации мер соответствующих форм государственного принуждения. Применение юридической ответственности осуществляется при неприменении, несвоевременности применения мер предупреждения и пресечения. В этой связи можно говорить о наличии очевидных генетических связей между ними. Другими словами, потенциал юридической ответственности востребуется при «сбое» в применении выше указанных мер государственного принуждения. Может сложиться представление, что применение юридической ответственности является своеобразным индикатором «брака» в обеспечении национальной безопасности. Такая позиция является упрощенческой, не позволяет увидеть всю глубину проблемы. В ряде ситуаций у правоприменителей отсутствует возможность применить меры предупреждения и пресечения. В этой связи юридическая ответственность является тем необходимым средством, которое должно быть использовано. В противном случае позитивное нормативное правовое регулирование, не обеспеченное юридической ответственностью, будет носить декларативный характер и не получить полноценную защиту отношений безопасности.

Отдельно следует акцентировать внимание на ответственность субъектов наделенных государственно-властными полномочиями в сфере национальной безопасности. Высокая степень «напряженности» отношений безопасности требует ответственного подхода уполномоченных субъектов по исполнению возложенных на них обязанностей. Традиционно юридическая ответственность названных субъектов связывается с правоприменительной деятельностью в рассматриваемой сфере.

Такой подход предопределен тем, что они несут наибольшую нагрузку по защите общественных отношений от существующих и потенциальных угроз. В этой связи допущенные нарушения, особенно коррупционной направленности, негативно сказываются на состоянии безопасности, а в некоторых случаях выступают катализатором правонарушений, посягающих на национальную безопасность. Закономерным является закрепление в пункте 46 Стратегии национальной безопасности РФ в качестве одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности повышения уровня ответственности за совершение коррупционных преступлений.

Признавая оправданность такого подхода, следует отметить несовершенство, а в большинстве случаев безответственность законодателей и других субъектов правотворчества. Такое положение объясняется отсутствием реальных механизмов привлечения указанных субъектов к юридической ответственности. При этом урон отношениям в сфере национальной безопасности в ряде случаев предопределен некачественным нормативным правовым регулированием. Не умоляя значение позитивной юридической ответственности, следует признать ее недостаточность. Низкий уровень правовой безопасности законодательства в сфере национальной безопасности является во многом результатом деятельности субъектов правотворчества.

В действующем законодательстве отсутствует эффективный механизм ответственности субъектов правотворчества за качество принимаемых нормативных правовых актов. Законодателем предпринята попытка закрепить юридическую ответственность субъектов обеспечения национальной безопасности в ст. 45 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [26]. В ней предусмотрена дисциплинарная, гражданско-правовая и административная ответственность в соответствии с действующим законодательством лиц, виновных в нарушении законодательства и иных нормативных правовых актов в сфере стратегического планирования. Другими словами использована бланкетная конструкция. При таком подходе возникают определенные сложности, так как отсутствуют реальные меры юридической ответственности за совершение правотворческих ошибок.

При закреплении юридической ответственности важно в комплексе задействовать потенциал указанного института. Традиционно основной акцент делается на административной и уголовной ответственности. Об этом свидетельствуют особенные части КоАП РФ и УК РФ, нормами которых предусмотрена административная и, соответственно, уголовная ответственность за деяния, посягающие на национальную безопасность. Важно, что эта тенденция сохранилась и в рамках реформирования законодательства об административных правонарушениях.

В проекте КоАП РФ получила закрепление глава 39, в которой установлена административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественную безопасность. Приветствуя подобный законодательный подход, необходимо указать на очевидный дефект. Он заключается в том, что в реальности речь идет о национальной безопасности, которая является родовым объектом административно-правовой охраны. Обращает на себя внимание установление связи с уголовной ответственностью за преступления, посягающие на безопасность (статьи 39.1–39.3 проекта КоАП РФ). В это связи можно говорить о стремлении законодательно опосредовать соответствующую функциональную связь между административной и уголовной ответственностью.

При закреплении административной и уголовной ответственности в сфере национальной безопасности важно законодателем верно «замерить» общественную

опасность деяний. В этой связи востребованным является использование составов преступлений с административной преюдицией. В качестве примера можно сослаться на ст. 264.1 УК РФ, когда привлечение к уголовной ответственности возможно при условии предварительного применения административной ответственности по статьям 12.8 или 12.26 КоАП РФ. Данная практика позитивно себя зарекомендовала и требует расширения.

На этом фоне сомнительным является инициирование Верховным Судом РФ института уголовного проступка [27]. Данное предложение Л.В. Головки рассматривает его как очередную попытку американизации российского права [28, с. 131]. Очевидно, что не стоит идти по пути сомнительного правового эксперимента, а использовать наработанный алгоритм расширения практики закрепления преступлений с административной преюдицией.

Важную роль в системе юридической ответственности играет дисциплинарная ответственность. Ее потенциал востребован по отношению к уполномоченным субъектам обеспечения национальной безопасности как в случае бездействия последних, так и при злоупотреблении своими полномочиями. В литературе отмечается, что ее специфика во многом предопределена статусом субъекта ответственности [29, с. 195]. Важно, что потенциал данного вида юридической ответственности широко задействован как важное средство противодействия коррупционным правонарушениям и доказал свою эффективность [30].

Очевидная генетическая связь прослеживается между административной и дисциплинарной ответственностью, когда субъектом административного правонарушения является военнослужащие или иное лицо, имеющее специальное звание (ст. 2.5 КоАП РФ). В этом случае административное правонарушение влечет за собой дисциплинарную, а не административную ответственность. Такое законодательное решение вполне закономерно, но требует уточнения. Например, вызывают вопросы «удвоение» юридической ответственности указанных субъектов, которые наряду с привлечением к административной ответственности, например, за нарушения в области безопасности дорожного движения, несут и дисциплинарную ответственность, вплоть до увольнения в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел [24].

Наряду с публично-правовыми видами юридической ответственности в механизм обеспечения национальной безопасности встроена гражданско-правовая ответственность. Так, возмещение ущерба, вреда, причиненных административным правонарушением, осуществляется в порядке статьи 4.7 КоАП РФ. Вместе с тем данным значимым фактом не ограничивается. Причинение имущественного ущерба в результате совершения коррупционного правонарушения влечет за собой гражданско-правовую ответственность. «Объем подлежащего возмещению или компенсации причиненного актом коррупции вреда с учетом его характера, принципов полного возмещения, добросовестной, разумной и справедливой компенсации, критериев и факторов причинения вреда и усмотрения суда (соглашения участников связи) определяется таким образом, чтобы восстановить имущественное положение потерпевшего, которое он имел до причинения вреда, или обеспечить наиболее адекватное личное удовлетворение потерпевшего» [31, с. 36].

Аналогичная функциональная связь прослеживается между гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственностью. Она предопределена тем, что преступления, посягающие на национальную безопасность, сопряжены с причинением

имущественного ущерба. Особенно данный вопрос остро стоит в области обеспечения экономической безопасности. При этом важно учитывать, что законодателем предприняты шаги по стимулированию добровольного возмещения ущерба. Об этом свидетельствует редакция статьи 76.1 УК РФ, который предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Данный механизм позволяет стимулировать правовую активность лиц, совершивших преступление, что позволяет последним избежать уголовной ответственности [32, с. 57]. Его сложность предопределила потребность выработки соответствующих правовых позиций высшего органа судебной власти по уголовным делам [33].

Выводы.

1. Сложность и неоднородный характер национальной безопасности предопределило потребность использования соответствующего механизма обеспечения. Он представляет собой систему методов, которые используют уполномоченные субъекты в установленном процессуальном порядке в целях обеспечения национальной безопасности.

2. Существенным потенциалом в механизме обеспечения национальной безопасности обладает государственное принуждение, которое взаимодействует с методами позитивного воздействия. Меры государственного принуждения позволяют оперативно реагировать на существующие и потенциальные угрозы в сфере национальной безопасности. В настоящее время с традиционными активизируются угрозы, которые обусловлены цифровизацией общественных отношений, а также ростом чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

3. Характер существующих и потенциальных угроз в сфере национальной безопасности требует обеспечения взаимодействия мер предупреждения, пресечения и юридической ответственности, которые находятся в сложных генетических и функциональных связях. Перспективным является осуществление предупредительно-пресекающего воздействия. Его низкая эффективность требует задействования потенциала юридической ответственности. В ряде ситуаций юридическая ответственность является безальтернативным средством государственно-принудительного воздействия.

4. Высокая динамика отношений в сфере национальной безопасности требует соответствующей «настройки» института юридической ответственности и поддержания его в рабочем состоянии. Качественная неоднородность юридической ответственности позволяет решать широкий круг правоохранительных задач в сфере национальной безопасности. В этой связи важно заблаговременно продиагностировать и обеспечить оптимальные закрепление мер юридической ответственности применяемых в сфере национальной безопасности.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
2. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – М., 2002. – 45 с.
3. Стахов А.И. Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федерации: монография / научн. ред. Б.В. Россинского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. – 199 с.
4. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Курск, 2018. – 414 с.

5. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 4. – Ст. 345.

6. Колокольцев В.А., Шукшина Е.Г., Пузанов Ю.П., Тищенко А.Г., Щербаковский Г.З. Структура и содержание механизма обеспечения национальной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3 (27). – С. 108–111.

7. Трусов Н.А. Правовое закрепление понятия и системы национальной безопасности России // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 76–80.

8. Курдюков С.И. Организованная преступность как угроза экономической безопасности России // Российский следователь. – 2019. – № 4. – С. 59–62.

9. Алиев В.М., Соловых Н.Н. Цифровая экономика поставила нас перед необходимостью решения проблемы обеспечения цифрового суверенитета // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 3. – С. 18–22.

10. Антонян Е.А., Аминов И.И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 167–177.

11. Ференец В. Bankas a service [Интервью с Б. Кимом] // Банковское обозрение. – 2018. – № 9. – С. 76–79.

12. Хабриева Т.Я. Право перед вызовом цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

13. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность и безответственность, правовая и национальная безопасность: проблемы соотношения и системных связей // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 4 (50). – С. 6–17.

14. Косых А.А. Убеждение в праве: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2015. – 187 с.

15. Купцов О.Б. Экономическая функция современного Российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 207 с.

16. Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов, 2005. – 332 с.

17. Липинский Д.А. Юридическая ответственность и безответственность как парные юридические категории // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 2 (48). – С. 6–24.

18. Дихтиевский П.В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 256 с.

19. Макарейко Н.В. Эффективность мер государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности: монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – 349 с.

20. Кардашова И.Б. О роли административно-правовых методов в обеспечении национальной безопасности // Административное право и процесс. – 2016. – № 5. – С. 59–63.

21. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 120 с.

22. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2082.

23. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2029.

24. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2030.

25. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Фе-

дерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс», 2020. (документ опубликован не был)

26. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

27. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 № 42 // СПС «КонсультантПлюс», 2020. (документ опубликован не был).

28. Головки Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. – 2018. – № 1. – С. 127–136.

29. Носова Ю.Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос. ун-та, 2011. – 208 с.

30. Григорьев И.В., Крипак М.В. Особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. – 2018. – № 5. – С. 1–10.

31. Лепеха К.В. Увольнение должностных лиц из органов внутренних дел по основаниям совершения проступка, порочащего честь сотрудника ОВД // Законность. – 2017. – № 8. – С. 29–31.

32. Гришко А.Я. Возмещение вреда, причиненного преступлением: постановка проблемы // Административное право и процесс. – 2017. – № 10. – С. 56–60.

33. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Российская газета, 2013, 5 июля.

34. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

Для цитирования: Липинский Д.А., Макареико Н.В. Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 141–154. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.008

Dmitry A. Lipinsky*
Nikolai V. Makareiko**

LEGAL RESPONSIBILITY IN THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY ***

Annotation. The study of the mechanism for ensuring nationality made it possible to determine the internal links of legal responsibility as a complex entity, as well as external links with other applied law enforcement means. Changes in threats that are caused by both illegal acts and an increase in the number of anomalies with legal content require reconfiguring the institution of legal responsibili-

---

* Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Master's Degree, FSBEI HE "Togliatti State University", Dmitri8@yandex.ru

** Makareiko Nikolai Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, makareiko_nik@mail.ru

*** The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00083 A "Legal responsibility in the mechanism of ensuring national security".

Theory of State and Law

---

ty. In the current legislation, law enforcement potential must be secured in advance, allowing to effectively counteracting existing and potential risks in the field of national security.

Keywords: *national security; lawmaking; enforcement; provision mechanism; legal responsibility; challenges; threats.*

In modern conditions, security is one of the most important social values. The preservation of statehood, the survival of society and the individual depend on its state. In this regard, at various levels of the organization of society, this issue is of paramount importance, which requires the implementation of a long-term approach that excludes temporary political opportunistic approaches. At the same time, it is important to take into account the dynamics of relations in the field of security, the demand for maintaining strategic planning documents up to date. The implementation of this approach was the adoption of the National Security Strategy of the Russian Federation, which enshrines national interests, strategic national priorities of the state, goals, objectives, and measures to ensure national security [1].

Ensuring national security largely depends on the adoption of targeted measures that ensure high-quality protection of the individual, society and the state from existing and potential threats. Their diversity requires the consolidation and application of an appropriate mechanism. The institution of legal responsibility plays a significant role in it, which is built into a complex system of internal and external relations with law enforcement and other means.

Understanding the problem of ensuring national security requires the implementation of a systematic approach, which is due to its importance and heterogeneity. In this regard, it is important to implement a multi-level study of the problem of national security: security philosophy, theory of national security, theory of certain types of national security. The philosophy of safety is intended to show the nature of the phenomenon, its essential characteristics, to create a methodological basis for further research of this phenomenon in its various manifestations [2]. The theory of national security is a system of political, economic, socio-cultural, technical knowledge in this area, the formation of appropriate methodological and applied tools. Theories of certain types of national security are designed to form a concept, goals and objectives, to determine the threats inherent in a specific type of national security, to detail the mechanism of support.

National security, being the most important public value, needs appropriate support. Obviously, its heterogeneous nature, which is confirmed by its classification model, requires the formation and use of an appropriate mechanism, and not isolated means. In the literature, there is no unity of views on this issue. Some authors refuse to use the category "mechanism" when characterizing security, but suggest using the term "system". So, A.I. Stakhov, in his study of administrative-public security, notes: "The security system in the Russian Federation can be defined as a set of interrelated and interdependent bodies of state power and local self-government, their system formations and officials vested by the state with the authority to establish and (or) enforce, compliance and application of generally binding conditions and safety requirements" [3, p. 95–96]. In the future, the author analyzes security methods with an emphasis on administrative coercion. In this case, not only the subjects of ensuring national security are considered, but also the tools used in this case. We believe that with this approach, there is an artificial break in the connection between the security actors and the methods used in this case.

Many researchers argue for the use of the category "mechanism" when considering the problem of ensuring national security, its individual types. Along with this, there is no

unity in its characteristics. So, S.Yu. Chapchikov defines the mechanism for ensuring national security as “taken in unity, a normatively organized system of public authorities and other institutions and legal instruments (means, methods, methods, techniques), the effective functioning of which guarantees the full implementation of the constitutional rights and freedoms of citizens, worthy of quality and their standard of living, sovereignty, independence, state and territorial integrity, as well as sustainable socio-economic development of society and the state in the future” [4, p. 264]. It unites in the framework of a single definition of the concept of various characteristics, which leads to the “erosion” of the phenomenon under consideration. It is obvious that the mechanism for ensuring national security, being a complex polysystemic formation, includes the following subsystems: a subsystem of subjects endowed with state power in the sphere of national security; a subsystem of legal and organizational means of support; a subsystem of the organizational infrastructure designed to ensure the state of proper protection of public relations from existing and potential threats.

The effectiveness of considering the issue of ensuring national security through the category of “mechanism” is also found in the current legislation. So, in clause 6 of the National Security Strategy of the Russian Federation, it is determined that “ensuring national security is the implementation by state authorities and local governments in interaction with civil society institutions of political, military, organizational, socio-economic, informational, legal and other measures, aimed at countering threats to national security and meeting national interests”. Its developers did not detail the tools used in this case, but emphasized the need for an integrated approach. A study of the above document of strategic planning allows us to conclude that the term “mechanism” is used in its text more than ten times. In turn, in the strategic planning documents dedicated to certain types of national security, the characteristics of the support mechanism are spelled out in detail. So, the VII section of the Doctrine of food security of the Russian Federation [5] is devoted to the characteristics of the mechanisms and organizational foundations of ensuring food security.

Taking into account the stated topic, we will concentrate our attention on the instrumental characterization of the mechanism for ensuring national security with an emphasis on the methods that are used to ensure national security. Our position received support in the literature, where the mechanism for ensuring national security is defined as “a system of means by which a regulatory impact on threatened public relations and social process is carried out in order to protect the vital interests of society and the state” [6, p. 110]. The purpose of this mechanism is to achieve, through appropriate methods, the proper state of protection of public relations from existing and potential threats.

Ensuring national security requires the implementation of targeted impact of authorized entities through appropriate methods to detect, prevent, terminate relevant threats and neutralize their negative consequences. Included in a single mechanism, they (methods) are aimed at properly ensuring national security. Their normative consolidation, selection and application determine the degree of achievement of the programmed goals. In this regard, it can be recognized that there is the following connection between them: goal – method – result.

Real provision of national security depends on the characteristics of the protection of the corresponding types of national security. In this regard, it is of fundamental importance to build normative legal mediation and ensure the functioning of an optimal national security system.

An appeal to Russian legislation allows us to conclude that at present there is no detailed consolidation of the national security system. This situation not only does not contri-

bute to the study of this phenomenon, but also negatively affects the applied aspect, the real provision of the security of the relevant relations from existing and potential threats. At the same time, this premise applies both to regulatory legal regulation and the use of appropriate methods of influence. Selectivity in defining the types of national security leads to the fact that a number of relations do not receive the necessary protection, since they are artificially withdrawn from the orbit of state and legal attention, and an adequate strategy and tactics for ensuring national security are not developed.

In Art. 1 of the Federal Law "On Security" stipulates that security includes the security of the state, public security, environmental security, personal security, as well as other types of security, that is, the legislator used an "open" list. The National Security Strategy of the Russian Federation also does not clarify the situation, where in clause 6 the types of national security are: national defense (military security), state, public, information, environmental, economic, transport, energy security, personal security. It should be noted with certainty that the national security system cannot remain constant; it has a corresponding dynamics that should be taken into account in the course of its maintenance. In this regard, N.A. Trusov notes: "With the development of society and the state, the phenomenon of national security includes new parameters, acquires new characteristics and formats, while traditional parameters and characteristics are undergoing changes" [7, p. 59].

The dynamics of the national security system is predetermined by the volatility, changeable nature of threats. It should be borne in mind that traditional threats (organized crime, economic crime, terrorism, extremism, etc.) have not lost their relevance and require the use of appropriate countermeasures. Along with this, one should take into account the emergence of new threats that, until recently, were not relevant to the national security of the Russian Federation. In this regard, there is a demand for "a systematic approach to the implementation of state policy to ensure the security of the Russian Federation from threats numerous in their content ..." [8, p. 59].

One of the current threats to national security lies in the digitalization of public relations. It is obvious that the widespread use of digital technologies has led to a significant increase in cybercrime [9, p. 19] and other negative consequences. It should be clearly recognized that the law enforcement system is not prepared to counteract this type of crime.

It would be wrong to associate the resolution of the problem of ensuring national security in the focus of digitalization exclusively with the economy. We are talking about all, without exception, social relations, which are the object of informational influence of varying degrees of intensity. It is obvious that the economy, its individual spheres, both now and in the future, will undergo significant changes through the use of digital technologies, and act as a kind of driver of information transformations. At the same time, such sectors of the social and cultural sphere as healthcare, science, education are largely transformed through the intensive introduction of digital technologies. The pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19) acted as a kind of catalyst that not only accelerated, but also launched digital technologies in a number of areas of public life. In a number of subjects of the Russian Federation (Moscow, Moscow region, Nizhny Novgorod region, etc.), these technologies were actively used in the administrative and political sphere in order to ensure the administrative and legal regime of sanitary and epidemiological well-being of the population.

It is obvious that digitalization makes it possible to speed up communication many times over, to solve a number of problems with protecting the health of citizens and ensuring national security. Along with this, new problems were brought to life, and the tradition-

al ones received new content. For example, terrorists and extremists are actively using the potential of information technology to implement their criminal plans. In some cases, they get the opportunity to avoid control by law enforcement agencies, and the borders of states lose their traditional purpose of ensuring sovereignty. Terrorism and modern information technologies have merged, which has received its expression in cyber terrorism, which requires a significant reconfiguration of the law enforcement mechanism. "The resourcefulness and professionalism of modern cyber terrorists, as well as their fantastically increased technological capabilities, require law enforcement agencies around the world to develop adequate mechanisms for countering cyber terrorism, the strategy of combating which should be aimed at preventing and minimizing the threats and risks posed by global digitalization" [11, p. 173].

In the financing of terrorism, digital technologies are now widely used [12]. Their use allows secretly obtaining the necessary financial resources for their subsequent use to commit terrorist acts. This significantly complicates the implementation of control and the application of countermeasures.

It is important to take into account that the introduction of digital technologies requires increased attention to ensuring information security, which is due to the nature of the impact. It should be taken into account that such impact is of a multi-directional nature and has a negative impact, carrying certain threats to other types of security (economic, environmental, energy, etc.). It is obvious that the optimization of a number of relationships through digitalization is associated with significant risks, which requires additional attention from the position of ensuring their security [34]. The solution of this complex task requires the mobilization of organizational, technological, legal and other efforts. At the same time, it is obvious that it is necessary to ensure this activity in the "legal field", which in every possible way actualizes the problem of ensuring legal security in the new conditions. It is unacceptable to carry out activities to counter new threats in the field of national security outside the framework of the current legislation, which gives rise to legal irresponsibility [13, p. 16].

It is important that all types of legal activity are "tuned in" to function in the new realities. "Digitalization has a significant impact on law, not only as a system of generally binding rules of conduct established by the state, but also as a process and result of its activities, the legal order with real legal relations, actions of subjects of law and types of legal activity" [12, p. 10]. At the same time, this process is not limited to the development of exclusively domestic legal mechanisms, but, taking into account the scale of the problem, should be integrated with international legal means of counteraction.

This premise fully applies to the means of ensuring national security. Their effectiveness / ineffectiveness of application depend not only on the quality of the regulatory legal framework, but also on the interpretation and application. It is important to take measures to prevent disruption at all stages of its action: from the formation (of regulation) to the application of appropriate countermeasures.

Ensuring national security requires a creative approach, abandonment of stereotypes, "blind" borrowing of foreign, albeit productive and experience without adapting it to Russian realities. At the same time, one cannot ignore the obvious, time-tested patterns in this area of law enforcement.

The functioning of the mechanism for ensuring national security is carried out through the use of appropriate methods available to the subjects authorized in this area. The methods of ensuring national security are understood as a system of techniques, me-

thods of state and power influence, implemented by authorized entities in order to ensure the state of proper protection of public relations from internal and external threats in the established legal forms.

The heterogeneous nature of the tasks solved in the course of ensuring national security objectively presupposes the implementation of various methods. At the same time, such universal methods as persuasion and state coercion are traditionally used. "The dialectics of the correlation between persuasion and coercion, the boundaries of using these methods, the interaction of persuasion with certain types of coercion, their role and predominance in various branches of national science, interaction with other methods of government are an open and urgent problem in modern society" [14, p. 64].

At the same time, it is important that they do not compete, organically complement each other in solving problems in the field of national security. It should be noted that the literature offers a broad interpretation of state coercion. So, O.B. Kuptsov proposes to include both negative and positive coercion into the named method [15, p. 154]. In this case, along with coercion itself, such methods of positive stimulation as persuasion and encouragement were introduced into its composition. This approach has certain prospects and, in this regard, requires additional understanding.

Currently, the erroneous perception of state coercion as an auxiliary method of influence has not been overcome, which is used when the programmed result is not achieved through persuasion [16, p. 129]. This approach is simplistic and does not correspond to reality. We in no way deny the importance and relevance of the use of measures of persuasion, as well as other methods of positive state and legal impact. It is no coincidence that the literature notes the need for a balance of the means used, the inadmissibility of unreasonable, super-intensive use of state coercion. "In cases where one state coercion prevails, which excludes the possibility of combining with encouragement in the regulation of public relations, which do not require strict regulation, it is necessary to raise the question of legal irresponsibility and ill-considered decisions on the part of the legislator" [17, p. 18].

At the same time, it should be recognized that in a number of cases law enforcement officers have a limited set of measures and there is no alternative to state coercion. This situation is explained by the specifics of the development of relations in the field of national security, the difficultly controlled increase in danger, lack of time, insufficient forces and means. In such conditions, state coercion acts as an uncontested means of countering threats in the sphere of national security.

Being a heterogeneous state-legal phenomenon, state coercion is in demand when solving the widest range of law enforcement tasks in the field of national security. The qualitative variety of types of state coercion allows the implementation of state coercive influence to achieve various goals. It is no coincidence that in the scientific literature, the criterion of the purpose and the method of ensuring law and order and security has become widespread in building a classification model of state coercion. At the same time, some authors deny that the above criterion is promising. For example, P.V. Dikhtievsky, when studying the administrative-legal mechanism for ensuring personal security, notes: "... the criteria used for classification (the immediate goal and method of protecting law and order) are not universal. At the same time, these criteria can hardly be considered sufficiently definite for this classification. If we assume that the immediate goal and the method are two different criteria and then it is not clear that the results of the classification carried out on their basis almost completely coincide" [18, p. 173]. The specified author himself gives the answer to his question. It is common practice to rely on complex criteria for classification. At

the same time, the coincidence of the results indicates the correctness of the approaches of the majority of researchers in the process of differentiating state coercion.

The use of the above criterion makes it possible to single out the following forms (types) of state coercion: prevention, suppression, procedural support, legal responsibility, legal protection (legal restoration) [19, p. 95]. Built into a single system, the above-mentioned forms of state coercion interact and complement each other in the course of ensuring national security. In this case, one should take into account a certain sequence of application of measures of state coercion. Thus, measures of prevention and suppression traditionally precede the application of measures of procedural security, legal responsibility, and legal restoration.

I.B. Kardashova, considering the problematic field of ensuring national security, rightly focuses on the role of coercive methods. This position is based on the current legislation and the practice of its application. At the same time, the emphasis is placed on the need to use preventive compulsory influence. "One of the basic principles of ensuring national security is the priority of preventive (preventive) measures. This is due to the fact that before the emergence of a threat to national security, certain processes or phenomena usually occur that are their foreshadowing, that is, there is a danger that differs from the threat in the degree of risk of damage to the security of the individual, society and the state" [20, p. 60].

High-quality provision of national security is largely predetermined by the monitoring of the relevant threats, their timely detection and taking measures to prevent and stop them. A wide field of implementation of preventive measures is predetermined by the fact that they can be applied in the absence of *corpus delicti*. "Preventive (preventive) measures provide, on the basis of legal presumptions, the possibility of preventing offenses or other harmful consequences that are caused by the coincidence of certain circumstances" [21, p. 87]. We are talking about the so-called anomalies with legal content, that is, presumed and assumed legal facts. Moreover, they can be associated with both a wrongful act and the actions of the elemental forces of nature and man-made processes, accidents. The high probabilistic nature of the presumption indicates that this fact will actually exist in the future. This is supported by the past experience, previously formed law enforcement practice.

Preventive measures have been widely used in the field of national security, due to their powerful stopping (suppressive) potential. At the same time, it should be borne in mind that the actual grounds for the application of these measures can be both acts that are fully inherent in the composition of the offense, and those that do not. In other words, for their application in a number of cases, it is sufficient to have a really existing fact of a wrongful act irrespective of the age and sanity of the subject who committed it.

These properties of these measures allow you to quickly respond to legal facts, which contain a certain destructive potential for national security. Such compulsory influence prevents the increase in the degree of public danger of threats, their final transformation into a crime. It is no coincidence that the Decree of the President of the Russian Federation of April 2, 2020 No. 239 "On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)" [22], regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation the focus was on the introduction of such measures of state coercion as prevention and suppression. We are talking about banning mass events, restricting the work of a number of enterprises and organizations, restricting movement, introducing access control, etc. This approach is logical and is aimed at minimizing the negative consequences associated with the spread of a new coronavirus infection.

The changes also affected the institution of legal responsibility. In particular, Federal Law No. 999-FZ of April 1, 2020 "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" [23] supplemented Article 6.3 with parts 2, 3; article 13.15 parts 10.1, 10.2; article 14.4.2 part 4; article 20.6.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and article 20.16 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation was set out in a new edition. A similar approach was taken with regard to the institution of criminal responsibility. Thus, the Federal Law of April 1, 2020 No. 100-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [24], Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation were introduced, the wording of Article 236 was changed Of the Criminal Code of the Russian Federation.

The nature of the changes and additions made is obvious. They are aimed at strengthening administrative and criminal liability for violation of the administrative and legal regime of sanitary and epidemiological welfare and public safety. In other words, we are talking about expanding the boundaries of legal responsibility. The legislator, most likely, proceeded from the insufficient potential of administrative and criminal responsibility, which should have had a positive effect on ensuring the security of the individual and public security as constituent elements of national security. In this regard, the question naturally arises of the demand for such changes. We believe that the social danger of deviant behavior demanded the activation of the potential of administrative and criminal liability. At the same time, it is not clear why it was not previously provided for, which is not acceptable against the background of the excessive activity of the legislator in the field of normative legal regulation of these types of public legal responsibility. In this regard, we can talk about a certain defect in legal security, the absence of pragmatism in the activities of the legislator. It manifested itself in the lack of legislation, when there are no legal norms establishing legal responsibility.

The amendments and additions made caused difficulties for law enforcement officers, in some cases led to legal errors. The situation was, to a certain extent, resolved by the approval of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020 of the "Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) No. 1 in the Russian Federation" [25].

There are certain patterns in the implementation of measures of the corresponding forms of state coercion. The application of legal responsibility is carried out in case of non-application, untimely application of measures of prevention and suppression. In this regard, we can talk about the presence of obvious genetic links between them. In other words, the potential for legal liability is required in case of a "failure" in the application of the above-mentioned measures of state coercion. One might get the impression that the use of legal responsibility is a kind of indicator of "marriage" in ensuring national security. This position is simplistic and does not allow us to see the full depth of the problem. In a number of situations, law enforcement officers do not have the opportunity to apply preventive and suppression measures. In this regard, legal liability is the necessary tool that must be used. Otherwise, positive legal regulation, not secured by legal responsibility, will be declarative and will not receive full protection of security relations.

Separately, attention should be focused on the responsibility of the subjects endowed with state powers in the field of national security. A high degree of "tension" in security relations requires a responsible approach of the authorized entities to fulfill their duties. Traditionally, the legal responsibility of these entities is associated with law enforcement

activities in the area under consideration. This approach is predetermined by the fact that they bear the greatest burden of protecting public relations from existing and potential threats. In this regard, the violations committed, especially those of corruption, negatively affect the state of security, and in some cases act as a catalyst for offenses that infringe on national security. It is natural to establish in paragraph 46 of the National Security Strategy of the Russian Federation as one of the goals of ensuring state and public security, increasing the level of responsibility for committing corruption crimes.

While recognizing the justification of this approach, one should note the imperfection, and in most cases the irresponsibility of legislators and other subjects of lawmaking. This situation is explained by the lack of real mechanisms for bringing these entities to legal responsibility. At the same time, the damage to relations in the sphere of national security in a number of cases is predetermined by poor-quality legal regulation. Without pleading the importance of positive legal responsibility, one should recognize its insufficiency. The low level of legal security of legislation in the field of national security is largely the result of the activities of the subjects of lawmaking.

The current legislation lacks an effective mechanism of responsibility of the subjects of lawmaking for the quality of the adopted normative legal acts. The legislator made an attempt to consolidate the legal responsibility of the subjects of ensuring national security in Art. 45 of the Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation" [26]. It provides for disciplinary, civil and administrative responsibility in accordance with the current legislation of persons guilty of violating legislation and other regulatory legal acts in the field of strategic planning. In other words, a blanket design is used. With this approach, certain difficulties arise, since there are no real measures of legal responsibility for committing law-making mistakes.

When securing legal responsibility, it is important to use the potential of this institution in a complex. Traditionally, the focus is on administrative and criminal liability. This is evidenced by the special parts of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, the norms of which provide for administrative and, accordingly, criminal liability for acts that infringe on national security. It is important that this trend continued in the framework of reforming the legislation on administrative offenses.

In the draft Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Chapter 39 was consolidated, which establishes administrative responsibility for offenses that infringe on public safety. While welcoming such a legislative approach, it is necessary to point out an obvious defect. It lies in the fact that in reality we are talking about national security, which is a generic object of administrative and legal protection. The establishment of a connection with criminal liability for crimes that infringe on security draws upon itself (Articles 39.1–39.3 of the draft Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). In this regard, we can talk about the desire to legislatively mediate the appropriate functional relationship between administrative and criminal responsibility.

When securing administrative and criminal responsibility in the field of national security, it is important for the legislator to correctly "measure" the public danger of acts. In this regard, the use of *corpus delicti* with administrative prejudice is in demand. As an example, you can refer to Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, when criminal prosecution is possible subject to the preliminary application of administrative liability under Articles 12.8 or 12.26 of the Administrative Code of the Russian Federation. This practice has proven itself positively and requires expansion.

Against this background, the initiation by the Supreme Court of the Russian Federation of the institution of criminal offense is doubtful [27]. This proposal L.V. Golovko considers it as another attempt to Americanize Russian law [28, p. 131]. Obviously, one should not follow the path of a dubious legal experiment, but use an established algorithm for expanding the practice of fixing crimes with an administrative prejudice.

Disciplinary responsibility plays an important role in the system of legal responsibility. Its potential is in demand in relation to the authorized subjects of national security, both in the event of the latter's inaction and in the abuse of their powers. The literature notes that its specificity is largely predetermined by the status of the subject of responsibility [29, p. 195]. It is important that the potential of this type of legal liability is widely used as an important means of countering corruption offenses and has proven its effectiveness [30].

An obvious genetic link can be traced between administrative and disciplinary liability, when the subject of an administrative offense is military personnel or another person with a special rank (Article 2.5 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). In this case, an administrative offense entails disciplinary and not administrative liability. Such a legislative decision is quite natural, but requires clarification. For example, questions are raised about the "doubling" of the legal responsibility of these entities, which, along with bringing to administrative responsibility, for example, for violations in the field of road safety, bear disciplinary responsibility, up to and including dismissal in connection with the commission of an offense defaming the honor of an employee of the internal affairs bodies [24].

Along with public-law types of legal responsibility, civil responsibility is built into the mechanism for ensuring national security. So, compensation for damage, harm caused by an administrative offense is carried out in accordance with Article 4.7 of the Administrative Code of the Russian Federation. At the same time, this significant fact is not limited. The infliction of property damage as a result of the commission of a corruption offense entails civil liability. "The amount of damage subject to compensation or compensation for the damage caused by an act of corruption, taking into account its nature, the principles of full compensation, good faith, reasonable and fair compensation, the criteria and factors for causing harm and the discretion of the court (agreements of the parties to the relationship), is determined in such a way as to restore the property status of the victim, which he had before causing harm, or to ensure the most adequate personal satisfaction of the victim" [31, p. 36].

A similar functional relationship can be traced between civil and criminal liability. It is predetermined by the fact that crimes that infringe on national security are associated with property damage. This issue is especially acute in the field of ensuring economic security. At the same time, it is important to take into account that the legislator has taken steps to stimulate voluntary compensation for damage. This is evidenced by the wording of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for exemption from criminal liability in connection with compensation for damage. This mechanism allows stimulating the legal activity of persons who have committed a crime, which allows the latter to avoid criminal liability [32, p. 57]. Its complexity predetermined the need to develop appropriate legal positions of the highest judicial authority in criminal matters [33].

Conclusions.

1. The complexity and heterogeneous nature of national security predetermined the need to use an appropriate security mechanism. It is a system of methods that are used by authorized entities in the established procedural order in order to ensure national security.

2. State coercion, which interacts with methods of positive influence, has significant potential in the mechanism of ensuring national security. State coercive measures make it possible to promptly respond to existing and potential threats in the field of national security. Currently, traditional threats are intensifying, which are caused by the digitalization of public relations, as well as the growth of natural and man-made emergencies.

3. The nature of existing and potential threats in the field of national security requires ensuring the interaction of preventive measures, suppression and legal liability, which are in complex genetic and functional relationships. Implementation of preventive and suppressive action is promising. Its low efficiency requires the use of the potential of legal responsibility. In a number of situations, legal liability is an uncontested means of state-coercive influence.

4. The high dynamics of relations in the field of national security requires a corresponding "adjustment" of the institution of legal responsibility and its maintenance in working order. The qualitative heterogeneity of legal responsibility makes it possible to solve a wide range of law enforcement tasks in the field of national security. In this regard, it is important to diagnose in advance and ensure optimal consolidation of measures of legal responsibility applied in the field of national security.

Bibliographic list

1. National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part II). Art. 212.

2. Rybalkin N.N. The nature of safety: author. dis. Doctor of Philosophy. Moscow, 2002. 45 p.

3. Stakhov A.I. Administrative and public security in the Russian Federation: monograph / scientific. ed. B.V. Rossinsky. Moscow: UNITY-DANA: Law and Right, 2006. 199 p.

4. Chapchikov S.Yu. Conceptual foundations of national security and the mechanism of its provision: theoretical and legal research: dis. ... Dr. jurid. sciences. Kursk, 2018. 414 p.

5. On the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 4. Art. 345.

6. Kolokoltsev V.A., Shukshina E.G., Puzanov Yu.P., Tishchenko A.G., Shcherbakovsky G.Z. The structure and content of the mechanism for ensuring national security // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 3 (27). P. 108–111.

7. Trusov N.A. Legal consolidation of the concept and system of national security of Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4 (28). P. 76–80.

8. Kurdyukov S.I. Organized Crime as a Threat to Russia's Economic Security // Russian Investigator. 2019. No. 4. P. 59–62.

9. Aliev V.M., Solovykh N.N. The digital economy has put us before the need to solve the problem of ensuring digital sovereignty // Business Security. 2018. No. 3. P. 18–22.

10. Antonyan E.A., Aminov I.I. Blockchain technologies in countering cyberterrorism // Actual problems of Russian law. 2019. No. 6. P. 167–177.

11. Ferenets V. Bankas a service [Interview with B. Kim] // Banking Review. 2018. No. 9. P. 76–79.

12. Khabrieva T.Ya. Right before the challenge of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 9. P. 5–16.

13. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Legal responsibility and irresponsibility, legal and national security: problems of correlation and systemic connections // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. No. 4 (50). P. 6–17.

14. Kosykh A.A. Belief in law: theory, practice, technique: dis. ... Cand. jurid. sciences. Vladimir, 2015. 187 p.
15. Merchants, O.B. Economic function of the modern Russian state: dis. ... Cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2002. 207 p.
16. Fomin A.A. Legal security of subjects of Russian law / ed. I.N. Senyakin. Saratov, 2005. 332 p.
17. Lipinsky D.A. Legal responsibility and irresponsibility as paired legal categories // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 2 (48). P. 6–24.
18. Dikhtievsky P.V. Administrative and legal coercion in the mechanism of ensuring personal security: monograph. Moscow: UNITY-DANA, Law and Law, 2004. 256 p.
19. Makareiko N.V. The effectiveness of measures of state coercion in the field of ensuring economic security: monograph. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 349 p.
20. Kardashova I.B. On the role of administrative and legal methods in ensuring national security // Administrative law and process. 2016. No. 5. P. 59–63.
21. V.V. Seregina State coercion under Soviet law. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1991. 120 p.
22. On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the territory of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19): by the decree of the President of the Russian Federation of April 2, 2020 No. 239 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 14 (part I). Art. 2082.
23. On amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law No. 99-FZ of April 1, 2020 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 14 (part I). Art. 2029.
24. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of April 1, 2020 No. 100-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. April 6, 2020 No. 14 (part I). Art. 2030.
25. Review of selected issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation No. 2: approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020 // SPS "ConsultantPlus", 2020 (document has not been published).
26. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (part I). Art. 3378.
27. On submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a criminal offense": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 31, 2017 No. 42 // SPS "ConsultantPlus", 2020 (the document has not been published).
28. L.V. Golovko The bill on criminal misconduct: imaginary meanings and real background // Zakon. 2018. No. 1. P. 127–136.
29. Nosova Yu.B. Disciplinary responsibility of state civil servants of the Russian Federation: monograph. Voronezh: Voronezh State Publishing House University, 2011. 208 p.
30. Grigoriev I. V., Kripak M. V. Features of the disciplinary responsibility of civil servants for corruption offenses // Administrative and municipal law. 2018. No. 5. P. 1–10.
31. Lepekha K.V. Dismissal of officials from internal affairs bodies on the grounds of committing a misdemeanor defaming the honor of a police officer // Legality. 2017. No. 8. P. 29–31.
32. Grishko A.Ya. Compensation for harm caused by a crime: problem statement // Administrative law and process. 2017. No. 10. P. 56–60.
33. On the application by the courts of legislation governing the grounds and the procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013. No. 19 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. 5 July.

34. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Risks in an information civilization: theoretical and legal comprehension: article // Theory of state and law. 2019. No. 3. P. 20–36.

Please cite this paper as: Lipinsky D.A., Makareiko N.V. Legal responsibility in the mechanism of ensuring national security // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 154–166. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.008

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

***Аннотация.** В статье дается характеристика содержания понятий «правовая культура» и «правовое государство», выделяются особенности взаимоотношения этих понятий между собой. Констатируется отсутствие единого мнения исследователей по вопросу содержания и функций правовой культуры, рассматриваются ряд ее определений. Явление правовой культуры характеризуется с точки зрения деятельностного, качественного, аксиологического, социологического, структурно-функционального подходов. Выделяются и характеризуются сопутствующие правовой культуре явления как правосознание и правовое поведение.*

В статье рассматриваются уровни правовой культуры личности и общества, их показатели и факторы. Отражается уровень овладения правовой культурой гражданами нашего государства, а также обоснована необходимость формирования высокого уровня правовой культуры населения и методы стимулирования ее повышения. Отражены функции правовой культуры в государстве.

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое государство, правосознание, правовое поведение, правомерное и неправомерное поведение, уровень правовой культуры.*

XXI век является периодом интенсивного формирования правового государства. В российском государстве в течение последних десятилетий велись научные дискуссии о демократизации государственного и общественного строя, поскольку это требовало изменения всей правовой системы советского времени, в первую очередь улучшения законодательства и государственного управления, обеспечения высокого уровня правовой культуры.

Нерешенный до конца вопрос формирования правовой культуры, определение ее значимости в процессе становления правового государства, представляется актуальным на современном этапе, так как правовая культура является комплексным, многогранным и многосторонним явлением. Помимо этого, имеются сложности в понимании ее сущности, как в научных кругах, о чем свидетельствуют разнообразные дискуссии и многочисленные точки зрения среди многих исследователей, так и в обществе.

Научное формирование базовых основ правовой культуры и заинтересованность людей в нашей стране в ее повышении, появились в нашей стране не так давно, в 60–70-е годы XX века, хотя имеются и другие суждения [15, с. 2].

Поводом к появлению максимальной заинтересованности к этим научным разработкам послужила «хрущевская оттепель». Именно советский период в нашем го-

---

* *Логинов Сергей Николаевич*, старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Федерального государственного Казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». E-mail: llssnn@mail.ru

** *Филимонов Дмитрий Геннадиевич*, старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала федерального государственного Казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт» Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: opium_fil@bk.ru

сударстве положил начало научным поискам в этой сфере, что в дальнейшем постепенно привело к демократизации и государственного строя. Только по этим причинам потребовались существенные изменения в правовой системе того времени, появилась необходимость вовлечь в данный процесс советских граждан с целью построения советского общенародного государства, проведения в стране демократической правовой политики.

Л.С. Галесник считался одним из первых исследователей в этой области. Он придавал большое значение повышению уровня правовой культуры, поскольку через нее можно было добиться перехода к демократической форме государства. Такой подход означал, что с этого момента наступает иной период существования человека, где появляется новая система воздействия на индивида с целью достижения порядка и устойчивости в обществе [6].

Понятие «правовая культура» прочно вошло в научный оборот благодаря научным трудам таких отечественных исследователей, как С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, Ф.Х. Галиев, В.Д. Зорькин, И.А. Ильин, Н.М. Кейзеров, Б.И. Кистяковский, Н.М. Коркунов, О.Е. Кутафин, А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.С. Нерсисянц, Е.А. Певцова, В.Д. Перевалов, В.П. Сальников, А.П. Семитко и многих других.

Анализ содержания понятия «правовая культура» показал, что, не смотря на внушительное количество научных трудов, посвященных вышеназванной проблеме, единого определения данного термина нет. В современной юридической науке существуют расхождения мнений исследователей в трактовке феномена правовой культуры. В подтверждение вышесказанного рассмотрим точки зрения некоторых авторов, отражающих сущность данного понятия.

Под правовой культурой обычно понимают механизм, формируемый в результате культурного и правового воспитания и обучения, который выражается в виде правовых знаний (норм, убеждений и установок). Основной задачей данного механизма является правовое регулирование поведения людей в обществе в процессе их повседневной жизнедеятельности.

В рамках рассмотрения термина «правовая культура» на основании его признаков, качеств, свойств и особенностей, рассматриваются такие состояния, как повседневная жизнь общества, укладывающаяся в социально-экономические границы, которые определены развитой правовой деятельностью и законодательной базой, а также осознанностью индивида вопросов права. Правовая культура трактуется, как определённый уровень функционирования правовой системы и её отдельных составляющих, как отражение одной из многих закономерностей процесса государственно-правового развития общества [7, с. 46].

Этот процесс сопровождается формированием и функционированием соответствующей правовой культуры, которая впоследствии служит своеобразной точкой отсчета и одновременно толчком для дальнейшего развития данного общества. Эта закономерность присуща и для того общества, в котором развивается процесс становления и совершенствования правового государства, потому что становление правового государства и формирование правовой культуры взаимообусловлены и взаимосвязаны. При всем этом готового рецепта для формирования правовой культуры правового государства, как и рецепта для построения самого правового государства, нет и быть не может. Это объясняется тем, что и государство, и правовая культура во всех своих проявлениях – политическом, социальном, духовном, материальном – являются своеобразным результатом развития общества. Если госу-

дарство мы воспринимаем как организацию политической власти, то правовая культура – это способ организации порядка, основанный на нормах и принципах права, которые обеспечивают оптимальный режим осуществления государственной власти, поддерживаемый всей соционормативной системой, функционирующей в данном обществе [7, с. 46–47].

С.С. Алексеев утверждал, что правовая культура – это всеобщее состояние «юридических дел в обществе», то есть состояние законодательства, положения и деятельности суда, правоохранительных органов, правосознания общества страны, формулирующее степень формирования права и правосознания, роль в жизни людей, обеспечение правовых ценностей, их выполнение на практике, реализация условия верховенства права. В обществе, в котором утверждаются и получают развитие демократические и гуманистические ценности, демократическая и правовая культура, право власти постепенно перерастает в «право государства» [3, с. 172].

В.П. Сальников описывал правовую культуру, как набор инструментов правовой деятельности, которые функционируют в обществе на благо этого общества. Эти компоненты вобрали в себя высшие достижения правовых концепций, мыслей методик и техник [18].

А.П. Семитко называл правовую культуру вовлечённостью во все состояния жизни социума – духовную, экономическую, политическую – наиболее приемлемое состояние общественной жизни, которое выражено в развитой правовой деятельности, юридических заключениях, осознанности обществом правового понятия и правового развития отдельного индивида или группы людей (субъектов). При этом государство должно обеспечивать граждан сводом правил, регулирующих степень свобод [19].

С.А. Комаров определяет правовую культуру как совокупность представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц [12, с. 416–417].

Таким образом, вышеуказанные авторы определяют правовую культуру как состояние правовой деятельности государства, степень ее интеграции во все стороны жизни общества.

Однако на наш взгляд, такой подход к определению правовой культуры справедлив лишь отчасти, потому как правосознание общества напрямую зависит от правосознания каждого отдельно взятого гражданина.

Индивид, который поддерживает традиционные, а также новые ценности в образовании (аксиологический подход), воспринимает правовую культуру как собрание созидających, модифицирующихся и улучшающихся ценностей в процессе взаимодействия общества. В результате образуется свод наиболее приемлемых правовых компонентов, которые объединяются в единый стандарт, именуемый законом, а вся деятельность в его рамках правовыми отношениями [16].

Социологический подход показывает в обществе уровень правовой культуры, который сводится к осознанности гражданами значимости и ценности правовых норм, которые непосредственно влияют на поведение личности. Социологический подход отвечает требованию комплексности, поскольку именно такая тенденция способствует координированию поведения субъекта или социальной группы в обществе в рамках общепринятой системы и в соответствии с пониманием правовых предписаний. Посредством правовой сферы происходит регулирование и систематизация практик отношений, которая и получает признание со стороны общества [10, 17].

Выделение основных функций, характеристики и структуры правовой культуры является трудной, даже невыполнимой задачей без структурно-функционального подхода. Правовая культура базируется на двух составляющих – правосознание (правовое сознание) и правовое поведение. Здесь определяющую роль занимает правосознание, так как оно и задает правовое поведение [5]. Ролей у правосознания довольно много.

Среди них создание правовых основ, внедрение и использование права в жизни общества, регулирование правовых процессов и построение на их основе юридических решений. Правосознание объединяет два сознательных уровня: теорию и практику. Их фундаментальными элементами принято считать объективные содержательные формы правовой мысли, например, свод законов, свобода и равенство между людьми [9].

Правовое поведение является второй составляющей правовой культуры и представляет собой социально значимое, регулируемое сознанием и волей субъектов, поведение в рамках правового порядка. Нарушение правовых норм несёт за собой юридическую ответственность. Правовое поведение выражается в правовых сферах, и соответствует двум видам деяния: правомерному – в рамках разрешительных мер; неправомерному – подпадающие под запретительные нормы. Оба вида поведения свойственны для общества, поскольку регламентируются установленным сводом норм поведения индивида [2, с. 140–145; 14].

Поведение в рамках права напрямую зависит от информированности правовых основ. Это позволяет гражданам узнавать о социальных, экономических и политических нормах, а также мерах наказания. Также это необходимо для обеспечения социально активной деятельности индивидов в правовой сфере. Правовое поведение является действенным инструментом для реализации прав, осуществления предписаний деяний людей, а также предпосылкой к возвращению уважения и воспитания по отношению к закону. Способствует возникновению правового мышления и навыка оценки процессов и явлений взаимодействия людей в правовой жизни общества, а также эффективной борьбе за свои права и утверждения, за социальную и экономическую справедливость, устранение бюрократии, мошеннических попыток. Если уровень правовой информированности будет низкий, повысится уровень преступности, беспорядка, трагедий и снизится уровень культуры в целом. Если же информированность населения будет высока, то каждый индивид будет жить согласно нормам права, избегая ненужных потрясений, живя в мире и гармонии с остальными членами общества и успешно взаимодействуя с ними. Частое взаимодействие приводит только к положительному исходу, так как происходит развитие общества во всех сферах.

Структурно-функциональный подход позволяет проанализировать правовую культуру и подчеркнуть важные компоненты. Структура культуры делится на две составных части: осознанность права и поведение в правовых рамках. Основой считается правовое сознание, так как именно оно влияет на дальнейшее поведение. Однако роль сознания не только в действиях в рамках права. Оно формирует и мыслительный процесс в вопросе создания правовых норм, а также в дальнейшем их реализует во время правового регулирования и при принятии юридических решений. Изучая правосознание выделяют теоретический, практический и обыденный уровни. Содержательно-смысловая структура имеет свои элементы в виде понятий, отображающих результат рационального мышления субъектов в вопросе права, которые вытекают в понятия закона, свободы, справедливости и равенства граждан [4].

Вторая сторона правовой культуры – правовое поведение – трактуется как контролируемое сознанием и волей индивида социально-допустимое поведение, укладывающееся в нормативы принятого права. Она активизируется лишь в тех областях, в которых предусмотрено правовое регулирование, в условиях которого распадается на правомерное и неправомерное. Разрешительные меры позволяют действовать в правомерном поле. Запрещающие регулируют неправомерное поведение. Два вида считаются рациональными, так как утверждены и признаны общепринятыми поведенческими нормативами [9].

Правовая информативность непосредственно влияет на поведение. Главная её направленность – позволить человеку реализовываться в правовых рамках. Информативность используется как инструмент для воплощения и внедрения права в общество, а также формирует в нём уважительное отношение к закону. Правовая информативность порождает соответствующее мышление и формирует способности правильно воспринимать происходящее в правовой жизни. Именно она формирует общий уровень правовой культуры в целом.

Исследователями выделяются три уровня развития правовой культуры: высокий, средний и низкий. Уровень правовой культуры характеризуется основными критериями, в первую очередь, степенью развитости правового сознания и его функционирование; наличие правильной оценки окружающей обстановки; второй уровень развития правовой культуры характеризуется продуктивной работой над созданием правовых норм и дальнейшем их исполнением, эффективностью действий органов правопорядка; третий уровень подразумевает законопослушность каждого гражданина [19].

Доброжелательное отношение к правовой системе и её проявлениям формируется из правовой культуры. Появляются привычки вести себя законопослушно, действуя в рамках правовых норм, активно участвовать в гражданско-правовых отношениях, осознавая важность и необходимость такого поведения, проявляя уважительное отношение к обществу, человеку и его или их правомерным деяниям.

В противном случае низкая правовая культура влечёт нарушение принятых законов и неуважение к правам человека и пренебрежением законодательными актами, отказа принимать действующие нормы права, отсутствии или не в полной мере знаний закона.

О правовой культуре также судят, основываясь на такие информативные показатели, как законодательные акты и уровень законности в государстве [19].

Социологический, аксиологический и структурно-функциональный подходы тесно взаимосвязаны между собой. Для полноценного и всестороннего определения значимости правовой культуры в жизни общества и индивида необходимо использовать данные подходы в комплексе.

Стоит отметить, что в нашем российском государстве правовая культура развита на недостаточно высоком уровне. Это обусловлено, во-первых, наличием элементов криминализации российского общества, во-вторых, тем фактом, что в целом законопослушные граждане не всегда соблюдают и уважают действующее законодательство [20].

Мы выделяем несколько требований, которые предъявляются к правовой культуре, но не реализуются в полном объеме. Прежде всего, стоит сказать о неуважении к закону, которое проявляется в отсутствии положительного отношения к действующему законодательству, постоянной критике и отрицательном отношении

к нему. Зачастую закон воспринимается как некое условие, которое необходимо соблюдать в обязательном порядке, возможно принудительно, чтобы избежать наказания за его нарушение, а не как регулятор поведения, призванный положительно влиять на ситуацию в обществе и государстве. Это свидетельствует о некорректном формировании правосознания у граждан нашей страны, как составляющей правовой культуры.

Вторая проблема – это отсутствие или недостаточное знание законов в нашей стране. Граждане обязаны знать законы своей страны, об этом указывает и тот факт, что незнание закона не освобождает от ответственности. Низкая юридическая грамотность населения способствует процветанию деятельности мошенников, развитию преступности и других отрицательных явлений. Граждане чувствуют себя юридически незащищенными по причине отсутствия потребности в юридическом просвещении.

Кроме того, в нашем государстве есть тенденция разрешать возникающие конфликты и споры за пределами правового поля, самостоятельно, иногда нарушая действующее законодательство. Из-за несоответствия должному уровню правовой культуры, а в частности её основополагающего фактора – правового поведения, граждане самостоятельно принимают решение отказаться от обращения в правоохранительные органы.

Механизм закрепления и развития правовой культуры у субъекта и ее составляющих тесно связан с этапами развития правового государства [8]. Наша страна является правовым государством, поскольку все права граждан регулируется Конституцией РФ. Однако, по мнению многих исследователей этой тематики, это весьма спорный вопрос, и до сих пор нет всеобщего мнения, какое содержание вкладывается в данное понятие и какова его связь с правовой культурой.

Рассматривая в теории права термин «правовое государство» с точки зрения государства и права как отдельных элементов, его можно воспринять как вид образования и форму исполнения целей и задач политической власти во время взаимодействия с субъектами права и обладателями прав в таком правовом государстве, как Российская Федерация. Комаров С.А. и Малько А.В. заявляют, что правовое государство «в типологическом измерении является самостоятельным типом государства, представшим на базе новых реалий, на определенном этапе общественного становления» [11].

Данный вид государства является ярким примером функционирования правовых норм в структуре государственной власти, отражает «связанность» органов государственной власти правом.

Во-вторых, государство – предъявляет всем субъектам существенное требование – эффективно использовать право, так как оно отражает содержание государственной власти.

Определение «правовое государство» первоначально подчеркивало взаимосвязанность государства и права и их взаимодействие между собой. Так, по мнению Ф.М. Раянова, «правовое государство – это современное государство, становление которого во многих странах только проходит процесс формирования, а в других странах уже давно приобрело действительные черты» [16]. Как правило, значение права в российском обществе состоит в установлении его верховенства над другими ценностями, поскольку это напрямую взаимосвязано со становлением современного правосознания. В то же время характерные черты правосознания выражаются в особенностях менталитета людей и современного общества в целом.

Итак, правовая культура – обязательное требование осмысленного исполнения человеком, пребывающего в социуме, гражданского долга. Это позволяет устранить прочие взгляды и принципы, которые выводят поведение индивида за установленные пределы правовых норм, что в свою очередь предупреждает насилие и нарушение прав граждан другими лицами. Как правило, предпосылки укрепления законности и правопорядка по правовым соображениям граждан научно доказаны и аргументированы, поскольку можно утверждать, что без них невозможно существование правового государства, значит и построить гражданское общество будет невозможно.

У правовой культуры существует несколько обязательных функций в государстве. В первую очередь, основная ее *правообразующая* функция состоит в выполнении государственно-правовых полномочий, проведении судебной и административной правовой политики государства. Эта функция способствует формированию новых идей в юридической политике, совершенствовании форм отражения и содержания права, создания более эффективной правовой системы. Благодаря этой функции находят реализацию составляющие правовой культуры, соответственно, знание права, отношение к нему и навыки правомерного позитивного правового поведения. Как правило, эта функция в первую очередь направлена не только на обеспечение высокого уровня жизни российских граждан, но и на всевозможное развитие самого человека.

Вторая функция правовой культуры – *воспитательная*, реализуемая в процессе формирования соответственной правовой идеологии, правовых убеждений, норм, стандартов и деятельности многочисленных субъектов права, а также привнесение правовых явлений в социальную среду, с целью упорядочения взаимоотношений, удовлетворения человеческих нужд и увлечений.

Главной задачей этой функции отмечают то, что она способна предотвратить правовые предписания во внутренние убеждения человека, повысить уровень индивидуального и общего правосознания в качестве регуляторов и ограничителей поведения субъектов права. Реализация воспитательной функции приводят в действие всю правовую систему и направляют юридическую деятельность.

Аксиологическая функция правовой культуры заключается в том, что имеющиеся в обществе правовые ценности составляют определенные критерии и позволяют оценить юридическое состояние общественных процессов и явлений. Правовая культура включает такие ценности, как социальные институты, нормы, оценки, оценочные критерии, каждая из которых имеет регулирующее значение.

Регулятивная функция правовой культуры состоит в обеспечении устойчивого правопорядка, достижения конечной цели правового регулирования – реализации норм права. В условиях переходного государства при отсутствии правовых норм правовая культура как и правовое сознание выполняет собственно регулятивную функцию, непосредственно регулирует общественные отношения. В развитой правовой системе роль правовой культуры состоит в обеспечении устойчивости, упорядоченности, эффективности существующего механизма государственной власти, оптимизации правовой системы на основе правовых идеалов, правовых традиций сформированных правовой культурой.

Еще одной функцией правовой культуры является *прогностическая*. Данная функция направлена на определение качества, эффективности, тенденций и закономерностей, путей развития правовых явлений, процессов и состояний, в отборе наиболее подходящих методов, способов, средств, приемов достижения культурно-

правовых целей, в прогнозировании возможных юридических последствий для людей, их объединений, организаций.

Формирование правовой культуры – сложный, но необходимый процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни. Среди средств ее формирования можно выделить пропаганду права, приобретение гражданами юридических знаний, наличие оптимальной юридической науки, эффективное и стабильное законодательство на федеральном и региональном уровне, включая демократическую конституцию.

Правовое образование граждан современного государства должно проводиться с целью формирования высокой правовой культуры. Существует потребность в расширении и усовершенствовании системы учебных заведений, которые ведут подготовку профессиональных юристов. Не менее важно осуществление правового образования в учебных заведениях неюридического профиля. Правовое образование и просвещение государственных гражданских служащих должно занять особое место в системе образования, так как именно они оказывают наибольшее влияние на действенный процесс реализации прав, свобод и обязанностей граждан [21].

В целом можно сделать вывод, что правовая культура явление комплексное, сложное и многогранное. Она является необходимым условием формирования правового государства, так как выполняет важнейшие функции, необходимые для его становления и развития. При отсутствии правовой культуры любая форма правления может стать антидемократической, что грозит пагубными последствиями для общества, государства и всего правопорядка, поэтому формирование правовой культуры необходимо осуществлять целенаправленно и систематически у всех слоев населения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Абсалямов И. С. Многообразие подходов к характеристике правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 3 (33). – С. 140–145.
3. Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2002. – 608 с.
4. Балаклеец, И.И. Правовая культура: генезис, сущность, состояние, проблемы и перспективы развития: монография / И. И. Балаклеец, А. Н. Соколов. – Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2012. – 194 с.
5. Бондарев, А.С. Правовая культура – фактор жизни и права: монография / А. С. Бондарев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 245 с.
6. Галесник, Л. С. Советское общенародное государство и его роль в строительстве коммунизма. – М.: Госюриздат, 1963. – 36 с.; Галесник Л.С. Общенародное право и воспитание коммунистической сознательности // Советское государство и право. – М.: Наука, 1962, № 9. – С. 26–35.
7. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Соционормативная основа правового государства: статья // Теория государства и права. – 2018. – № 2. – С. 46–52.
8. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность: статья // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10.
9. Ибрагимова З.Н. Правовая культура Российской Федерации в схемах. Учебное пособие. – Орел: Изд-во «ПЕРЕПЛЕТЧИК», 2017. – 64 с.
10. Ионин, Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / Л. Г. Ионин. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.

11. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 448 с.
12. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры /С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).
13. Лукашева, Е.А. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 512 с.
14. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. – 640 с.
15. Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. – 2004. – № 3 (87). – С. 70–81.
16. Раянов, Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография / Ф. М. Раянов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 319 с.
17. Сазанов О.В. К определению понятия правовой культуры // Рубикон: сб. молодых ученых РГУ. – Выпуск 35. – Ростов н/Д, 2005. – С. 43.
18. Сальников В.П. Правовая культура //Теория государства и права / под ред. Н.И.Матузова и А.В.Малько. – М., 2000. – 630 с. Сальников В.П. Правовая культура // Общая теория государства и права. Академический курс / Отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 3. – М.: Инфра-М, 2016. – 527 с.
19. Семитко А.П., Русинов Р.К. Правосознание и правовая культура: гл. в учебнике // Теория государства и права. – М., 2000. – 331 с.
20. Устьян Э.А. Проблемы правовой культуры в современном российском обществе// Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 137–144.
21. Galiev F.Ch., Komarov S.F. Evolution and General characteristics of contemporary legal culture: article // Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies, "Sydney University Press". Volume III. 2015. № 1(15). P. 521–537.

Для цитирования: Логинов С.Н., Филимонов Д.Г. Правовая культура и ее роль в правовом государстве // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 167–175. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.009

Sergey N. Loginov *
Dmitry G. Filimonov **

LEGAL CULTURE AND ITS ROLE IN A LEGAL STATE

***Annotation.** The article describes the content of the concepts "legal culture" and "legal state", highlights the features of the relationship between these concepts. The lack of consensus among researchers on the content and functions of legal culture is stated, and a number of its definitions are considered. The phenomenon of legal culture is characterized from the point of view of activity, qualitative, axiological, sociological, structural and functional approaches. The phenomena accompanying the legal culture are distinguished and characterized as legal consciousness and legal behavior.*

---

* **Loginov Sergey Nikolaevich**, Senior Lecturer of the Department of Fire and Physical Training, Volgodonsk Branch of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". E-mail: llssnn@mail.ru

** **Filimonov Dmitry Gennadievich**, Senior Lecturer of the Department of Fire and Physical Training, Volgodonsk Branch of the Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Rostov Law Institute" of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: opium_fil@bk.ru

The article examines the levels of legal culture of the individual and society, their indicators and factors. The level of mastery of legal culture by the citizens of our state is reflected, as well as the necessity of forming a high level of legal culture of the population and methods of stimulating its increase is substantiated. The functions of legal culture in the state are reflected.

Key words: legal culture, rule of law, legal consciousness, legal behavior, lawful and unlawful behavior, level of legal culture.

XXI century is a period of intensive formation of the rule of law. In the Russian state, over the past decades, there have been scientific discussions about the democratization of the state and social system, since this required a change in the entire legal system of the Soviet era, primarily improving legislation and public administration, ensuring a high level of legal culture.

The unresolved issue of the formation of a legal culture, the determination of its significance in the process of the formation of a legal state, seems relevant at the present stage, since legal culture is a complex, multifaceted and multilateral phenomenon. In addition, there are difficulties in understanding its essence, both in scientific circles, as evidenced by a variety of discussions and numerous points of view among many researchers, and in society.

Scientific formation of the basic foundations of legal culture and the interest of people in our country in its improvement appeared in our country not so long ago, in the 60–70s of the XX century, although there are other judgments [15, p. 2].

The reason for the emergence of maximum interest in these scientific developments was the "Khrushchev thaw". It was the Soviet period in our state that laid the foundation for scientific research in this area, which subsequently gradually led to democratization and the state system. Only for these reasons, significant changes were required in the legal system of that time; it became necessary to involve Soviet citizens in this process in order to build a Soviet state of the whole people, to conduct a democratic legal policy in the country.

L.S. Galesnik was considered one of the first researchers in this area. He attached great importance to raising the level of legal culture, since through it it was possible to achieve a transition to a democratic form of the state. This approach meant that from this moment on, a different period of human existence begins, where a new system of influencing the individual appears in order to achieve order and stability in society [6].

The concept of "legal culture" has firmly entered the scientific circulation thanks to the scientific works of such domestic researchers as S.S. Alekseev, A.B. Vengerov, F.Kh. Galiev, V.D. Zorkin, I.A. Ilyin, N.M. Keizerov, B.I. Kistyakovsky, N.M. Korkunov, O.E. Kutafin, A.V. Malko, N.I. Matuzov, V.S. Nersesyants, E.A. Pevtsova, V.D. Perevalov, V.P. Salnikov, A.P. Semitko and many others.

Analysis of the content of the concept of "legal culture" showed that, despite the impressive number of scientific works devoted to the above problem, there is no single definition of this term. In modern legal science, there are differences of opinion among researchers in the interpretation of the phenomenon of legal culture. In support of the above, consider the points of view of some authors, reflecting the essence of this concept.

Legal culture is usually understood as a mechanism formed as a result of cultural and legal education and training, which is expressed in the form of legal knowledge (norms, beliefs and attitudes). The main task of this mechanism is the legal regulation of the behavior of people in society in the process of their daily life.

As part of the consideration of the term "legal culture" on the basis of its signs, qualities, properties and characteristics, conditions such as the everyday life of society, which fit

into the socio-economic boundaries, which are determined by the developed legal activity and the legislative framework, as well as the individual's awareness of the issues of law ... Legal culture is interpreted as a certain level of functioning of the legal system and its individual components, as a reflection of one of the many regularities of the process of state and legal development of society [7, p. 46].

This process is accompanied by the formation and functioning of an appropriate legal culture, which subsequently serves as a kind of starting point and at the same time an impetus for the further development of this society. This pattern is also inherent in the society in which the process of formation and improvement of the rule of law is developing, because the formation of the rule of law and the formation of a legal culture are interdependent and interrelated. With all this, there is no ready-made recipe for the formation of the legal culture of a rule-of-law state, as well as a recipe for building the rule of law itself, and cannot be. This is explained by the fact that both the state and legal culture in all their manifestations – political, social, spiritual and material – are a kind of result of the development of society. If we perceive the state as an organization of political power, then legal culture is a way of organizing order based on the norms and principles of law, which provide an optimal mode of exercising state power, supported by the entire socionormative system functioning in a given society [7, p. 46–47].

S.S. Alekseev argued that legal culture is the general state of "legal affairs in society", that is, the state of legislation, regulations and activities of the court, law enforcement agencies, legal awareness of the country's society, formulating the degree of formation of law and legal awareness, the role in people's lives, ensuring legal values, their implementation in practice, the implementation of the rule of law. In a society in which democratic and humanistic values, democratic and legal culture are affirmed and developed, the right to rule gradually develops into the "law of the state" [3, p. 172].

V.P. Salnikov described legal culture as a set of instruments of legal activity that function in society for the benefit of this society. These components have incorporated the highest achievements of legal concepts, thoughts, methods and techniques [18].

A.P. Semitko called legal culture involvement in all states of society's life – spiritual, economic, political – the most acceptable state of social life, which is expressed in developed legal activity, legal opinions and public awareness of the legal concept and legal development of an individual or a group of people (subjects). At the same time, the state must provide citizens with a set of rules regulating the degree of freedom [19].

S.A. Komarov defines legal culture as a set of ideas of a particular community of people about the law, its implementation, about the activities of state bodies, officials [12, p. 416–417].

So, the above authors define legal culture as the state of legal activity of the state, the degree of its integration into all aspects of society.

However, in our opinion, this approach to the definition of legal culture is only partly fair, because the legal consciousness of society directly depends on the legal consciousness of each individual citizen.

An individual who supports traditional as well as new values in education (axiological approach) perceives legal culture as a collection of constructive, modifying and improving values in the process of society's interaction. As a result, a set of the most acceptable legal components is formed, which are combined into a single standard called law, and all activities within its framework are legal relations [16].

The sociological approach shows the level of legal culture in society, which boils down to citizens' awareness of the significance and value of legal norms that directly affect

the behavior of an individual. The sociological approach meets the requirement of complexity, since it is this tendency that contributes to the coordination of the behavior of the subject or social group in society within the framework of the generally accepted system and in accordance with the understanding of legal prescriptions. Through the legal sphere, there is a regulation and systematization of the practices of relations, which is recognized by society [10, 17].

Highlighting the main functions, characteristics and structure of legal culture is a difficult, even impossible task without a structural-functional approach. Legal culture is based on two components – legal consciousness (legal consciousness) and legal behavior. Here, the decisive role is played by legal consciousness, as it sets legal behavior [5]. Legal consciousness has a lot of roles.

Among them are the creation of legal foundations, the introduction and use of law in the life of society, the regulation of legal processes and the construction of legal decisions on their basis. Legal consciousness combines two conscious levels: theory and practice. Their fundamental elements are considered to be objective, meaningful forms of legal thought, for example, a set of laws, freedom and equality between people [9].

Legal behavior is the second component of legal culture and is socially significant, regulated by the consciousness and will of the subjects, behavior within the framework of the legal order. Violation of legal provisions is legally responsible. Legal behavior is expressed in legal spheres, and corresponds to two types of action: lawful – within the framework of permissive measures; unlawful – falling under prohibitive norms. Both types of behavior are inherent in society, since they are regulated by the established set of norms of individual behavior [2, p. 140–145; 14].

Behavior within the framework of the law directly depends on the awareness of the legal framework. This allows citizens to learn about social, economic and political norms, as well as penalties. It is also necessary to ensure the socially active activity of individuals in the legal sphere. Legal behavior is an effective tool for the realization of rights, the implementation of the prescriptions of human actions, as well as a prerequisite for cultivating respect and education in relation to the law. It promotes the emergence of legal thinking and the skill of assessing the processes and phenomena of human interaction in the legal life of society, as well as the effective struggle for their rights and assertions, for social and economic justice, the elimination of bureaucracy, fraudulent attempts. If the level of legal awareness is low, the level of crime, disorder, tragedy will increase and the level of culture in general will decrease. If the awareness of the population is high, then each individual will live according to the rule of law, avoiding unnecessary shocks, living in peace and harmony with the rest of society and successfully interacting with them. Frequent interaction leads only to a positive outcome, as the development of society takes place in all spheres.

The structural-functional approach allows you to analyze the legal culture and highlight important components. The structure of culture is divided into two components: awareness of law and behavior within the legal framework. The basis is considered legal consciousness, since it is this that influences further behavior. However, the role of consciousness is not only in actions within the framework of law. It also forms the thought process in the matter of creating legal norms, and also further implements them during legal regulation and when making legal decisions. Studying legal consciousness, there are theoretical, practical and ordinary levels. The content-semantic structure has its elements in the form of concepts that reflect the result of the rational thinking of subjects in the issue of law, which follow in the concepts of law, freedom, justice and equality of citizens [4].

Theory of State and Law

The second side of legal culture – legal behavior – is interpreted as socially acceptable behavior controlled by the consciousness and will of the individual, which fits into the norms of the adopted law. It is activated only in those areas in which legal regulation is provided, in the conditions of which it breaks down into lawful and illegal. Permissive measures allow one to act in the lawful field. Prohibitors regulate misconduct. Two types are considered rational, since they are approved and recognized by generally accepted behavioral standards [9].

Legal information content directly affects behavior. Its main focus is to allow a person to be realized within the legal framework. Informativeness is used as a tool for the implementation and implementation of law in society, and also forms a respectful attitude towards the law in it. Legal informational content generates appropriate thinking and forms the ability to correctly perceive what is happening in legal life. It is she who forms the general level of legal culture as a whole.

Researchers distinguish three levels of development of legal culture: high, medium and low. The level of legal culture is characterized by the main criteria, first of all, by the degree of development of legal consciousness and its functioning; the presence of a correct assessment of the environment; the second level of development of legal culture is characterized by productive work on the creation of legal norms and their further implementation, the effectiveness of the actions of law enforcement agencies; the third level implies the law-abidingness of every citizen [19].

A benevolent attitude towards the legal system and its manifestations is formed from the legal culture. Habits appear to behave in a law-abiding manner, acting within the framework of legal norms, to actively participate in civil law relations, realizing the importance and necessity of such behavior, showing respect for society, a person and his or their lawful acts.

Otherwise, a low legal culture entails a violation of adopted laws and disrespect for human rights and disregard for legislative acts, refusal to accept the current norms of law, lack or incomplete knowledge of the law.

Legal culture is also judged on the basis of such informative indicators as legislative acts and the level of legality in the state [19].

Sociological, axiological and structural-functional approaches are closely interconnected. To fully and comprehensively determine the importance of legal culture in the life of society and the individual, it is necessary to use these approaches in a complex.

It should be noted that in our Russian state the legal culture is not developed at a high enough level. This is due, firstly, to the presence of elements of criminalization of Russian society, and secondly, to the fact that, in general, law-abiding citizens do not always comply and respect the current legislation [20].

We highlight several requirements that are imposed on the legal culture, but are not fully implemented. First of all, it should be said about disrespect for the law, which manifests itself in the absence of a positive attitude towards the current legislation, constant criticism and negative attitude towards it. Often, the law is perceived as a kind of condition that must be observed without fail, perhaps compulsorily, in order to avoid punishment for its violation, and not as a behavior regulator designed to positively influence the situation in society and the state. This testifies to the incorrect formation of legal consciousness among the citizens of our country, as a component of legal culture.

The second problem is the lack or insufficient knowledge of the laws in our country. Citizens are obliged to know the laws of their country, this is indicated by the fact that ig-

ignorance of the law does not exempt from responsibility. Low legal literacy of the population contributes to the prosperity of fraudsters, the development of crime and other negative phenomena. Citizens feel legally unprotected due to lack of need for legal education.

In addition, in our state there is a tendency to resolve emerging conflicts and disputes outside the legal field, independently, sometimes in violation of current legislation. Due to the inconsistency with the proper level of legal culture, and in particular its fundamental factor – legal behavior, citizens independently decide to refuse to appeal to law enforcement agencies.

The mechanism of consolidation and development of legal culture in the subject and its components is closely related to the stages of development of the rule of law [8]. Our country is a legal state, since all the rights of citizens are regulated by the Constitution of the Russian Federation. However, according to many researchers of this topic, this is a very controversial issue, and there is still no general opinion about what content is embedded in this concept and what is its connection with legal culture.

Considering in the theory of law the term "rule of law" from the point of view of the state and law as separate elements, it can be perceived as a form of education and a form of implementation of the goals and objectives of political power during interaction with subjects of law and holders of rights in such a state governed by the rule of law as the Russian Federation ... Komarov S.A. and Malko A.The. declare that the rule of law "in the typological dimension is an independent type of state, presented on the basis of new realities at a certain stage of social development" [11].

This type of state is a vivid example of the functioning of legal norms in the structure of state power, reflects the "connectedness" of state authorities by law.

Secondly, the state – makes an essential requirement for all subjects – to effectively use the law, since it reflects the content of state power.

The definition of "rule of law" initially emphasized the interconnection between state and law and their interaction with each other. So, according to F.M. Ryanov, "the rule of law is a modern state, the formation of which in many countries is just undergoing the process of formation, and in other countries it has long acquired real features" [16]. As a rule, the significance of law in Russian society consists in establishing its supremacy over other values, since this is directly interconnected with the formation of modern legal consciousness. At the same time, the characteristic features of legal consciousness are expressed in the peculiarities of the mentality of people and modern society as a whole.

So, legal culture is a mandatory requirement for a meaningful performance by a person who is in society, civic duty. This allows you to eliminate other views and principles that take the behavior of an individual outside the established limits of legal norms, which in turn prevents violence and violation of the rights of citizens by other persons. As a rule, the prerequisites for strengthening the rule of law and law and order for legal reasons of citizens are scientifically proven and reasoned, since it can be argued that without them the existence of a rule of law is impossible, which means that it will be impossible to build a civil society.

Legal culture has several obligatory functions in the state. First of all, its main law-forming function is to fulfill state and legal powers, to conduct judicial and administrative legal policy of the state. This function contributes to the formation of new ideas in legal policy, the improvement of the forms of reflection and content of law, the creation of a more effective legal system. Thanks to this function, the components of legal culture are realized, respectively, knowledge of law, attitude towards it and the skills of lawful posi-

Theory of State and Law

---

tive legal behavior. As a rule, this function is primarily aimed not only at ensuring a high standard of living for Russian citizens, but also at all possible development of the person himself.

The second function of legal culture is educational, implemented in the process of forming the corresponding legal ideology, legal beliefs, norms, standards and activities of numerous subjects of law, as well as the introduction of legal phenomena into the social environment, in order to streamline relationships, meet human needs and hobbies.

The main task of this function is noted that it is able to prevent legal prescriptions in the inner convictions of a person, to increase the level of individual and general legal awareness as regulators and limiters of the behavior of subjects of law. The implementation of the educational function sets in motion the entire legal system and directs legal activity.

The axiological function of legal culture lies in the fact that the legal values available in society constitute certain criteria and make it possible to assess the legal state of social processes and phenomena. Legal culture includes values such as social institutions, norms, assessments, evaluation criteria, each of which has a regulatory significance.

The regulatory function of legal culture is to ensure a stable legal order, to achieve the ultimate goal of legal regulation – the implementation of the rule of law. Under the conditions of a transitional state in the absence of legal norms, legal culture, like legal consciousness, performs its own regulatory function, directly regulates social relations. In a developed legal system, the role of legal culture is to ensure stability, orderliness, efficiency of the existing mechanism of state power, optimization of the legal system based on legal ideals, legal traditions formed by legal culture.

Another function of legal culture is predictive. This function is aimed at determining the quality, efficiency, trends and patterns, ways of development of legal phenomena, processes and conditions, in the selection of the most appropriate methods, methods, means, techniques for achieving cultural and legal goals, in predicting possible legal consequences for people, their associations and organizations.

The formation of a legal culture is a complex but necessary process that affects all aspects of public life. Among the means of its formation, one can single out the propaganda of law, the acquisition of legal knowledge by citizens, the availability of optimal legal science, effective and stable legislation at the federal and regional levels, including a democratic constitution.

Legal education of citizens of a modern state should be carried out in order to form a high legal culture. There is a need to expand and improve the system of educational institutions that train professional lawyers. Equally important is the implementation of legal education in non-legal educational institutions. Legal education and enlightenment of civil servants should take a special place in the education system, since they have the greatest impact on the effective process of realizing the rights, freedoms and obligations of citizens [21].

In general, we can conclude that legal culture is a complex, complex and multifaceted phenomenon. It is a necessary condition for the formation of the rule of law, as it performs the most important functions necessary for its formation and development. In the absence of a legal culture, any form of government can become anti-democratic, which threatens with disastrous consequences for society, the state and the entire legal order, therefore, the formation of a legal culture must be carried out purposefully and systematically among all segments of the population.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.
2. Absalyamov IS Diversity of approaches to the characteristics of legal culture // Legal state: theory and practice. 2013. No. 3 (33). P. 140–145.
3. Alekseev S.S. Climbing to the right: searches and solutions. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Norma, 2002. 608 p.
4. Balakleets, I.I. Legal culture: genesis, essence, state, problems and development prospects: monograph / I. I. Balakleets, A. N. Sokolov. Kaliningrad: Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 194 p.
5. Bondarev, A.S. Legal culture – a factor of life and law: monograph / A.S. Bondarev. Moscow: Yurlitinform, 2012. 245 p.
6. Galesnik, LS Soviet state of the whole people and its role in the construction of communism. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 36 p.; Galesnik L.S. Public law and education of communist consciousness // Soviet state and law. Moscow: Nauka, 1962, No. 9. P. 26–35.
7. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Socionormative basis of a legal state: article // Theory of state and law. 2018. No. 2. P. 46–52.
8. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Legal state and legal culture: interconnection and interdependence: article // Legal science. 2016. No. 6. P. 5–10.
9. Ibragimova Z.N. Legal culture of the Russian Federation in schemes. Tutorial. Orel: Publishing house "BINDER", 2017. 64 p.
10. Ionin, L.G. Sociology of culture: textbook. manual for universities. 4th ed., Rev. and add. / L. G. Ionin. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2004. 427 p.
11. Komarov S.A., Malko A.V. Theory of State and Law. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 448 p.
12. Komarov, SA General theory of state and law: a textbook for bachelor's and master's degrees / p. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 506 p. (Series: Bachelor and Master. Academic course).
13. Lukasheva, E.A. Human rights: textbook / otv. ed. E.A. Lukasheva. 3rd ed., Revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2019. 512 p.
14. Theory of state and law: A course of lectures / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: Norma: Infra-M, 2012. 640 p.
15. Pevtsova E.A. Modern definitive approaches to legal culture and legal consciousness // Journal of Russian law. 2004. No. 3 (87). P. 70–81.
16. Ryanov, F.M. Civil society and legal state: problems of understanding and correlation: monograph / F.M. Ryanov. Moscow: Yurlitinform, 2015. 319 p.
17. Sazanov O.V. To the definition of the concept of legal culture // Rubicon: collection of articles young scientists of the Rostov State University. Issue 35. Rostov n / D, 2005. P. 43.
18. Salnikov V.P. Legal culture // Theory of state and law / ed. N.I. Matuzov and A.V. Malko. Moscow, 2000. 630 p.; Salnikov V.P. Legal culture // General theory of state and law. Academic course / Resp. ed. M.N. Marchenko. T. 3. Moscow: Infra-M, 2016. 527 p.
19. Semitko A.P., Rusinov R.K. Legal awareness and legal culture: Ch. in the textbook // Theory of state and law. Moscow, 2000. 331 p.
20. Ustyan E.A. Problems of legal culture in modern Russian society // Theory of state and law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 137–144.
21. Galiev F.Ch., Komarov S.F. Evolution and General characteristics of contemporary legal culture: article // Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies, "Sydney University Press". Volume III. 2015. No. 1 (15). P. 521–537.

For citation: Loginov S.N., Filimonov D.G. Legal culture and its role in a legal state // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 175–182. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.009

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ФУНКЦИЯХ ПРАВОСОЗНАНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируется правовое сознание как весьма сложный феномен, который имеет различные аспекты философского, юридического, социально-политического и морального содержания. Оно представляет собой сферу общественного сознания, духовной жизни общества и является элементом правовой жизни. В целом сущностные функции правосознания аккумулируют, обобщают и сосредотачивают в себе содержание и цели реализации права, а также формы и методы этой деятельности. При этом функция это не просто потенциальная, абстрактная возможность, но и сама деятельность субъекта реализации права, подчиненная конкретным целям, которые объективно обусловлены и направлены на достижение определенного результата.*

***Ключевые слова:** правосознание, функции правосознания, право, реализация права, правопонимание, сущность правосознания.*

Проблема сознания, его содержания, назначения и функционирования является одной из важнейших в любой области общественных наук, в том числе и юридических. Проблема сознания имеет непосредственное отношение к человеку, его внутреннему миру и бытию в рамках системы социальных связей и культурных ценностей, что позволяет взглянуть на проблему через призму различных точек зрения и научной полемики.

Наука как интегративная система юридического знания, выстраивает собственную концепцию правового сознания, понимая его как необходимый, постоянный признак правовой действительности, концентрирующий в себе все возможные познавательные интерпретации, значимые для юридического регулирования.

В российской юридической науке существует множество определений понятия «правосознание». Ученые в различные исторические периоды по-разному понимали правосознание, его значение и сущность. С.А. Комаров считает, что «правосознание есть **осознание права**, совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей как к действующему, так и к желаемому праву. Оно имеет общую природу с правом и в силу этого вторично по отношению к существующим экономическим отношениям; формируется под непосредственным воздействием объективно обусловленных потребностей и интересов общества, различных социальных групп; динамично развивается под влиянием меняющихся объективных условий и процессов; является частью общественного сознания и поэтому испытывает на себе влияние философских, идеологических, политических, религиозных воззрений» [3, с. 408].

---

* Орлова Александра Андреевна, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: orlova4685@ya.ru

** Бутенко Татьяна Павловна, доцент кафедры уголовного права Амурского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: butanya1979@yandex.ru

Множество определений правосознания обусловлено наличием ряда причин: во-первых, сложностью определения понятия «сознание»; во-вторых, особенностью структуры самого явления и условиями его формирования; в-третьих, наличием трудностей в связи с разнообразием подходов к определению понятия «право».

Правовое сознание – это форма общественного, группового, индивидуального сознания, представляющая собой совокупность психологических и идеологических компонентов, основанных на правовых, политических, моральных феноменах, способного воздействовать на правовую действительность.

В частности, к числу таких явлений относятся нормы права, правовая система, юридическая практика, государственная идеология, политическое сознание, нормы морали, этики, явления национальной и общечеловеческой культуры. До сих пор актуальными являются исследования, отражающие взаимосвязь правового сознания и правовой культуры [1].

Правосознание – весьма сложный феномен, который имеет различные аспекты философского, юридического, социально-политического и морального содержания. Оно представляет собой сферу общественного сознания, духовной жизни общества и является элементом правовой жизни.

Осознание сущности и ценности права, его роли в социальной жизни общества, включая и категорию правосознания, особенно важно возродить, воплощая в жизнь накопленный научный потенциал. В свою очередь это создает основу для разработки концепции современного правосознания, его интегрального определения с учетом обновления правовых, социально-политических, экономических, духовных реальностей российского общества.

Очевидно, что возможны различные варианты концептуализации правового сознания в рамках юридической теории. Так, в зависимости от типов правопонимания, особенностей современного познания задается собственное видение правосознания, расставляются акценты на его аспекты как феномена юридического мира. Кроме того, необходимо отметить, что концептуализация правосознания обуславливается ролью и назначением права в том или ином историческом, политическом и культурном контексте [2, с. 29].

Ценность правового сознания в наибольшей степени раскрывается в содержании и особенностях его функций.

В философской и правовой литературе функциям правосознания уделяется значительное внимание. Существуют различные точки зрения на определение понятия «функция правосознания», которые отражают разнообразие подходов к выделению самих функций, их значению и направленности.

Функции правового сознания представляют собой определенную систему, а не просто набор отдельных направлений воздействия правового сознания на окружающую действительность [4, с. 52]. Для функций правового сознания характерны их взаимосвязь, взаимообусловленность, взаимодействие, обмен содержанием. Такие направления иногда структурно соотносимы содержанием одновременно двух, граничащих на стыках, функций. Поэтому важно не только изучение содержания отдельных функций, но и их взаимодействие.

Сущностные функции правового сознания – это обусловленные сущностными свойствами правового сознания однородные направления воздействия, а также способы обработки информации о правовой действительности, формирующие цели и определяющие варианты поведения.

К существенным функциям правового сознания относятся: отражательная, оценочная, познавательная, телеологическая, прогностическая.

Отражательная функция правосознания осуществляется путем правового осознания действительности через оценку отражаемых явлений общественной и правовой жизни. Специфика правового отражения состоит в том, что происходит синтезирование информационного, нормативного и оценочного отражения. Из этой специфики вытекает единство отражения, толкования и интерпретации познания.

При осуществлении этой функции происходит сначала восприятие получаемой информации, а затем ее истолкование. Отметим, что в данной функции речь не идет о тех случаях, когда сознательно субъектом осуществляется поиск информации.

В процессе интерпретации происходит оценка информации. На этом этапе реализуется *оценочная функция*. Оценочная функция проявляется в эмоциональном отношении личности к различным явлениям правовой жизни. В основе возникающих эмоций лежит правовой опыт и правовая практика. Эмоциональное отношение выражается в определении значимости, ценности полученных знаний.

Полученная оценка проявляется на всех уровнях и во всех видах правосознания. При этом субъектами правового отражения, познания и оценки может выступать как отдельная личность, так и общество в целом.

Отношение к праву, его принципам, нормам, институтам, к правовому поведению, включая личностное (правомерному или противоправному), а также к государственным органам составляют содержание оценочной функции правосознания. Процесс отражения действительности в общественном сознании «в соответствии со сложностью отражаемого объекта и многоступенчатостью познания не ограничивается каким-то одним направлением отражения, а осуществляется многопланово, по всем каналам и направлениям». При этом объективная необходимость учета в социальном познании фактора случайности и многовариантности исторического развития определяет выработку сознанием и хранение в его памяти набора всевозможных идей, гипотез, концепций о государстве и праве, их сущности и проявлениях в прошлом, настоящем и будущем.

Познавательная функция заключается в том, что через восприятие и осознание правовых явлений происходит познание объективной действительности. Конечным итогом осуществления этой функции является наличие определенной суммы юридических знаний в виде идей, категорий, взглядов, представлений, являющихся плодом интеллектуальной деятельности и выражающихся в понятии «правовая подготовка». Познавательная функция осуществляется только в том случае, если индивид имеет намерение получить и обработать ту или иную правовую информацию. Следует отметить, что субъектами такого познания являются не только юристы, но и обычные граждане, которые используют полученную информацию для выполнения своих повседневных жизненных задач.

В результате познания возникают идеи, взгляды, теории, часть из которых превращается законодателем в право. В отношении профессионального и доктринального правового сознания эта функция характеризуется своей концептуальностью, то есть выступает в виде различных теорий, концепций, гипотез, предложений, проектов и др.

Наличие у носителя данного вида правосознания некоего количества и определенного качества знаний и представлений, способность на их основе верно воспринимать и анализировать политико-правовые процессы происходящие в российском обществе и государстве, позволяют ему ориентироваться в сущности и закономерностях происходящего государственного строительства в России, видеть свое место и свою роль в реализации государственной политики.

При этом следует учитывать, что познавательная функция правосознания вне связи с другими функциями не характеризует специфики правового сознания. Особенность познавательной функции состоит в том, что происходит объединение различных видов отражения (информационного, нормативного и оценочного). Этой особенностью определяется единство отражения, познания, регуляции и воспитания.

Телеологическая функция заключается в формировании цели правосознания и правового воспитания. В процессе деятельности правосознания происходит активизация его содержания, которое начинает оказывать влияние на выбор цели. Сама цель устанавливается в соответствии с представлениями индивида, группы или общества о желаемом и должном. Развитое правосознание наиболее ценно, так как формирует у субъекта цели, направленные на осознанное правомерное поведение.

Прогностическая функция реализуется посредством анализа нескольких вариантов деятельности, которые могут привести к достижению поставленных целей. Прогностическая функция заключается в том, что с помощью правосознания прогнозируются последствия осуществления определенных действий, достижения поставленных целей и как результат осуществляется выбор окончательного варианта поведения, который впоследствии корректируется или полностью меняется в результате его реализации на практике.

Рассмотренный механизм действия правосознания является весьма схематичным, поскольку мыслительная деятельность может осуществляться как длительное время, так и в очень короткий промежуток времени. Кроме того, в данном случае функционирование правосознания рассматривается без учета воздействия на него других форм сознания.

Библиографический список

1. Воробьев С.М., Зотова Н.В., Лещенко О.В., Комаров С.А., Курмаев Р.М. Правосознание и правовая культура граждан России: теоретико-правовые проблемы // *Dilemas contemporáneos: educación, política y valores* // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/> Año: VII Número: Edición Especial Artículo №: 108. Período: Noviembre, 2019.
2. Гусарова М.А. Понятие правосознания в современных интегративных теориях (на примере концепций А. В. Полякова и И. Л. Честнова) // *Общество: философия, история, культура*. – 2017. – № 1. – С. 28–31.
3. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
4. Реуф В.М., Сальников С.П. Правосознание как функция и функции правосознания // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. – 2009. – № 12. – С. 50–57.

Для цитирования: Орлова А.А., Бутенко Т.П. К вопросу о понятии и функциях правосознания // *Теория государства и права*. 2020. № 4 (20). С. 183–186. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.010

Alexandra A. Orlova*
Tatyana P. Butenko**

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND FUNCTIONS OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Annotation. *The article analyzes legal consciousness as a very complex phenomenon that has various aspects of philosophical, legal, socio-political and moral content. It represents the sphere of social consciousness, the spiritual life of society and is an element of legal life. In general, the essential functions of legal consciousness accumulate, generalize and concentrate in themselves the content and goals of the implementation of law, as well as the forms and methods of this activity. At the same time, the function is not just a potential, abstract opportunity, but also the very activity of the subject of the implementation of the law, subordinate to specific goals, which are objectively conditioned and aimed at achieving a certain result.*

Key words: *legal consciousness, functions of legal consciousness, law, implementation of law, legal thinking, the essence of legal consciousness.*

The problem of consciousness, its content, purpose and functioning is one of the most important in any area of social sciences, including legal. The problem of consciousness is directly related to a person, his inner world and being within the framework of a system of social ties and cultural values, which allows us to look at the problem through the prism of different points of view and scientific polemics.

Science, as an integrative system of legal knowledge, builds its own concept of legal consciousness, understanding it as a necessary, permanent sign of legal reality, concentrating all possible cognitive interpretations that are significant for legal regulation.

In Russian legal science there are many definitions of the concept of "sense of justice". Scientists in different historical periods understood legal consciousness, its meaning and essence in different ways. S.A. Komarov believes that "the sense of justice is the awareness of law, a set of ideas and feelings that express the attitude of people towards both the current and the desired law. It has a common nature with law and, therefore, is secondary in relation to existing economic relations; is formed under the direct influence of objectively determined needs and interests of society, various social groups; dynamically develops under the influence of changing objective conditions and processes; is a part of public consciousness and therefore is influenced by philosophical, ideological, political, religious views" [3, p. 408].

Many definitions of legal consciousness are due to a number of reasons: first, the complexity of the definition of the concept of "consciousness"; secondly, the peculiarity of the structure of the phenomenon itself and the conditions of its formation; thirdly, the presence of difficulties in connection with the variety of approaches to the definition of the concept of "law".

Legal consciousness is a form of social, group, individual consciousness, which is a combination of psychological and ideological components based on legal, political, moral phenomena, capable of influencing legal reality.

---

* **Orlova Alexandra Andreevna**, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail:

** **Butenko Tatyana Pavlovna**, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Amur State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail:

In particular, such phenomena include the norms of law, the legal system, legal practice, state ideology, political consciousness, norms of morality, ethics and phenomena of national and universal culture. Until now, studies reflecting the relationship between legal consciousness and legal culture are relevant [1].

Legal consciousness is a very complex phenomenon that has various aspects of philosophical, legal, socio-political and moral content. It represents the sphere of social consciousness, the spiritual life of society and is an element of legal life.

It is especially important to revive the awareness of the essence and value of law, its role in the social life of society, including the category of legal consciousness, by implementing the accumulated scientific potential. In turn, this creates the basis for the development of the concept of modern legal consciousness, its integral definition, taking into account the renewal of the legal, socio-political, economic, spiritual realities of Russian society.

It is obvious that various options for conceptualizing legal consciousness are possible within the framework of legal theory. So, depending on the types of legal thinking, the peculiarities of modern cognition, a personal vision of legal consciousness is set, emphasis is placed on its aspects as a phenomenon of the legal world. In addition, it should be noted that the conceptualization of legal consciousness is determined by the role and purpose of law in a particular historical, political and cultural context [2, p. 29].

The value of legal consciousness is revealed to the greatest extent in the content and features of its functions.

In the philosophical and legal literature, considerable attention is paid to the functions of legal consciousness. There are different points of view on the definition of the "function of legal consciousness", which reflect the variety of approaches to the allocation of the functions themselves, their meaning and direction.

The functions of legal consciousness represent a certain system, and not just a set of separate directions of the impact of legal consciousness on the surrounding reality [4, p. 52]. The functions of legal consciousness are characterized by their interconnection, interdependence, interaction, exchange of content. Such directions are sometimes structurally correlated with the content of simultaneously two, bordering at the junctions, functions. Therefore, it is important not only to study the content of individual functions, but also their interaction.

The essential functions of legal consciousness are homogeneous directions of influence determined by the essential properties of legal consciousness, as well as methods of processing information about legal reality, which form goals and determine options for behavior.

The essential functions of legal consciousness include: reflective, evaluative, cognitive, teleological, prognostic.

The reflective function of legal consciousness is carried out through legal awareness of reality through an assessment of the reflected phenomena of social and legal life. The specificity of legal reflection is that there is a synthesis of information, regulatory and evaluative reflection. The unity of reflection, interpretation and interpretation of cognition follows from this specificity.

When performing this function, the information received is first perceived, and then its interpretation. Note that in this function we are not talking about those cases when the subject consciously searches for information.

In the process of interpretation, information is evaluated. At this stage, the evaluation function is implemented. The evaluative function is manifested in the emotional attitude of

the individual to various phenomena of legal life. The emotions that arise are based on legal experience and legal practice. An emotional attitude is expressed in determining the significance and value of the knowledge gained.

The resulting assessment is manifested at all levels and in all types of legal consciousness. In this case, the subjects of legal reflection, knowledge and evaluation can be both an individual and society as a whole.

The attitude to law, its principles, norms, institutions, to legal behavior, including personal (lawful or unlawful), as well as to state bodies constitute the content of the evaluative function of legal consciousness. The process of reflection of reality in public consciousness "in accordance with the complexity of the reflected object and the multistage of cognition is not limited to any one direction of reflection, but is carried out in a multidimensional manner, along all channels and directions." At the same time, the objective need to take into account in social cognition the factor of randomness and multivariance of historical development determines the development of consciousness and storage in its memory of a set of all kinds of ideas, hypotheses, concepts about state and law, their essence and manifestations in the past, present and future.

The cognitive function lies in the fact that through the perception and awareness of legal phenomena, the cognition of objective reality occurs. The end result of this function is the presence of a certain amount of legal knowledge in the form of ideas, categories, views, concepts, which are the fruit of intellectual activity and expressed in the concept of "legal training". The cognitive function is carried out only if the individual has the intention to receive and process this or that legal information. It should be noted that the subjects of such knowledge are not only lawyers, but also ordinary citizens who use the information received to carry out their daily life tasks.

As a result of cognition, ideas, views, theories arise, some of which are converted by the legislator into law. In relation to professional and doctrinal legal consciousness, this function is characterized by its conceptuality, that is, it acts in the form of various theories, concepts, hypotheses, proposals, projects, etc.

The presence of a carrier of this type of legal consciousness of a certain amount and a certain quality of knowledge and ideas, the ability on their basis to correctly perceive and analyze the political and legal processes taking place in Russian society and the state, allow him to navigate the essence and laws of the ongoing state building in Russia, to see his place and its role in the implementation of public policy.

It should be borne in mind that the cognitive function of legal consciousness outside the connection with other functions does not characterize the specifics of legal consciousness. The peculiarity of the cognitive function is that there is a combination of various types of reflection (information, normative and evaluative). This feature determines the unity of reflection, cognition, regulation and education.

The teleological function is to form the goal of legal awareness and legal education. In the process of the activity of legal consciousness, its content becomes more active, which begins to influence the choice of the goal. The goal itself is established in accordance with the ideas of an individual, group or society about what is desirable and necessary. Developed legal awareness is most valuable, as it forms the subject of goals aimed at conscious lawful behavior.

The predictive function is implemented through the analysis of several options for activities that can lead to the achievement of the goals. The predictive function is that with the help of legal consciousness, the consequences of the implementation of certain actions,

the achievement of the set goals are predicted, and as a result, the choice of the final version of behavior is made, which is subsequently corrected or completely changed as a result of its implementation in practice.

The considered mechanism of action of legal consciousness is very schematic, since mental activity can be carried out both for a long time and in a very short period of time. In addition, in this case, the functioning of legal consciousness is considered without taking into account the impact on it of other forms of consciousness.

Bibliographic list

1. Vorobiev S.M., Zotova N.V., Leshchenko O.V., Komarov S.A., Kurmaev R.M. Legal awareness and legal culture of Russian citizens: theoretical and legal problems // Dilemas contemporáneos: educación, política y valores // <http://www.dilemascontemporaneoseduacionpolitica yvalores.com/> Año: VII Número: Edición Especial Artículo No: 108. Noviembre, 2019.

2. Gusarova M.A. The concept of legal consciousness in modern integrative theories (on the example of the concepts of A.V. Polyakov and I.L. Chestnov) // Society: philosophy, history, culture. 2017. No. 1. P. 28–31.

3. Komarov, S.A. General theory of state and law: a textbook for universities / S.A. Komarov. – 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

4. Reuf V.M., Salnikov S.P. Legal awareness as a function and functions of legal awareness // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 12. P. 50–57.

For citation: Orlova A.A., Butenko T.P. On the question of the concept and functions of legal consciousness // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 187–190. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.010

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

***Аннотация.** Статья посвящена теоретико-прикладному анализу злоупотребления правом, как особой формы его реализации, которая характеризуется тем, что наделенный правовыми полномочиями субъект, создавая видимость своего правомерного поведения, недозволенным способом нарушает границы действия правовых норм.*

***Ключевые слова:** злоупотребление правом, правовая норма, формы реализации права, правовое регулирование, правотворчество, правореализация.*

В современной теоретической и прикладной юриспруденции вопросам реализации права уделяется большое внимание, поскольку именно в правореализационном механизме материализуется его основное социальное предназначение – регулировать наиболее сложные, конфликтные общественные отношения, которые не могут уладить иные социальные регуляторы (мораль, обычаи, традиции, ритуалы, религия и др.). Реализация является одной из важных форм бытия права, обеспечивающая трансформацию нормативных правовых предписаний в область содержания правовых отношений, то есть воплощается в конкретном поведении субъекта. Посредством правореализации участники правовых отношений претворяют в жизнь свои субъективные права и субъективные юридические обязанности, закрепленные в правовых нормах.

Вместе с тем начальным этапом его реализации является правотворческая деятельность уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, которые, воздействуя на правовое сознание и правовую культуру людей, побуждают их действовать определенным образом. Следовательно, обладая особой социальной ценностью, нормы права являются существенным инструментом воздействия на поведение людей.

В научной литературе совершенно справедливо отмечается, что нормы права, обладая социальной ценностью, являются важным инструментом воздействия на общественные отношения при условии их претворения в жизнь в результате сознательного поведения людей. Следовательно, реализация права – необходимое условие его бытия.

Поскольку норма права – это единство гипотезы, диспозиции и санкции, то, естественно, ее содержание предполагает два уровня (или способа) реализации:

- реализацию диспозиции в правомерном поведении – нормальная реализация;
- реализацию санкции через принудительно навязанное правонарушителю государственной властью поведение – правообеспечительная реализация [4, с. 383].

Итак, реализация правовых норм представляет собой конечный результат правового регулирования общественных отношений, то есть претворение, воплощение

---

* **Полищук Николай Иванович**, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

юридических установок в реальную жизненную действительность посредством правомерного поведения субъектов общественных отношений. Правомерный характер реализации субъективных прав и юридических обязанностей в конкретном общественном отношении, свидетельствует о том, что правовая норма востребована и реально работает.

В юридической литературе правореализацию принято связывать только с правомерным поведением людей, то есть с таким поведением, которое соответствует правовым предписаниям. Субъектами реализации права являются физические и юридические лица, на которых правовые нормы распространяют свое действие. При этом в одном случае это активное положительное действие субъектов по использованию прав или исполнению обязанностей, а в другом – пассивное бездействие, характеризующееся воздержанием от совершения противоправных действий. Следовательно, правомерное поведение субъектов общественных отношений реализует норму права, а неправомерное – нарушает.

Правовые нормы реализуются в различных формах. Это обусловливается рядом обстоятельств: а) разнообразием содержания и характера общественных отношений, регулируемых правом; б) различием средств воздействия права на поведение людей; в) спецификой содержания норм права; г) положением того или иного субъекта в общей системе правового регулирования, его отношением к юридическим предписаниям; д) формой внешнего проявления правомерного поведения [5, с. 255].

Традиционно по характеру действий субъектов, степени их активности и направленности выделяют непосредственные формы – соблюдение, исполнение, использование, а также особую форму – применение права.

В форме соблюдения, исполнения, использования, реализуется большинство юридических норм. Они непосредственно претворяются в жизнь действиями самих субъектов общественных отношений, и, как правило, не требуют посредничества государственных органов и уполномоченных лиц. Правореализационная деятельность государства предполагает наличие и особой формы реализации права – применения норм права, требующей участия уполномоченных на то компетентных органов или должностных лиц.

Применение норм права – это особая государственно-властная деятельность, осуществляемая компетентными органами или должностными лицами в определенных процедурных формах, направленная на содействие в реализации юридических норм путем вынесения индивидуально-конкретных решений.

Исследуя вопросы применения права необходимо отметить, что в современной юриспруденции бытует мнение о том, что кроме устоявшихся четырех традиционных форм реализации права наличествует еще одна особенная форма его реализации, именуемая злоупотреблением правом. В юридической науке под злоупотреблением правом понимают деяние, состоящее в причинении вреда посредством реализации лицом своего субъективного права или юридической обязанности. В буквальном смысле слова термин «злоупотребление правом» означает употребление права во зло.

С.А. Комаров и Б.А. Ревнов отмечают, что «как правило, в юридической науке выделяют два вида злоупотребления правом: во-первых, это поведение субъекта права (управомоченного лица) в правовых рамках, предоставленных действующим законодательством, но с превышением пределов, установленных для осуществления субъективных прав; во-вторых, это законное поведение субъекта права (управомо-

ченного лица) в правовых рамках без превышения установленных пределов. В этих ситуациях следует определить насколько злоупотребление правом предполагает осознанную субъектом права (управомоченным лицом) возможность причинения вреда иным лицам и(или) охраняемым государством законных интересов граждан [6, с. 1190].

Злоупотребление правом, как особый вид его реализации, состоит в использовании должностными лицами или гражданами своих прав способами, которые по своей внешней форме не противоречат правовым предписаниям, а по внутреннему содержанию искажают их смысл, сущность и назначение, в результате чего причиняются неудобства или вред конкретному человеку, коллективу, обществу и государству в целом. Следовательно, по внешней форме проявления это правомерное поведение, а по содержанию противоправное. С.Г. Зайцева справедливо считает, что «термином «злоупотребление правом» допустимо обозначать только те ситуации, которые имеют непосредственное отношение к праву, к правовому регулированию. Ситуации, противоречащие нормам морали и другим социальным нормам, действующим в обществе, злоупотреблением правом не являются [3, с. 8].

Применительно к нашему исследованию злоупотребление правом характерно для активных форм реализации правовых норм, то есть – использования, исполнения и применения. Злоупотребление правом не может быть осуществлено в пассивной форме, характерной для соблюдения, так как воздержание субъекта от определенных правовых действий, исключает возможность реализации запрещающей нормы права.

Как деяние, злоупотребление правом, состоит в использовании лицом, наделенным субъективными правами и юридическими обязанностями правовых норм в целях удовлетворения своих личных, меркантильных интересов. Как правило, это деяние умышленное, характеризующееся прямым умыслом. В тех случаях, когда имеет место «шикана», то есть использование своего субъективного права, данного в силу закона или договора с целью причинить вред другому лицу либо иной целью – умысел может быть прямым или косвенным.

Особо следует отметить, что злоупотребление правом может быть реализовано и путем злоупотребления юридической обязанностью, поскольку ее не исполнение, или недобросовестное исполнение, так же может повлечь причинение вреда другим лицам, обществу или государству.

Как уже ранее отмечалось, типичной особенностью злоупотребления правом является то обстоятельство, что управомоченное лицо, выходит за пределы предоставленных ему законом субъективных прав и юридических обязанностей, нанося тем самым вред или ущерб другим субъектам общественных отношений. Следовательно, злоупотребление правом может выражаться в трех ипостасях: злоупотребление субъективным правом; злоупотребление субъективной юридической обязанностью; злоупотребление полномочием.

На сегодняшний день законодатель не дает четкого и однозначного понятия злоупотребления правом. Исключение составляет лишь ст. 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в которой содержится требование о недопустимости осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) [1].

Вместе с тем, подобные злоупотребления существуют и в иных отраслях права. В тех случаях, когда злоупотребление правом представляет особую степень общественной опасности, законодатель определяет его как правонарушение и устанавливает юридическую ответственность. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации содержатся следующие составы преступлений: ст. 201 (злоупотребление полномочиями), ст. 202 (злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами), ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 330 (самоуправство) и др. [2].

Перечень деяний в которых присутствуют признаки злоупотребления правом не редко встречаются в трудовом законодательстве (несвоевременная выплата работодателем заработной платы), финансовом праве (не добросовестное исполнение юридическим или физическим лицом кредитных обязательств), в избирательном законодательстве (злоупотребления в ходе проведения предвыборной агитации) и т. д. Кроме того, злоупотребление правом являются мнимые сделки, фиктивные браки, лоббирование должностным субъектом коммерческих интересов отдельных юридических или физических лиц, совершение участниками аукциона действий, направленных на создание видимости состязательности и др.

Следует отметить, что характерной особенностью злоупотребления правом является то обстоятельство, что оно не соответствует классическому пониманию правонарушения, как виновного противоправного общественно вредного деяния, так как не связано с нарушением конкретно установленных запретов, или невыполнением определенных юридических обязанностей, характерных для правонарушения. При злоупотреблении правом субъект лишь нарушает пределы предоставленного ему субъективного права или юридической обязанности. Несмотря на то, что по своей сути злоупотребление правом всегда социально вредно и нежелательно для общества, именно отсутствие противоправности не позволяет нам считать такое поведение правонарушением. Следовательно, данный юридический феномен необходимо рассматривать как самостоятельный вид правового поведения, сродни маргинального.

Итак, злоупотребление правом – это вариант правового поведения, при котором лицо, обладающее соответствующими субъективными правами или юридическими обязанностями недозволенным способом реализует норму права, нарушая границы ее действия. Особенность данной формы заключается в том, что наделенный правовыми полномочиями субъект, создавая *видимость своего правомерного поведения*, опираясь на предписания правовых норм, использует право в своих корыстных, меркантильных интересах, чем в конечном итоге причиняет неудобства или вред личным, общественным или государственным интересам.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // www.consultant.ru
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // www.consultant.ru
3. Зайцева, С. Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 26 с.
2. См.: Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
3. Теория государства и права: Учебник / Под ред. проф. А.В. Малько и проф. А.Ю. Соломатина. 2-е изд. испр. и доп. – СПб, 2015. – С. 255.

4. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. P. 1188–1197.

Для цитирования: Полищук Н.И. Злоупотребление правом как особая форма реализации правовых норм // Теория государства и права. 2020. № 4 (20). С. 191–195. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.011

Nikolai I. Polishchuk *

ABUSE OF LAW AS A SPECIAL FORM OF IMPLEMENTATION OF LEGAL NORMS

Annotation. *The article is devoted to the theoretical and applied analysis of abuse of law as a special form of its implementation, which is characterized by the fact that the subject endowed with legal powers, creating the appearance of its lawful behavior, violates the boundaries of legal norms in an unauthorized way.*

Key words: *abuse of the right, legal norm, forms of realization of the right, legal regulation, law-making, legal realization.*

In modern theoretical and applied jurisprudence, much attention is paid to the implementation of law, since it is in the law-enforcement mechanism that its main social purpose materializes – to regulate the most complex, conflicting social relations that cannot be settled by other social regulators (morality, customs, traditions, rituals, religion, etc. etc.). Realization is one of the important forms of the existence of law, which ensures the transformation of normative legal prescriptions into the area of the content of legal relations, that is, it is embodied in the specific behavior of the subject. Through legal implementation, the participants in legal relations implement their subjective rights and subjective legal obligations enshrined in legal norms.

At the same time, the initial stage of its implementation is the lawmaking activity of authorized state bodies and officials, who, influencing the legal consciousness and legal culture of people, induce them to act in a certain way. Consequently, having a special social value, the rule of law is an essential tool for influencing the behavior of people.

In the scientific literature, it is quite rightly noted that the norms of law, having a social value, are an important tool for influencing public relations, provided they are implemented as a result of the conscious behavior of people. Consequently, the realization of law is a necessary condition for its existence.

Since the rule of law is a unity of hypothesis, disposition and sanction, then, naturally, its content presupposes two levels (or methods) of implementation:

– the implementation of the disposition in lawful behavior – normal implementation;

– the implementation of the sanction through the behavior imposed on the offender by the state authorities – law enforcement implementation [4, p. 383].

So, the implementation of legal norms is the end result of the legal regulation of social relations, that is, the transformation, embodiment of legal attitudes into real life reality through the legitimate behavior of the subjects of social relations. The legitimate nature of

---

* **Polishchuk Nikolai Ivanovich**, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

the implementation of subjective rights and legal obligations in a specific social relation indicates that the legal norm is in demand and really works.

In the legal literature, it is customary to associate law enforcement only with the lawful behavior of people, that is, with such behavior that corresponds to legal prescriptions. The subjects of the exercise of the right are individuals and legal entities to which the legal norms apply. Moreover, in one case, this is an active positive action of subjects to use rights or perform duties, and in the other – passive inaction, characterized by refraining from committing illegal actions. Consequently, the lawful behavior of the subjects of social relations implements the rule of law, and the illegal one violates.

Legal regulations are implemented in various forms. This is due to a number of circumstances: a) the diversity of the content and nature of social relations governed by law; b) the difference in the means of influencing the right to the behavior of people; c) the specifics of the content of the rule of law; d) the position of this or that subject in the general system of legal regulation, its relation to legal prescriptions; e) the form of external manifestation of lawful behavior [5, p. 255].

Traditionally, according to the nature of the actions of subjects, the degree of their activity and orientation, direct forms are distinguished – compliance, execution, use, as well as a special form – the application of law.

Most of the legal norms are implemented in the form of compliance, execution, use. They are directly implemented by the actions of the subjects of public relations themselves, and, as a rule, do not require the mediation of state bodies and authorized persons. The law enforcement activity of the state presupposes the presence of a special form of implementation of the law – the application of the norms of law, which requires the participation of authorized competent bodies or officials.

The application of legal norms is a special state-power activity carried out by the competent authorities or officials in certain procedural forms, aimed at assisting in the implementation of legal norms by making individual-specific decisions.

Exploring the issues of the application of law, it should be noted that in modern jurisprudence there is an opinion that, in addition to the four established traditional forms of exercising the right, there is another special form of its implementation, called abuse of law. In legal science, abuse of law is understood as an act consisting in causing harm through the exercise by a person of his subjective right or legal obligation. In the literal sense of the word, the term "abuse of law" means the use of law for evil.

S.A. Komarov and B.A. Revnov note that "as a rule, in legal science there are two types of abuse of law: firstly, this is the behavior of the subject of law (entitled person) within the legal framework provided by the current legislation, but exceeding the limits established for the exercise of subjective rights; secondly, it is the legal behavior of the subject of law (entitled person) within the legal framework without exceeding the established limits. In these situations, it is necessary to determine to what extent the abuse of law presupposes the possibility of harm to other persons and (or) the legitimate interests of citizens protected by the state by the subject of law (entitled person) [6, p. 1190].

Abuse of law, as a special type of its implementation, consists in the use by officials or citizens of their rights in ways that in their external form do not contradict legal prescriptions, but in their internal content distort their meaning, essence and purpose, as a result of which inconvenience or harm is caused to a particular a person, a collective, society and the state as a whole. Therefore, in terms of the external form of manifestation, this is legitimate behavior, but in terms of content, it is illegal. S.G. Zaitseva rightly believes that "the term

“abuse of law” is permissible to designate only those situations that are directly related to law, to legal regulation. Situations that contradict moral norms and other social norms in force in society do not constitute abuse of law [3, p. 8].

With regard to our research, abuse of law is characteristic of active forms of implementation of legal norms, that is, use, execution and application. Abuse of law cannot be carried out in a passive form characteristic of compliance, since the subject's abstinence from certain legal actions excludes the possibility of implementing a prohibiting rule of law.

As an act, abuse of the right consists in the use by a person endowed with subjective rights and legal obligations of legal norms in order to satisfy their personal, mercantile interests. As a rule, this act is deliberate, characterized by direct intent. In cases where there is a "chicane", that is, the use of their subjective right, given by force of law or contract with the purpose of causing harm to another person or for another purpose, intent can be direct or indirect.

It should be especially noted that abuse of the right can also be realized through abuse of a legal obligation, since its failure to fulfill it, or its unfair fulfillment, can also cause harm to other persons, society or the state.

As noted earlier, a typical feature of abuse of law is the fact that the entitled person goes beyond the subjective rights and legal obligations granted to him by law, thereby causing harm or damage to other subjects of public relations. Consequently, the abuse of the right can be expressed in three forms: abuse of subjective right; abuse of subjective legal obligation; abuse of power.

To date, the legislator does not provide a clear and unambiguous concept of abuse of law. The only exception is Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation, which contains a requirement of the inadmissibility of exercising civil rights solely with the intention of causing harm to another person, bypassing the law for an unlawful purpose, as well as other knowingly unfair exercise of civil rights (abuse of law) [1].

At the same time, similar abuses exist in other branches of law. In cases where abuse of the right is a particular degree of public danger, the legislator defines it as an offense and establishes legal responsibility. So, the Criminal Code of the Russian Federation contains the following *corpus delicti*: Art. 201 (abuse of power), art. 202 (abuse of power by private notaries and auditors), art. 285 (abuse of office), art. 330 (arbitrariness) and others [2].

The list of acts in which there are signs of abuse of the right are often found in labor legislation (late payment of wages by the employer), financial law (non-conscientious fulfillment by a legal entity or individual of credit obligations), in electoral legislation (abuse during the election campaign), etc. In addition, abuse of the right is imaginary transactions, fictitious marriages, lobbying by an official subject of the commercial interests of individual legal entities or individuals, actions by auction participants aimed at creating the appearance of competition, etc.

It should be noted that a characteristic feature of the abuse of law is the fact that it does not correspond to the classical understanding of an offense as a guilty unlawful socially harmful act, since it is not associated with a violation of specifically established prohibitions, or failure to fulfill certain legal obligations characteristic of an offense. In case of abuse of the right, the subject only violates the limits of the subjective right or legal obligation granted to him. Despite the fact that, in its essence, abuse of law is always socially harmful and undesirable for society, it is precisely the absence of unlawfulness that does not allow us to consider such behavior an offense. Consequently, this legal phenomenon should be considered as an independent type of legal behavior, akin to marginal behavior.

So, abuse of law is a variant of legal behavior in which a person who has the corresponding subjective rights or legal obligations in an illegal way implements a rule of law, violating the boundaries of its action. The peculiarity of this form lies in the fact that the subject, endowed with legal powers, creating the appearance of his legitimate behavior, relying on the prescriptions of legal norms, uses the law in his own mercenary, mercantile interests, which ultimately causes inconvenience or harm to personal, public or state interests.

Bibliographic list

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2020) // www.consultant.ru
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // www.consultant.ru
3. Zaitseva, S. G. "Abuse of law" as a legal category: theory and practice: abstract dis. ... Cand. jurid. sciences. Volgograd, 2003. 26 p.
2. See: Komarov, SA General theory of state and law: textbook for universities / SA Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.
3. Theory of State and Law: Textbook / Ed. prof. A.V. Malko and prof. A.Yu. Solomatina. 2nd ed. rev. and add. St. Petersburg, 2015. P. 255.
4. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. P. 1188–1197.

For citation: Polishchuk N.I. Abuse of law as a special form of implementation of legal norms // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 195–198.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЭКСПАНСИЯ

Аннотация. В статье рассмотрена государственно-правовая характеристика экспансии как политики государства и (или) общественных объединений, направленной на расширение своего политического, экономического, духовно-культурного влияния на окружающие страны и народы с целью их подчинения собственным интересам. Предложена авторская классификация экспансия.

Ключевые слова. Экспансия, конвергенция, унификации, универсализации, стандартизации, гармонизации, расширение, интеграция, механизм правового регулирования.

История человечества неразрывно связана с экспансией во всех ее проявлениях. Начиная с родоплеменных отношений и заканчивая современными реалиями XXI века, мы видим бесконечное множество примеров, подтверждающих этот тезис. Вполне очевидным представляется тот факт, что народы и государства, проповедующие активную внешнюю политику, на известном историческом этапе своего существования добиваются значительных успехов в плане государственно-правового строительства. Древняя Греция в период расцвета полисного строя, Персидская империя Ахеменидов, Древний Рим эпохи Великих завоеваний республики и многие другие государственные образования известные истории государства и права служат тому красноречивым примером.

В настоящей статье мы рассмотрим государственно-правовую экспансию, как одну из форм правовой конвергенции с одной стороны и составную часть (элемент) общей экспансии с другой, при этом словосочетание «общая экспансия» в данном случае не претендует на научную идентичность.

Термин «экспансия» является предметом исследования множества наук, начиная от биологии и генетики, заканчивая политологией, экономикой и юриспруденцией, при этом его сущностная составляющая различна и обусловлена общим вектором научного поиска конкретной области знаний.

Анализ существующих определений позволит нам определить внутренние устойчивые связи и закономерности данного явления.

Большая Советская Энциклопедия определяет «экспансию» (от лат. *Expansio* – распространение), как расширение сферы господства, влияния, распространение чего-либо за начальные пределы (например, территориальная, экономическая, политическая экспансия) [1, с. 672].

Толковый словарь русского языка понимает термин «экспансия» в двух значениях: во-первых, как политику, направленную на экономическое и политическое подчинение других стран, на расширение сфер влияния, на захват чужих территорий, а во-вторых, как расширение, распространение чего-либо за первоначальные пределы [2, с. 907].

В экономике термин «экспансия» обозначает расширение сферы экономического влияния, экономических действий страны, концерна, фирмы посредством вытеснения других стран, фирм, захвата рынков, приобретения ресурсных источников [3, с. 485].

---

* **Толченкин Дмитрий Александрович**, начальник факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: da_tolchenkin@mail.ru

Теория государства и права

Новый словарь русского языка под «экспансией» понимает расширение сферы влияния государства, организации, общественной группы и т.п., осуществляемое насильственными или какими-то иными средствами [4, с. 1144].

Таким образом, на основе предложенных дефиниций мы можем определить экспансию как политику государств и (или) общественных объединений, направленную на расширение своего политического, экономического, духовно-культурного влияния на окружающие страны и народы с целью их подчинения собственным интересам.

Исходя из анализа предложенного нами определения, сформулируем основные признаки экспансии, позволяющие ее идентифицировать и отграничить от смежных явлений, таких как «расширение» и «интеграция».

Во-первых, «экспансия» может осуществляться как добровольно, так и принудительно, в то время как «расширение» и «интеграция» всегда основываются на свободной воле участников межгосударственного общения.

Во-вторых, основной целью «экспансии» является расширение границ собственного влияния, пренебрежительное отношение к суверенитету окружающих, тогда как «расширение» и «интеграция» основываются на взаимном уважении и началах паритета.

В-третьих, «экспансия» представляет собой системный процесс, обладающий свойствами стадийности. Условно можно выделить следующие типичные стадии: возникновения замысла распространения влияния на сопредельные государства, оценка сил и средств, необходимых для достижения цели, активная фаза, включающая в себя преодоление суверенитета соседей, укрепление занятых территорий (позиций), анализ экономических, политических, духовно-культурных «дивидендов». «Расширение» и «интеграция» происходят более эволюционно, часто бессистемно, под воздействием естественных законов, носящих объективный характер (например языковая, культурная, религиозная общность, наличие внешней угрозы, необходимость общения с себе подобными и др.).

В-четвертых, предпосылками «экспансии» выступают не только объективные, но и субъективные факторы, зачастую, экспансия отождествляется с конкретным историческим персонажем-вождем, императором, басилевсом, консулом, ханом и так далее в зависимости от конкретного исторического примера.

Все вышесказанное доказывает, что экспансия – это сложное многоаспектное явление государственно-правовой действительности, объективно нуждающееся в классификации.

Виды экспансии

№ п/п	Основание классификации	Виды	Примеры
1	2	3	4
1.	Исторический период	экспансии древние	Греко-персидские войны, Пунические войны
		экспансии средневековые	Феодалные войны
		экспансии новые	Колонизация, завоевательные походы Наполеона Бонапарта, Первая мировая война
		экспансии новейшие	Вторая мировая война, Война во Вьетнаме

Theory of State and Law

Окончание таблицы

1	2	3	4
2.	Субъектный состав	племенные экспансии	гунны, кельты, германцы в эпоху разложения Древнего Рима, татары, найманы, меркиты в период монгольских завоеваний
		квазигосударственная экспансия	Улус Джучи (Золотая Орда)
		государственные экспансии	Гитлеровская Германия
		экспансия союза государств	НАТО, Варшавский Договор, Антанта
		экспансия общественных объединений	Фонд «Сороса», Коммунистическая партия Китая
		экспансия религиозных организаций	Римская католическая церковь в период раннего средневековья
		экспансия транснациональных корпораций	Британская Ост-индская компания
		экспансия террористических организаций и транснациональных преступных синдикатов	Итальянская «Cosa Nostra», Японская «Якудза», Китайская «Триада»
3.	Методы осуществления	экспансия насильственная	Испанская колонизация Америки
		экспансия ненасильственная	Оказание миротворческой помощи, Размещение воинских контингентов США на территории Германии (Рамштайн), Японии (о. Окинава)
4.	Сфера жизнедеятельности человека	биологическая экспансия	Расселение живых организмов на ранее неосвоенной территории
		государственная экспансия	вмешательство одного государства в суверенитет другого
		экономическая экспансия	предоставление кредитов и займов, «выдавливание» с тынков, ребрейдинг товаров и др.
		правовая экспансия	принятие странами Варшавского Договора социалистических конституций

Государственно-правовая экспансия тесно связана с правовой конвергенцией, под которой следует понимать исторически обусловленный объективный, закономерный, необратимый, добровольный и (или) принудительный процесс унификации, универсализации, стандартизации, гармонизации и экспансии права национальных правовых систем государств и правовых семей с целью достижения оптимума юридической свободы с учетом потребностей государств и мирового сообщества, а также ценностей международного и национального правового порядка, повлиявшего на развитие международного и глобального права [5, с. 16].

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное можно сделать ряд выводов:

- 1) экспансия – это сложное многоаспектное явление, сопровождающее государство на протяжении всей его истории;
- 2) видовая дифференциация экспансии достаточно разнообразна и зависит от таких факторов как: исторический период, субъектный состав, методы осуществления, сфера человеческой жизнедеятельности;
- 3) государственно-правовая экспансия выступает в качестве формы правовой конвергенции, где наряду с унификацией, универсализацией, стандартизацией и гармонизацией служит инструментом «проникновения» правовой материи из одного государства в другое.

Библиографический список

1. Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Эксмо, 2008. – 672 с.
2. Толковый словарь Русского Языка. 4-е изд. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 1999. – 479 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – В 2-х тт. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с.
5. Толченкин Д.А., Толченкина М.Э. Юридическая свобода и правовая конвергенция: соотношение парадигм // Теория государства и права. – 2019. – № 2. – С. 107–111.

Для цитирования: Толченкин Д.А. Государственно-правовая экспансия // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 199–202. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.012

Dmitry A. Tolchenkin*

STATE AND LEGAL EXPANSION

Annotation. *The article examines the state and legal characteristics of expansion as a policy of the state and (or) public associations aimed at expanding their political, economic, spiritual and cultural influence on the surrounding countries and peoples in order to subordinate them to their own interests. The author's classification of expansion is proposed.*

Keywords. *Expansion, convergence, unification, universalization, standardization, harmonization, expansion, integration, legal regulation mechanism.*

---

* Tolchenkin Dmitry Aleksandrovich, Head of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: da_tolchenkin@mail.ru

Theory of State and Law

The history of mankind is inextricably linked with expansion in all its manifestations. Starting with tribal relations and ending with the modern realities of the XXI century, we see an endless number of examples confirming this thesis. It seems quite obvious that the peoples and states preaching an active foreign policy, at a certain historical stage of their existence, are making significant progress in terms of state and legal construction. Ancient Greece during the heyday of the polis system, the Achaemenid Persian Empire, Ancient Rome during the Great Conquests republics and many other state formations known to the history of state and law serve as an eloquent example of this.

In this article we will consider state-legal expansion as one of the forms of legal convergence on the one hand and a component (element) of general expansion on the other, while the phrase "general expansion" in this case does not claim to be scientific identity.

The term "expansion" is the subject of research in many sciences, ranging from biology and genetics to political science, economics and jurisprudence, while its essential component is different and is due to the general vector of scientific research in a specific area of knowledge.

Analysis of the existing definitions will allow us to determine the internal stable relationships and patterns of this phenomenon.

The Great Soviet Encyclopedia defines "expansion" as (from lat. *Expansio* – distribution), expansion of the sphere of domination, influence, the spread of something beyond the initial limits (for example, territorial, economic, political expansion) [1, p. 672].

The Explanatory Dictionary of the Russian language understands the term "expansion" in two meanings: 1. a policy aimed at economic and political subordination of other countries, at expanding spheres of influence, at seizing foreign territories; 2. Expansion, spread of something beyond the original limits [2, p. 907].

In economics, the term "expansion" denotes the expansion of the sphere of economic influence, economic actions of a country, concern, firm by displacing other countries, firms, capturing markets, acquiring resource sources [3, p. 485].

The new dictionary of the Russian language under "expansion" means the expansion of the sphere of influence of the state, organization, social group, etc., carried out by violent or some other means [4, p. 1144].

Thus, on the basis of the proposed definitions, we can define expansion as a policy of states and (or) public associations aimed at expanding their political, economic, spiritual and cultural influence on the surrounding countries and peoples in order to subordinate them to their own interests.

Based on the analysis of our definition, we will formulate the main signs of expansion, allowing it to be identified and to distinguish from related phenomena such as "expansion" and "integration".

Firstly, "expansion" can be carried out both voluntarily and compulsory, while "expansion" and "integration" are always based on the free will of the participants in interstate communication.

Secondly, the main goal of "expansion" is to expand the boundaries of one's own influence, a disdain for the sovereignty of others, while "expansion" and "integration" are based on mutual respect and the principles of parity.

Thirdly, "expansion" is a systemic process with the properties of stages. Conventionally, the following typical stages can be distinguished: the emergence of an idea of spreading influence to neighboring states, an assessment of the forces and means necessary to achieve the goal, an active phase, which includes overcoming the sovereignty of

Теория государства и права

neighbors, strengthening occupied territories (positions), analysis of economic, political, spiritual and cultural "Dividends". "Expansion" and "integration" occur more evolutionarily, often haphazardly, under the influence of natural laws that are objective in nature (for example, linguistic, cultural, religious community, the presence of an external threat, the need to communicate with their own kind, etc.).

Fourthly, the prerequisites for "expansion" are not only objective, but also subjective factors, often, the expansion is identified with a specific historical character-leader, emperor, basileus, consul, khan and so on, depending from a specific historical example.

All of the above proves that expansion is a complex multidimensional phenomenon of state and legal reality, objectively requiring classification.

Types of expansion

№ p/p	Basis of classification	Kinds	Examples of
1	2	3	4
1.	Historical period	expansion of the ancients	Greco-Persian Wars, Punic Wars
		expansion medieval	Feudal Wars
		expansion new	Colonization, Napoleon Bonaparte's campaigns of conquest, World War I
		expansion newest	World War II, Vietnam War
2.	Subject composition	tribal expansion	Huns, Celts, Germans in the era of decay of Ancient Rome, Tatars, Naimans, Merkits during the Mongol conquests
		quasi-state expansion	Ulus Jochi (Golden Horde)
		government expansion	Hitlerite Germany
		expansion of the union of states	NATO, Warsaw Pact, Entente
		expansion of public associations	Soros Foundation, Chinese Communist Party
		expansion of religious organizations	Roman Catholic Church during the early Middle Ages
		expansion of transnational corporations	British East India Company
		expansion of terrorist organizations and transnational crime syndicates	Italian "Cosa Nostra", Japanese "Yakuza", Chinese "Triad"

Theory of State and Law

End of table

1	2	3	4
3.	Implementation methods	violent expansion	Spanish colonization of America
		nonviolent expansion	Provision of peacekeeping assistance, deployment of US military contingents in Germany (Ramstein), Japan (Okinawa Island)
4.	Sphere of human activity	biological expansion	Resettlement of living organisms in previously undeveloped territory
		state expansion	interference of one state in the sovereignty of another
		economic expansion	provision of credits and loans, "squeezing" from tynki, rebranding of goods, etc.
		legal expansion	adoption by the Warsaw Pact countries of socialist constitutions

State-legal expansion is closely related to legal convergence, which should be understood as a historically conditioned objective, natural, irreversible, voluntary and (or) compulsory process of unification, universalization, standardization, harmonization and expansion of the law of national legal systems of states and legal families in order to achieve optimum legal freedom, taking into account the needs of states and the world community, as well as the values of the international and national legal order that influenced the development of international and global law [5, p. 16].

Thus, summarizing all of the above, a number of conclusions can be drawn:

- expansion is a complex multidimensional phenomenon that accompanies the state throughout its history;
- species differentiation of expansion is quite diverse and depends on such factors as: the historical period, the subject composition, methods of implementation, the sphere of human life;
- state-legal expansion acts as a form of legal convergence, where, along with unification, universalization, standardization and harmonization, it serves as an instrument for the "penetration" of legal matter from one state to another.

Bibliographic list

1. Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed. Moscow: Eksmo, 2008. 672 p.
2. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4th ed. Moscow: OOO "A TEMP", 2006. 944 p.
3. Raizberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva E.B. Modern economic dictionary. 2nd ed., Rev. Moscow: INFRA-M, 1999. 479 p.
4. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. In 2 volumes. Moscow: Rus. lang., 2000. 1209 p.

5. Tolchenkin D.A., Tolchenkina M.E. Legal freedom and legal convergence: correlation of paradigms // Theory of state and law. 2019. No. 2. p. 107–111.

For citation: Tolchenkin D.A. State and legal expansion // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 202–206. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.012

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВИНА» В ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОГО ПРАВА XI-XVII ВВ.

***Аннотация.** В статье рассматривается возникновение и развитие института вины в русском средневековом праве. Автор приходит к выводу о том, что в русском законодательстве XI-XVII вв. понятие «вина» имело полисемантическое значение. Преобладало понимание вины в значении запрещенного деяния, в результате которого был причинен вред лицу или его имуществу и за которое обидчик (правонарушитель) обязан понести наказание. В русском средневековом обществе понимание вины постепенно эволюционировало в направлении от запрещенного деяния, причинившего вред, в область внутреннего отношения субъекта к содеянному и его последствиям.*

***Ключевые слова:** субъективная сторона правонарушения, вина, источники права Средневековой Руси.*

Вина – это многогранное социальное и правовое понятие. Сущность вины можно понять только с учетом ее теологических, философских, психологических и правовых аспектов.

В современной юридической науке под виной принято понимать психическое отношение лица к совершаемому им общественно вредному деянию и его последствиям [20, с. 78]. В общей теории права [9, с. 428–433] и во многих отраслевых юридических науках прочно утвердилось положение о том, что без вины не может быть правонарушения и не должно быть ни юридической ответственности, ни наказания [4, с. 99]. Никакие вредные для общества деяния и их последствия не могут служить основанием правовой ответственности, если они не определялись психическим отношением лица. То есть, субъект отвечает в первую очередь не за результат своих действий, а за свою вину. Подобное понимание вины является общепринятым, однако так было далеко не всегда. Современная интерпретация данного понятия – результат длительной эволюции права.

Целью данной работы является изучение содержания понятия вины в русском средневековом праве.

Источниковой базой исследования послужило законодательство Русского государства периода XI-XVII вв. Автор использовал методы историко-правового и сравнительно-правового исследования.

В российской научной литературе справедливо утверждается, что изучение субъективной стороны правонарушения, в том числе вины как ее главного элемента, в русском средневековом праве вызывает серьезные трудности. Во многом это связано с тем, что выявить субъективную сторону правонарушения, в первую очередь вину и ее формы, в источниках древнерусского права достаточно сложно [3, с. 64]. Вместе с тем, по мнению многих исследователей, субъективная сторона правонарушения присутствовала в древнерусском праве и имела существенное значение. М. М. Абрашкевич, справедливо отмечал, что уже на заре истории можно распо-

---

* Сквозников Александр Николаевич, доцент кафедры теории и истории государства и права Самарской гуманитарной академии, кандидат исторических наук, магистр права. E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

знать проблемски понятия внутренней, субъективной стороны преступного деяния. Волевой момент уже тогда не упускался из вида [1, с. 7]. Другой исследователь А.П. Чебышев-Дмитриев считал главным, преобладающим моментом в понятии преступного действия в русском праве являлась «преступная злонамеренность воли или субъективный момент в целом» [22, с. 87, 91].

Следует отметить, что для средневекового общества было характерно собственное, специфическое отношение к вине.

Необходимо напомнить, что в русском праве преступное деяние длительное время именовалось словом «обида». В этом понятии отражался взгляд средневекового общества на преступление как на материальный или моральный вред, причиненный другим лицом. Обиженный или его родственники мстили за нанесенный вред, независимо от желания субъекта, совершившего деяние, нанести этот вред. Лицо, причинившее вред, могло нести ответственность, даже в том случае, если его действия были невиновными, в том числе за случайное причинение вреда. То есть наказание не всегда зависело от виновности лица в совершении преступления в нашем современном понимании.

В связи с этим, один из российских дореволюционных исследователей права В. В. Есипов, отмечал, что в течение долгого времени развития общества сущность преступного деяния выражалась в причиненном вреде, то есть вредоносность, и противоправность поступка фактически не разграничивались [6, с. 8]. По словам С.М. Будзинского, на раннем этапе развития человечества, когда преступное деяние понималось как обида или вред, причиненный индивиду, при установлении виновности преимущественно обращали внимание на внешнюю (объективную) сторону правонарушения [2, с. 9]. Так, в русско-византийских договорах X века закреплялись нормы, в соответствии с которыми лицо, совершившее убийство, подлежало наказанию в форме смертной казни (кровной мести) сразу после совершения преступления: «Если кто-либо убьет (кого-либо) – русский христианина или христианин русского, пусть умрет на месте совершения убийства» [5, с. 408]. В данном случае вина как внутреннее отношение лица к совершенному им деянию и его последствиям вполне могла не учитываться лицами, реализующими свое право кровной мести.

Установление юридического значения понятия вина не возможно без выяснения этимологии этого слова. Некоторые исследователи полагают, что древнеславянское слово «вина» имеет индоевропейские корни. Предположительно, слово вина произошло от древнеиндийского *vēti*, что означает «преследует», «стремится» [21].

В древнерусском языке слово вина имело несколько значений: 1) вина как причина, основание; 2) вина как проступок, грех; 3) вина как обвинение кого-либо; 4) вина в значении ответственности в форме наказания, в том числе денежного штрафа; 5) вина в значении судебной пошлины [19, с. 178].

Следует отметить, что в русском средневековом правовом дискурсе категория «вина» имела иное значение по сравнению с ее современным пониманием в праве как психического отношения лица к совершенному им противоправному деянию. Как справедливо замечает А.И. Ситникова, в русском средневековом обществе «вина не рассматривалась как психическое отношение лица к содеянному, поскольку отсутствовали понятия психики и науки, объектом которого является этот антропологический феномен» [18, с. 77].

Рассмотрим более подробно значение понятие вина в исторических и правовых источниках Средневековой Руси.

Вина как причина действия или события. Например, в Изборнике Святослава 1076 г. слово вина употребляется в значении причины греховного поведения человека: «Всеми ли греху и блуду убо вина есть диавол, та того ны есть вина потязати» [7].

В ст. 7 Пространной редакции Русской Правды, в которой речь идет об убийстве, совершенном в разбое, говорится: «оже станет без вины на разбои» [16, с. 64]. Данную норму, на наш взгляд, можно толковать таким образом, что убийство было совершено без какой-либо видимой причины, в данном случае при отсутствии личной неприязни, ссоры между убитым и нападавшим.

Вина в значении противоправного наказуемого деяния, проступка. Известный исследователь истории русского уголовного права В.А. Рогов полагает, что термин вина (и производные) связывались с совершением действий, влекущих уголовную ответственность, а виновность – с конкретным состоянием лица, а не с его душевной или мыслительной деятельностью [17, с. 72].

Значение вины в смысле запрещенного наказуемого деяния мы встречаем и в Русской Правде. Например, в статье 26 пространной редакции Русской Правды закреплялась норма, по которой причинение вреда посягающему лицу при самообороне не считалось противоправным наказуемым поступком: «не терпя ли противотому ударит мечем, то вины ему в том нунуть» [16, с. 68]. То есть в данном случае законодатель исключает причинение вреда при самообороне из числа преступных деяний. В статье 54 пространной редакции Русской Правды отсутствие вины в смысле противоправности в действиях должника, освобождало его от уголовной ответственности (в форме передачи его в рабство кредиторам): «Аже который купець, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться любо рать, возметь ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платити, за не же пагуба от бога есть, а не виноват есть» [16, с. 68].

В ст. 62 Пространной редакции Русской Правды вина употребляется в значении противоправного поведения (провинности) потерпевшего. В данной статье закреплена норма, в соответствии с которой, если закупу были нанесены побои без всякой вины с его стороны, то господин, нанесший побои, обязан был заплатить штраф как за избивание свободного человека: «Аже господин бьетъ закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же въ свободнемъ платежь, тако же и в закупе» [16, с. 68]. Можно предположить, что под виной закупа (потерпевшего) в данном случае понималось не исполнение последним должным образом и в установленные сроки своих обязанностей (работы в хозяйстве господина).

Вина как противоправное поведение фигурирует также в статье 89 пространной редакции Русской Правды, в которой устанавливается наказание за убийство чужого холопа без вины со стороны последнего: «А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будетъ безъ вины оубиенъ, то за холопъ оукоръ платити или за робу, а князю 12 гривен продаже» [16, с. 68]. Противоправным поведением (виной) со стороны холопа в Русской Правде, как известно, признавалось нанесение последним оскорбления (удара) свободному человеку.

Значение вины в качестве противоправного деяния закреплялось в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. В соответствии с нормами грамоты князю запрещалось без вины, в данном контексте без совершения лицом противоправного деяния, изымать у него земельное владение: «а мужа ти без вины волости не лишати» [12, с. 15].

В Новгородской летописи 1291 г. описан случай, когда вече отказывает новгородскому князю Святославу отстранить от должности посадника Твердислава по той причине, что в действиях последнего отсутствует противоправность (вина). «Князь же Святослав присла свои тысяцькы на вѣче, рече: «не могу быти съ Твърдиславомъ и отъимаю от него посадьницьство». Рекоша же новгородьци: «е ли вина его». Онъ же рече: «безъ вины». Новгородци же отвѣщаша: «княже, оже нѣту вины его, ты к намъ крестъ цѣловаль без вины мужа не лишити» [11].

Вина в значении деяния, нарушающего церковные каноны, употребляется в статье 53 Устава князя Ярослава Владимировича «О церковных судах». К числу подобных проступков относилось не донесение супругой своему мужу сведений, ставших ей известных, о готовящемся заговоре, а также прелюбодеяние (измена мужу) или покушение на жизнь своего супруга [16, с. 192]. Совершение супругой подобных действий являлось основанием для расторжения брака: «А сими винами разлучити мужа с женою». В данном случае расторжении брака, на наш взгляд, можно рассматривать как обязанность мужа развестись со своей женой из-за совершения последней противоправного деяния.

В Правосудии митрополичьем (ст. 26) под виной также понимается противоправность деяния: «А тать у пристава убежит, а не осужен – пристава в том несть вины; а осужен – вина; убежит – пристава вина, а исцева дати [13, с. 428].

Вина как наказание, штраф. Подобное понимание вины мы можем встретить в исследовании П.Н.Мрочек-Дроздовского, который отмечал, что «понятие вина было общим родовым названием уголовных пеней» [10, с. 17]. Действительно, в некоторых источниках русского средневекового права вина употребляется в значении денежного штрафа за противоправное деяние. В частности, в дополнительных статьях Русской Правды пространной редакции мы встречаем норму: «Аще же ударить мечем или ножем, а не утне (ть) на смерть, то князю вины 9 гривен, а истьцу за рану судять, а оже лечебное; потнетъ ли на смерть, то вира платити» [16, с. 73].

В Уставе князя Ярослава Владимировича в статье 9 вина употребляется в значении штрафа за многоженство: «Аже муж оженится иною женою, а с старою не ропуститя, митрополиту вина...» [15, с. 469]

В статье 14 Белозерской уставной грамоты 1488 г. термин «вина» употребляется в значении «виры» – штрафа за убийство: «А учинитя у них в городе душегубство, а не доищутся душегубца, ино вины четыре рубли заплатят горожаня» [13, с. 172]. В нескольких статьях Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг. вина также употреблялась в значении штрафа за различные правонарушения, например за порчу межи: «А друг у друга межу переорет или перекосит на одном поле, вины боран» [13, с. 162]. «А кого утяжут в рубле, – и наместником вины полтина» [13, с. 163]. «А кто осподарь огрешитя, ударит своего холопа или робу, а случитя смерть, – в том наместници не судят, ни вины не емлютъ» [13, с. 163].

Вина в значении штрафа упоминается также в другом источнике русского средневекового права – Правосудии митрополичьем: «Аще кто собаку убьет ли кошку, вины гривна...Наезда 100 гривн, а самосуда 2 рубли, а вина властелину противу поличного, а исцю тако же» [13, с. 427].

В ст. 30 Правосудия митрополичьего вина употребляется в значении наказания: «Аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога» [13, с. 428].

Некоторые исследователи полагают, что в древнем правосознании понятие вины смешивается с понятием наказания, выражаемого в конкретных штрафах и пенях [8, с. 26]. На наш взгляд, вина в вышеуказанных нормах не является синонимом штрафа, а употребляется в значении наказуемого деяния, за которое выплачивается штраф. То есть выражения «вины четыре рубли» или «вины гривна» следует понимать как «платить за вину четыре рубля или «платить за вину гривну».

Вина в значении обязательства, долга. В ст. 111 Русской Правды пространной редакции вина употребляется в значении имущественного обязательства. В частности, отработка ссуды заемщиком означала исполнение им своего обязательства перед займодателем: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придагъце; но оже не доходягъ года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть» [16, с. 72].

Понятие вины в значении долга мы встречаем в долговых расписках в конце XIV – начале XV вв.: «Се яз, Иван Сватко, что есми был виноватъ своему господину игумену Никону десятью рубли, и яз за ту десять рублей дал свою пустошь Столбцевскую да Микиткинскую пустошь да Ивакинскую и с лесом и што к ним потягло» [13, с. 51–52]. В Соборном Уложении 1649 г. под виной кроме прочего понимается признанный судом размер долга, подлежащий уплате ответчиком: «Также будет которой истец учнет на ком искать иску своего с прибавкою, а по суду и по сыску объявится, что на ответчике его доведется иску его доправить меньши того, чего он искал, и на ответчике его то ему велеть и доправить, чем ему тот его ответчик виноватъ» [14, с. 42].

Логично, что слово «повинность» долгое время означало в русском языке определенное обязательство.

Некоторые исследователи полагают, что в русском средневековом праве понятие «вина» противоположно понятию «правда». «Вина» и «правда» рассматриваются как два возможных исхода судебного разбирательства. В частности, в жалованных грамотах начала XVI в. содержалась норма: «А исцово доправят на виноватом» [13, с. 136]. То есть убытки пострадавшего должны быть возмещены за счет виноватого. Под виновным в данном случае понимается лицо, проигравшее суд. Виновность в значении проигрыша в суде имущественного спора закреплялось в Судебнике 1497 г.: «А имати боярину и диаку в суде от рублеваго дела на виноватом, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег» [13, с. 346]. Виноватый в значении «проигравший дело» встречается и в Соборном уложении 1649 г.: «иск на виноватом доправить и отдать истцу» [14, с. 80].

Вина в значении судебной пошлины употребляется в Жалованной грамоте рязанского князя Олега Ольгову монастырю 1371 г. В документе князь предоставляет монастырю судебный иммунитет с правом взимать с населения проезжие и судебные пошлины и штрафы: «с винами, и с поличнымь, и с резанькою, и с шестьюдесять» [13, с. 122].

Вина как умысел, злонамеренность. В русском средневековом праве можно обнаружить некоторые зачатки в понимании вины как умысла правонарушителя. В уставе князя Ярослава Владимировича, а также в Правосудии митрополичьем закреплялись нормы, согласно которым ответственность за драку между женщинами несет виновная: «И жене две бьется, митрополиту 6 гривен на виноватой» [15, с. 470]; «А две жены дерутся – с виноватой гривна» [13, с. 428].

В статье 88 пространной редакции Русской Правды также закреплялось, что ответственность за убийство несет только виновный субъект: «Аже кто убиеть жену,

то тем же судом судити, яко же и мужа; аже будеть виноват, то пол виры 20 гривен» [16, с. 70].

Как справедливо отмечает В.А. Рогов, в русском средневековом праве «виновность лица полагалась обязательным условием привлечения к уголовной ответственности. Более того, категория вины играла основополагающую роль в осуждении личности» [17].

Подводя итоги, следует отметить, что в русском средневековом праве смысловое значение категории «вина» отличалось от ее современного понимания в праве как психического отношения лица к совершенному им противоправному деянию. Содержание понятия вина было многогранно. Возьмем на себя смелость предположить, что в русском средневековом праве вина кроме прочего понималась как запрещенное деяние, в результате которого был причинен вред лицу или его имуществу и за которое обидчик (правонарушитель) обязан понести наказание. «Виноватый» – это обидчик, причинитель вреда, а «виновность» – это в первую очередь причастность к совершению деяния.

В русском средневековом обществе понимание вины постепенно эволюционировало в направлении от запрещенного деяния, причинившего вред, в область внутреннего отношения личности к содеянному и его последствиям.

Библиографический список

1. *Абрашкевич М.М.* Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция, прочитанная 23 марта 1903 года в актовом зале Императорского Новороссийского университета в пользу Одесского исправительного приюта для малолетних преступников. – Одесса, 1903. – 48 с.
2. *Будзинский С.М.* Начала уголовного права. – Варшава, 1870. – 376 с.
3. *Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В.* Субъективные элементы и признаки состава преступления в уголовном праве Древнерусского государства // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 2 (61). – С. 64–68.
4. *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности (социологические и юридические аспекты). – Л., 1983. – 142 с.
5. Договор Руси с Византией 911 г. // Памятники российского права. – В 35 т. – Т. 1. Памятники права Древней Руси: учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. – М., 2013. – 528 с.
6. *Есинов В.В.* Преступление и наказание в древнем праве. – Варшава, 1903. – 61 с.
7. Изборник Святослава 1076 г. Извлечение: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/46.htm> (дата обращения: 06.05.2020)
8. *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М., 2001. – 119 с.
9. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
10. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. – М., 1910. – 129 с.
11. Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. – Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., 2000 // URL: <https://runivers.ru/bookreader/book479791/#page/1/mode/1up>
12. *Оспенников Ю.В.* Источники русского права X-XV веков: учебное пособие. – Самара, 2009. – 136 с.
13. Памятники русского права. Выпуск 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв. / под ред. проф. Л.В. Черепнина. – М., 1955. – 527 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825. – Т. I: с 1649 по 1675 г. – СПб.: Издательство «Юридический центр – Пресс», 2010.
15. Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси: учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. – М., 2013. – 528 с.
16. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. / Под общ. ред. и с предисл. О. И. Чистякова Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – М.: «Юридическая литература», 1984. – 432 с.
17. *Рогов В.А.* Проблемы истории русского уголовного права (XV – середины XVII вв.). Дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1999.
18. *Ситникова А.И.* Уголовно-правовая текстология: монография. – М., 2016. – 302 с.
19. Словарь русского языка XI-XVII. Выпуск. 2 / Гл. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Издательство «Наука», 1975.
20. Правонарушения в современной правовой реальности: монография / под ред. д.ю.н., проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 520 с.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/1911-VINA> (дата обращения: 06.05.2020)
22. *Чебышев-Дмитриев А.П.* О преступном действии по русскому допетровскому праву. – Казань, 1862. – 242 с.

Для цитирования: *Сквозников А.Н.* Содержание понятия «вина» в источниках русского права XI-XVII вв. // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 207–213. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.013

Alexander N. Skvoznikov*

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «WINE» IN THE SOURCES OF RUSSIAN LAW XI-XVII CENTURIES

Annotation. *The article discusses the emergence and development of the institution of guilt in Russian medieval law. The author comes to the conclusion that in the Russian legislation of the XI-XVII centuries the concept of «guilt» had a polysemantic meaning. The prevailing understanding of guilt in the meaning of a prohibited act, which resulted in harm to a person or his property and for which the offender (offender) is required to be punished. In Russian medieval society, the concept of guilt gradually evolved in the direction from the prohibited act that caused harm to the area of the subject's internal relationship to the deed and its consequences.*

Keywords: *subjective side of the offense, guilt, sources of law of Medieval Russia.*

Guilt is a multifaceted social and legal concept. The essence of guilt can only be understood taking into account its theological, philosophical, psychological and legal aspects.

In modern legal science, guilt is usually understood as the mental attitude of a person to a socially harmful act committed by him and its consequences [20, p. 78]. In the general theory of law [9, p. 428–433] and in many branch legal sciences the position that there can be no offense without guilt and there should be no legal responsibility or punishment [4, p. 99]. Any acts harmful to society and their consequences can not serve as a basis for legal responsibility if they were not determined by the mental attitude of the person. That is, the subject is primarily responsible not for the result of his actions, but for his own guilt. This

---

* *Skvoznikov Alexander Nikolaevich*, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Samara Academy of Humanities, Candidate of Historical Sciences, Master of Law. E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

understanding of guilt is generally accepted, but this was not always the case. The modern interpretation of this concept is the result of a long evolution of law.

The purpose of this work is to study the content of the concept of guilt in Russian medieval law.

The source base of the research was the legislation of the Russian state of the period of the XI-XVII centuries. The author used the methods of historical-legal and comparative-legal research.

In the Russian scientific literature, it is rightly stated that the study of the subjective side of the offense, including guilt as its main element, in Russian medieval law causes serious difficulties. This is largely due to the fact that it is rather difficult to identify the subjective side of the offense, primarily guilt and its forms, in the sources of Old Russian law [3, p. 64]. At the same time, according to many researchers, the subjective side of the offense was present in Old Russian law and was of significant importance. M. M. Abrashkevich, rightly noted that already at the dawn of history one can recognize glimpses of the concept of the inner, subjective side of a criminal act. The volitional moment was not overlooked even then [1, p. 7]. Another researcher A.P. Chebyshev-Dmitriev considered the main, prevailing moment in the concept of criminal action in Russian law to be "the criminal malice of will or a subjective moment in general" [22, p. 87, 91].

It should be noted that medieval society was characterized by its own, specific attitude to wine.

It should be recalled that in Russian law a criminal act has long been called the word "offense". This concept reflected the view of medieval society on crime as material or moral harm caused by another person. The offended person or his relatives took revenge for the harm done, regardless of the desire of the person who committed the act to inflict this harm. The person who caused the harm could be held liable even if his actions were innocent, including for accidental harm. That is, the punishment did not always depend on the person's guilt in committing a crime in our modern understanding.

In this regard, one of the Russian pre-revolutionary researchers of law, V.V. Esipov, noted that for a long time the development of society, the essence of a criminal act was expressed in harm caused, that is, harmfulness, and the wrongfulness of the act were not actually distinguished [6, p. 8]. According to S.M. Budzinsky, at an early stage of human development, when a criminal act was understood as an offense or harm caused to an individual, when establishing guilt, they mainly paid attention to the external (objective) side of the offense [2, p. 9]. So, in the Russian-Byzantine treaties of the 10th century, the norms were enshrined in accordance with which the person who committed the murder was subject to punishment in the form of the death penalty (blood feud) immediately after the crime was committed: "If someone kills (someone) – a Russian Christian or a Russian Christian, let him die at the scene of the murder" [5, p. 408]. In this case, guilt as an internal attitude of a person to the act he committed and its consequences could well be ignored by persons exercising their right of blood revenge.

Establishing the legal meaning of the concept of wine is not possible without clarifying the etymology of this word. Some researchers believe that the ancient Slavic word "wine" has Indo-European roots. Presumably, the word wine comes from the ancient Indian *véti*, which means "pursues", "strives" [21].

In the Old Russian language the word wine had several meanings: 1) wine as a cause, a foundation; 2) guilt as an offense, sin; 3) guilt as an accusation against someone; 4) guilt in the meaning of liability in the form of punishment, including a monetary fine; 5) guilt in the meaning of the court fee [19, p. 178].

It should be noted that in the Russian medieval legal discourse the category of "wine" had a different meaning in comparison with its modern understanding in law as the mental attitude of a person to the unlawful act he committed. As A.I. Sitnikov, in Russian medieval society "guilt was not considered as a mental attitude of a person to what he did, since there were no concepts of psyche and science, the object of which is this anthropological phenomenon" [18, p. 77].

Let us consider in more detail the meaning of the concept of wine in the historical and legal sources of Medieval Russia.

Guilt as the cause of an action or event. For example, in the *Izbornik Svyatoslav of 1076*, the word wine is used in the meaning of the cause of man's sinful behavior: "Whether the devil is guilty to all sin and fornication, that one is the guilt of us" [7].

Article 7 of the lengthy edition of *Russkaya Pravda*, which deals with a murder committed in robbery, says: "it will become without guilt for robberies" [16, p. 64]. This rule, in our opinion, can be interpreted in such a way that the murder was committed without any apparent reason, in this case, in the absence of personal hostility, a quarrel between the killed and the attacker.

Guilt in the meaning of an unlawful punishable act, misdemeanor. The famous researcher of the history of Russian criminal law V.A. Rogov believes that the term guilt (and derivatives) was associated with the commission of actions entailing criminal responsibility, and guilt – with the specific state of the person, and not with his mental or mental activity [17, p. 72].

We also find the meaning of guilt in the sense of a prohibited punishable act in *Russkaya Pravda*. For example, in article 26 of the lengthy edition of *Russkaya Pravda*, the norm was enshrined according to which causing harm to an encroaching person in self-defense was not considered an illegal punishable act: "if you do not endure the opposite, he will strike with a sword, then he is not guilty of that" [16, p. 68]. That is, in this case, the legislator excludes harm in self-defense from the number of criminal acts. In article 54 of the lengthy edition of *Russkaya Pravda*, the absence of guilt in the sense of unlawfulness in the actions of the debtor freed him from criminal liability (in the form of transferring him into slavery to creditors): if there is fire, then do not force it, nor sell it; but whatever begins to pay from the summer, the same pay, but there is harm from God, but it is not to blame" [16, p. 68].

In Art. 62 of the Extensive version of *Russkaya Pravda* wine is used in the meaning of the unlawful behavior (offense) of the victim. This article enshrines the rule according to which, if the procurement was beaten without any fault on his part, then the lord who had inflicted the beatings was obliged to pay a fine as for beating a free person: "Even the lord beat the procurement about the case, then without guilt there is; beating drunk, but without guilt, then as if we were free to pay, so is the purchase" [16, p. 68]. It can be assumed that the fault of the purchase (of the victim) in this case was understood as the failure of the latter to properly and within the prescribed time frame of its duties (work on the master's farm).

Guilt as unlawful behavior also appears in article 89 of the lengthy edition of *Russkaya Pravda*, which establishes punishment for the murder of another's slave without guilt on the part of the latter: "But in a slave and in a robe there is no virgin; but if there will be no guilt, then you will pay for the servant or for the robe, and the prince will sell 12 hryvnias" [16, p. 68]. As is known, the infliction of an insult (blow) on a free person by the latter was recognized as illegal behavior (guilt) on the part of a slave in *Russkaya Pravda*.

The value of guilt as an unlawful act was enshrined in the contractual charter of Novgorod with the Grand Duke of Tver Yaroslav Yaroslavich in 1264. In accordance with the norms of the charter, the prince was forbidden without guilt, in this context, without a person committing a wrongful act, to confiscate his land ownership: do not deprive the parish of guilt" [12, p. 15].

In the Novgorod Chronicle of 1291, a case is described when a veche refuses the Novgorod prince Svyatoslav to remove from the post of mayor Tverdislav for the reason that there is no wrongfulness (guilt) in the latter's actions. "Prince Svyatoslav sent her thousand at the evening, speech: "I can't be Tvrdislav and I am taking away from him a prisoner". Reko-sha Novgorod: "Is it his fault". The same speech: "without guilt". The Novgorodians answered: "Prince, even though he is guilty, you don't deprive us of the cross without guilt" [11].

Guilt in the meaning of an act violating church canons is used in article 53 of the Charter of Prince Yaroslav Vladimirovich "On church courts". Such misconduct included not the wife's report to her husband of information that became known to her about the impending conspiracy, as well as adultery (treason to her husband) or an attempt on the life of her husband [16, p. 192]. The commission by the spouse of such actions was the basis for the dissolution of the marriage: "And with this guilt, separate husband from wife". In this case, the dissolution of marriage, in our opinion, can be regarded as the obligation of the husband to divorce his wife because of the commission of the latter illegal act.

In Metropolitan Justice (Art. 26), guilt is also understood as the unlawfulness of the act: "But the bailiff will run away from the bailiff, and not condemned – the bailiff is not guilty; and the condemned is guilty; will run away – to the bailiff of wine, but isceva date [13, p. 428].

Guilt as punishment, fine. We can find a similar understanding of guilt in the study of PN Mrochek-Drozdovskiy, who noted that "the concept of wine was a common generic name for criminal penalties" [10, p. 17]. Indeed, in some sources of Russian medieval law, wine is used in the meaning of a monetary fine for a wrongful act. In particular, in additional articles of the Russian Pravda, a lengthy edition, we find the norm: "If you strike with a sword or a knife, and not drown (s) to death, then the prince will be guilty of 9 hryvnias, and the plaintiff should be judged for the wound, and it will be healing; whether you push to death, then pay vira" [16, p. 73].

In the Charter of Prince Yaroslav Vladimirovich in Article 9, wine is used in the meaning of a fine for polygamy: "Even a husband will marry another wife, but will not dissolve with the old one, the Metropolitan has wine ..." [15, p. 469]

In article 14 of the Belozersk charter of 1488, the term "guilt" is used in the meaning of "vira" – a fine for murder: "And murder is committed in their city, and the murderer is not searched for, but the city dwellers will pay four rubles of guilt" [13, p. 172]. In several articles of the Dvina Charter of 1397–1398. wine was also used in the meaning of a fine for various offenses, for example, for damaging the border: "And each other's border will overtake or distort on the same field, boran is guilty" [13, p. 162]. "And who will be weighed down in the ruble – and the governor of guilt is half a dollar" [13, p. 163]. "And whoever opposes sins, strikes his slave or robe, and death happens, in that the governors do not judge, and do not eat guilt" [13, p. 163].

Guilt in the meaning of a fine is also mentioned in another source of Russian medieval law – Metropolitan Justice: "If anyone kills a dog, a cat, guilt is a hryvnia ... A run over is 100 hryvnias, and lynching is 2 rubles, and the guilt is against the ruler in the act, and I will heal the same" [13, p. 427].

In Art. 30 The justice of the metropolitan's guilt is used in the meaning of punishment: "If the opposing servant should be killed, there is no murder for him, but the guilt is from God" [13, p. 428].

Some researchers believe that in the ancient legal consciousness the concept of guilt is mixed with the concept of punishment, expressed in specific fines and penalties [8, p. 26]. In our opinion, guilt in the above norms is not synonymous with a fine, but is used in the meaning of a punishable act for which a fine is paid. That is, the expressions "guilt four rubles" or "guilt hryvnia" should be understood as "pay four rubles for wine or" pay hryvnia for wine".

Guilt in the meaning of obligation, debt. In Art. 111 Russkaya Pravda extensive edition of wine is used in the meaning of property obligation. In particular, working off the loan by the borrower meant that he was fulfilling his obligation to the lender: "But in the dacha there is no slave, neither for bread, nor for a loan; but even if it does not reach a year, then turn mercy to him; whether to leave, it is not to blame for it" [16, p. 72].

We meet the concept of guilt in the meaning of debt in promissory notes at the end of the 14th – beginning of the 15th centuries: "Se yaz, Ivan Svatko, that I was guilty of my lord hegumen Nikon for ten rubles, and for that ten rubles I gave his wasteland Stolbtsevskaya and Mikitka wasteland yes Ivakinskaya and with the forest and INTO to them sipped" [16, p. 51–52]. In the Cathedral Code of 1649, among other things, the guilt is understood as the amount of debt recognized by the court to be paid by the defendant: "It will also be which the plaintiff will teach on whom to look for his claim with a surcharge, and according to the court and the investigation it will be announced that the defendant will have to correct his claim less than what he was looking for, and on the defendant, he should be ordered and corrected, than that his defendant is to blame for him" [14, p. 42].

It is logical that the word "duty" for a long time meant a certain obligation in the Russian language.

Some researchers believe that in Russian middle-aged law the concept of "wine" is opposite to the concept of "truth". "Guilt" and "truth" are seen as two possible outcomes of the trial. In particular, in the letters of honor of the beginning of the 16th century. contained the norm: "And they will correct the blame" [13, p. 136]. That is, the losses of the victim must be reimbursed at the expense of the guilty party. In this case, the guilty person means the person who has lost the court. Guilt in the meaning of a loss in the court of a property dispute was enshrined in the Code of Laws of 1497: "And imati the boyar and the deacon in court from the ruble case against the guilty one, who is to blame, ischea or the defendant, and the boyar for the guilty two altyns, and the deacon has a lot of money" [13, p. 346]. The person guilty in the meaning of "loser in the case" is also found in the Cathedral Code of 1649: "to correct the claim against the guilty person and give it to the plaintiff" [14, p. 80].

Wine in the meaning of a court fee is used in the Charter of Ryazan Prince Oleg to the Olga Monastery of 1371. In the document, the prince grants the monastery judicial immunity with the right to charge the population with traffic and court fees and fines: "with sixty" [13, p. 122].

Guilt as intent, malice. In Russian medieval law, one can find some rudiments in the understanding of guilt as the intent of the offender. In the charter of Prince Yaroslav Vladimirovich, as well as in the Metropolitan's Justice, norms were enshrined according to which the guilty person bears responsibility for a fight between women: "And the wife fights twice, the metropolitan has 6 hryvnias for the guilty one" [15, p. 470]; "And two wives are fighting – with the guilty hryvnia" [13, p. 428].

Article 88 of the lengthy edition of *Russkaya Pravda* also stipulates that only the guilty subject bears responsibility for the murder: "If anyone kills his wife, then by the same court judge the husband as well; Even if it is to blame, then half a virgin is 20 hryvnia" [16, p. 70].

As V.A. Rogov, in Russian medieval law "the guilt of a person was considered a prerequisite for bringing to criminal responsibility. Moreover, the category of guilt played a fundamental role in the condemnation of the individual" [17].

Summing up, it should be noted that in Russian medieval law, the semantic meaning of the category of "wine" differed from its modern understanding in law as the mental attitude of a person to the illegal act committed by him. The content of the concept of wine was multifaceted. Let us take the liberty of suggesting that in Russian medieval law, wine, among other things, was understood as a prohibited act, as a result of which harm was caused to a person or his property and for which the offender (offender) was obliged to bear punishment. "Guilty" is the offender, the inflictor of harm, and "guilt" is, first of all, involvement in the commission of the act.

In Russian medieval society, the understanding of guilt gradually evolved from a prohibited act that caused harm to the area of an individual's internal attitude to the deed and its consequences.

Bibliographic list

1. Abrashkevich M.M. Evolution of the idea of crime and punishment. Public lecture given on March 23, 1903 in the assembly hall of the Imperial Novorossiysk University in favor of the Odessa correctional asylum for juvenile delinquents. Odessa. 1903. 48 p.
2. Budzinsky S.M. The beginnings of criminal law. Warsaw, 1870. 376 p.
3. Georgievsky E.V., Kravtsov R.V. Subjective elements and signs of corpus delicti in the criminal law of the Old Russian state // *Siberian legal bulletin*. 2013. No. 2 (61). P. 64–68.
4. Denisov Yu.A. General theory of offense and responsibility (sociological and legal aspects). Leningrad, 1983. 142 p.
5. Treaty between Russia and Byzantium in 911 // *Monuments of Russian law*. In 35 volumes. Vol. 1. *Monuments of the Law of Ancient Rus: educational and scientific manual* / ed. R.L. Khachaturov. Moscow, 2013. 528 p.
6. Esipov V.V. *Crime and Punishment in Ancient Law*. Warsaw, 1903. 61 p.
7. Izbornik Svyatoslav 1076. Extract: [Electronic resource] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/46.htm> (date accessed: 05/06/2020)
8. Isaev M.A. *Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From Treaties with Byzantium to the Charter of the Moscow State*. Moscow, 2001. 119 p.
9. Komarov, S.A. *General theory of state and law: textbook for universities* / S.A. Komarov. – 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.
10. Mrochek-Drozdovsky P.N. *Materials for the dictionary of legal and everyday antiquities on the Russian Truth*. Moscow, 1910. 129 p.
11. *Novgorod's first chronicle of the senior edition according to the Synodal list* // *Complete collection of Russian chronicles*. T. III. The first Novgorod chronicle of the older and younger versions. Moscow, 2000 // URL: <https://runivers.ru/bookreader/book479791/#page/1/mode/1up>
12. Ospennikov Yu.V. *Sources of Russian law X-XV centuries: textbook*. Samara, 2009. 136 p.
13. *Monuments of Russian law*. Issue 3. *Monuments of law during the formation of the Russian centralized state of the XIV-XV centuries*. / ed. prof. L.V. Cherepnin. Moscow, 1955. 527 p.
14. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. The first collection from 1649 to 12 December 1825. Volume I: from 1649 to 1675 St. Petersburg: Publishing House "Legal Center – Press", 2010.
15. *Monuments of Russian law*. In 35 volumes. Vol. 1. *Monuments of the Law of Ancient Rus: educational and scientific manual* / ed. R.L. Khachaturov. Moscow, 2013. 528 p.

Theory of State and Law

---

16. Russian legislation of the X-XX centuries. In 9 volumes / Under total. ed. and with a foreword O.I. Chistyakov. T. 1. Legislation of Ancient Russia / otv. ed. V. L. Yanin. Moscow: "Legal Literature", 1984. 432 p.

17. Rogov V.A. Problems of the history of Russian criminal law (XV – mid-XVII centuries). Diss. ... Doct. jurid. sciences. Moscow, 1999.

18. Sitnikova A.I. Criminal Law Textology: Monograph. Moscow, 2016. 302 p.

19. Dictionary of the Russian language XI-XVII. Release. 2 / Ch. ed. S.G.Barkhudarov. Moscow: Nauka Publishing House, 1975.

20. Offenses in modern legal reality: monograph / ed. Doctor of Law, prof. R.L. Khachaturov. Moscow: Jurlitinform, 2019. 520 p.

21. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language // URL: <https://vasmer.slovaonline.com/> 1911-VINA (date accessed: 05/06/2020)

22. Chebyshev-Dmitriev A.P. About a criminal act according to Russian pre-Petrine law. Kazan, 1862. 242 p.

For citation: Skvoznikov A.N. The content of the concept of "wine" in the sources of Russian law XI-XVII centuries // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 213–219.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ИСПОЛЬЗУЮЩЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И КРИПТОГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты противодействия незаконной предпринимательской деятельности и иным взаимосвязанным преступлениям, совершаемым в закрытом сегменте сети Интернет с использованием информационных технологий, криптографических средств и криптовалюты. На основе анализа способов подготовки, совершения и сокрытия цифровых следов таких преступлений обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, направленных на повышение эффективности выявления, пресечения и предупреждения рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: незаконная предпринимательская деятельность, даркнет, криптографические средства, криптовалюта, цифровые следы.

В настоящее время в Интернете сформировался высокотехнологичный теневой сегмент, в котором осуществляются незаконные виды предпринимательской и иной преступной деятельности, подрывающие не только основы национальной и мировой экономики, но и жизнь, и здоровье граждан. В этом сегменте, получившем название «даркнет» (или «темный Интернет»), осуществляются масштабные экономические и финансовые операции, включая торговлю наркотиками, оружием, людьми, поддельными документами, а также легализацию получаемых преступных доходов с использованием нелегальных криптографических средств и криптовалют [7].

Даркнет – это сегмент Интернета, в котором доступ к сайтам, а также коммуникации между доверенными пользователями осуществляются с помощью информационного противоборства, разведки и контроля трафика, специальных программ и криптографических средств, обеспечивающих анонимность. Считается, что даркнет был создан в 70-х годах прошлого века в недрах Агентства Министерства обороны США по перспективным исследованиям (DARPA), с активным участием Агентства национальной безопасности США (АНБ). Для доступа к информационным ресурсам даркнета используется, так называемый, браузер TOR (сокр. от англ. – «The Onion Router») – луковый маршрутизатор, программное обеспечение для реализации анонимного сетевого соединения с криптографической защитой). Эта программная система также была разработана с участием Агентства DARPA лучшими программистами и криптографами военно-морской исследовательской лаборатории США.

---

* **Сомик Кирилл Васильевич**, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. E-mail: kirill.somik@mail.ru

** **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, генерал-лейтенант полиции. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Но, начиная с 2000-х годов, браузер Tor активно распространяется в качестве открытого программного обеспечения, а даркнет позиционируется как некий гарант независимого и свободного развития Интернета. Финансирование указанных ресурсов до сих пор осуществляется на средства правительственных организаций США. Имеются основания предполагать, что разработчики вышеуказанной системы наверняка оставили для себя бэкдор-лазейку, через которую можно было бы «подглядывать» за пользователями данного браузера [8].

В даркнете созданы высокотехнологичные торговые платформы для организации незаконной предпринимательской деятельности. Здесь функционируют интернет-магазины, торгующие наркотиками, оружием, поддельными документами. Можно заказать хакерские атаки, убийства и другие виды преступлений. Оплата сделок осуществляется через криптовалюту, главным образом биткойны. Используя возможности обмена криптовалютой, здесь совершаются операции по легализации преступных доходов. Масштабы указанной незаконной предпринимательской деятельности весьма значительны и измеряются миллиардами долларов.

Рассмотрим для примера, как организована работа одной из популярных российских торговых платформ даркнета под названием «Гидра» [9]. Как и любой маркетплейс (платформа электронной торговли), ведущий работу в законной среде, «Гидра» регулярно обновляет свой ассортимент с учетом изменения спроса на товары и услуги. Для удобства пользователей все предложения продавцов распределяются по категориям. Среди наиболее популярных товаров, которые можно приобрести на платформе: наркотики, фальшивые деньги и документы, учебные пособия и инструкции (например, по организации сбыта наркотиков).

К популярным услугам, которые можно заказать на «Гидре», относятся транспортная и сбыт наркотических средств, организация интернет-безопасности, взломы аккаунтов (хранящаяся в компьютерной системе совокупность данных о пользователе, необходимая для его опознавания (аутентификации) и предоставления доступа к его личным данным и настройкам).

Также на платформе можно встретить массу предложений о трудоустройстве: от химиков (для изготовления наркотиков), до дизайнеров и промоутеров, которым будет поручено распространение товаров/услуг, предлагаемых продавцами. Важно отметить, что объем онлайн заказов в последние годы на рассматриваемой платформе демонстрировал значительный и устойчивый рост на уровне более 20% в год.

Процесс шопинга на «Гидре» отличается от оформления покупок в обычном онлайн-магазине. Для того, чтобы создать заказ, необходимо пройти процесс регистрации. После предоставления личного кабинета, пользователь должен пополнить свой баланс – с него будут переводиться средства продавцам. Выбрав нужный товар/услугу, покупатель должен ознакомиться с условиями его доставки. В случае покупки запрещенных товаров, необходимо быть готовым к работе с, так называемыми, «закладками» (места скрытного размещения и хранения товаров интернет-магазинов). Доступ к платформе «Гидра» открывается в системе «луковичной маршрутизации» браузера TOR. С его помощью достигается высокий уровень анонимности всех действий и субъектов взаимодействия. Взаиморасчеты между пользователями осуществляются только при помощи криптовалют.

На этом примере мы показали, в том числе, особую роль криптовалюты в незаконной предпринимательской деятельности в темном Интернете. Как правило, это – биткойн. Поэтому рассмотрим в этой связи особенности криминальных рисков дан-

ной цифровой валюты. Криптовалюта, вообще, – это вид децентрализованной конвертируемой виртуальной валюты, которая защищена с помощью криптографических методов и средств. Программное обеспечение большинства криптовалют базируется на исходном коде системы биткоин. Биткоины представляют собой расчётные единицы в форме уникальной цепочки цифровых и буквенных знаков, имеющие фактическую ценность только вследствие того, что пользователи готовы платить за них. Торговля биткоинами осуществляется пользователями в цифровой форме с высокой степенью анонимности, а сами биткоины могут обмениваться на рубли, доллары США, евро, другие фиатные или виртуальные валюты. Анализ особенностей свойств криптовалют позволяет выделить следующие основные их криминальные риски.

Использование криптовалют может подпадать под признаки незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ) [10], если не будут соблюдены определенные законодательно и нормативно установленные требования. Например, поскольку криптовалюта типа биткоин используется не только в собственных ограниченных целях их владельца, то она должна в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 313 от 16 апреля 2012 г. [6] пройти лицензирование в части применяемых криптографических средств.

Также в соответствии с законодательно установленными требованиями при определенных условиях необходимо получение лицензии на проведение валютных операций, например, при конвертации криптовалюты [5]. Кроме того, необходимо предоставлять в налоговые органы декларации о проведении валютных операций, связанных с конвертацией криптовалюты, и уплачивать налог с финансовых результатов операций купли-продажи, образующихся за счет курсовой разницы конвертируемых валют. Несоблюдение указанных требований означает уклонение от налогообложения со всеми вытекающими последствиями. Высокая степень анонимности операций с криптовалютой и возможность организации трансграничных платежей и переводов, например, через интернет, делает криптовалюты потенциально уязвимыми с точки зрения их незаконного использования в целях отмывания денег и финансирования терроризма.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что практически все торговые и финансовые операции, особенно связанные с наркотиками, оружием, поддельными документами и др., совершаемые в темном Интернете обладают признаками незаконной предпринимательской деятельности, а также с высокой вероятностью могут являться источниками преступных доходов, которые с помощью криптовалюты затем трансформируются в легальные денежные средства. Однако, большинство рассматриваемых в судах преступлений, использующих возможности закрытого сегмента Интернета, связаны с незаконным оборотом наркотических средств и квалифицируются по статье 228.1 УК РФ [10].

Характерными особенностями рассматриваемых преступлений является их организованный характер, использование браузера TOR, автоматизированных анонимных интернет-магазинов, криптографических средств, криптовалют, системы передачи мгновенных электронных сообщений и другие современные информационные технологии [11].

Для того, чтобы выявить признаки незаконной предпринимательской деятельности с использованием торговых криптоплатформ в темном Интернете необходимо получить допустимые цифровые доказательства использования TOR-браузера, обеспечить доступ к сайтам и форумам даркнета, к зашифрованным электронным тран-

закциям, отражающим торговые сделки и финансовые операции с использованием криптовалют, электронных кошельков, информационно-телекоммуникационных сетей. Организаторы, участники и соучастники различных киберпреступлений, анонимно действуя в среде темного Интернета, часто прямо или опосредовано связаны друг с другом, поддерживают контакты в социальных сетях, на интернет-форумах. В результате они образуют разветвленную, многозвенную, но достаточно устойчивую корпоративную структуру, где обмениваются идеями и советами в области незаконной предпринимательской деятельности и связанных с ней высокотехнологичных преступлений [12].

Если выявить, сформировать и поддерживать в специальных хранилищах данных такие структуры связей пользователей темного Интернета, а затем с помощью специальных оперативных и криминалистических средств преодолевать анонимность подозрительной активности, то можно добиться синтезирования фрагментов взаимосвязанных событий и лиц, фактически раскрывающих преступную деятельность в даркнете. Такие разветвленные киберсети могут иметь и трансграничный характер, а отдельные ее звенья могут использоваться для совершения и иных опасных преступлений, например, связанных с незаконным выводом капитала за границу и легализации преступных доходов.

Очевидно, что для решения этой сложной задачи необходимо иметь достаточные, установленные законом основания для раскрытия анонимности в даркнете, а также использовать специальные методы, оперативно-техническую и криминалистическую технику, учеты, а самое главное иметь основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, раскрывающих зашифрованные действия в темном интернете. К сожалению, именно это является трудно решаемой проблемой.

В результате проведенного исследования нами было установлено, что значительная часть преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, и причиняемый ими материальный ущерб находятся вне поля зрения правоохранительных органов. Крайне редкими бывают случаи, когда удается предупредить такие преступления на стадии их подготовки. Такое положение представляется неудовлетворительным, поскольку, например, по имеющимся далеко не полным данным в настоящее время выявлено более 1500 сайтов, представляющих высокотехнологичные площадки для организации нелегальной предпринимательской деятельности.

Конечно, наиболее широкое распространение здесь получают многочисленные сделки по сбыту наркотических средств, других видов незаконной торговли и проведения финансовых операций. Но существенная доля незаконных теневых доходов формируется также в результате отчисления части средств от торговли нелегальными товарами и услугами администраторам иных интернет-ресурсов, представляющих необходимые реферальные ссылки, за активное содействие в формировании клиентской базы.

Так, в мае прошлого года во Франции и Израиле были арестованы два администратора сайта DeepDotWeb. На сайте размещались реферальные ссылки на даркнет – ресурсы. За каждого нового посетителя, владельцы сайта получали определенные отчисления в криптовалюте от администраторов торговых платформ. По имеющимся данным, сотни тысяч людей воспользовались этими ссылками, в результате чего администраторы сайта, заработали около 10 млн. евро. Практически одновременно, был закрыт один из крупнейших биткоин-миксеров – Bestmixer.io. Данный сервис был запущен в мае 2018 года и всего за год, достиг оборота в 200 млн. долларов.

Россия в прошлом году вышла в мировые лидеры по активности в темном Интернете, а по числу привлеченных пользователей, российская платформа Гидра (Hydra) опередила AlphaBay – самую крупную из существовавших даркнет-площадок. Сейчас на сайте Гидры зарегистрированы более 2,5 миллиона пользователей, 393000 из которых совершили хотя бы одну покупку. Только за первое полугодие 2019 года полученный здесь доход составил более 1,4 млрд. рублей. Парадоксально, но в то же время по статье 171 УК РФ не было вынесено ни одного обвинительного приговора за организацию незаконного предпринимательства в дарнете!

В этих условиях, на наш взгляд, назрела необходимость совершенствования действующей уголовно-правовой нормы, сформулированной в статье 171 УК РФ [10]. Изложим анализ недостатков конструкции данной статьи, которые существенно затрудняют получение законных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, необходимых для выявления доказательных признаков незаконной предпринимательской деятельности в темном интернете.

Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 8) [13], получить санкцию на проведение оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих обнаружить цифровые следы преступной активности в даркнете возможно только при наличии информации: о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно. Однако, в настоящее время согласно УПК РФ (статья 150 УПК РФ) производство предварительного следствия по делам о незаконном предпринимательстве по ч. 1 ст. 171 УК не является обязательным.

Более того, данное преступление (ст. 171 ч.1) относится к категории небольшой тяжести (ст. 15 УК РФ), поэтому на него не распространяется следующее условие ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: «В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления ... на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных частью второй настоящей статьи, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение» [13].

Таким образом, в настоящее время при наличии признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, получить санкцию на раскрытие активности подозреваемых субъектов в даркнете, практически невозможно. Преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 171 УК РФ, относятся к категории тяжких, но для возбуждения соответствующего уголовного дела нужно добыть данные, свидетельствующие о наличии признаков совершения преступных деяний в составе организованной преступной группы, а также ущерба в особо крупном размере. Очевидно, получение таких необходимых данных возможно только в результате использования возможностей системы информационно-технического обеспечения оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ) и других специальных оперативно-технических средств, для чего нужны указанные выше основания. Получается замкнутый круг!

Изложенная проблема конструкции статьи 171 УК РФ приводит к тому, что в настоящее время у следователей и оперативных работников отсутствуют реальные возможности к полноценному выявлению и расследованию незаконной предпринимательской деятельности в сети даркнет. Поэтому, на наш взгляд, необходимо ввести в данную статью дополнительный квалифицированный состав, предусматривающий отнесение незаконной предпринимательской деятельности в крупном размере к категории тяжких преступлений при условии использования для ее осуществления криптографических средств и информационно-коммуникационных сетей (Интернет). По нашему мнению, внесение предложенных изменений в конструкцию статьи 171 УК РФ позволит не только повысить уровень выявления и пресечения незаконной предпринимательской деятельности в темном интернете, но также будет способствовать предупреждению данного вида преступлений и обеспечению экономической безопасности.

В заключение следует отметить, что изложенная проблема криминализации и теневиализации закрытого сегмента Интернета обостряет необходимость совершенствования законодательного регулирования криптографической деятельности в Российской Федерации. В настоящее время отдельные правовые положения в этой сфере, касающиеся, главным образом вопросов защиты информации, отражены в ряде федеральных законов: «О безопасности» [1], «О государственной тайне» [2], «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [3], «О персональных данных» [4]. Однако, специального федерального закона, системно и комплексно формулирующего правовые основы регулирования криптографической деятельности в Российской Федерации до сих пор не существует. На наш взгляд, такое положение затрудняет адекватное реагирование на отмеченные угрозы экономической безопасности.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ // www.consultant.ru
2. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 // www.consultant.ru
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // www.consultant.ru
4. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // www.consultant.ru
5. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ (в редакции 2020 г.) // www.consultant.ru
6. Постановление Правительства РФ № 313 от 16 апреля 2012 г. «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, выполнению работ, оказанию услуг в области шифрования информации, техническому обслуживанию шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств (за исключением случая, если техническое обслуживание шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя)» // www.consultant.ru
7. Дремлюга Р.И., Романова Л.И. Преступный мир Darknet // Юридическая наука и практика. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 52–60.

8. История проекта Tor // <https://www.torproject.org/ru/about/history/>
9. Гидра – крупнейшая площадка Даркнета // <https://zen.yandex.ru/media/cryptomika/hydra--krupneishaia-ploscadka-darkneta-provodit-ico-dlia-privlecheniia-150-mln-5e05dbaa2fda8600b0703918>
10. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // www.consultant.ru
11. Хабибулин А.Г., Сомик К.В. Особенности информационно-аналитического обеспечения финансовых расследований // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 147–158.
12. Хабибулин А.Г., Сомик К.В. Обнаружение и документирование цифровых следов высокотехнологичных финансовых преступлений: вопросы теории и практики // Теория государства и права. – 2020. – № 2. – С. 212–218.
13. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // www.consultant.ru

---

Для цитирования: Сомик К.В., Хабибулин А.Г. Совершенствование противодействия экономической преступности, использующей возможности сети Интернет и криптографических средств // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 220–226. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.014

Kirill V. Somik *
Alik G. Khabibulin **

Improving counteraction to economic crime using the capabilities of the Internet and cryptographic means

Annotation. *The article examines the legal aspects of countering illegal business activities and other interrelated crimes committed in the closed segment of the Internet using information technology, cryptographic tools and cryptocurrency. Based on the analysis of the methods of preparation, commission and concealment of digital traces of such crimes, proposals are substantiated for improving the criminal law norms aimed at increasing the efficiency of detecting, suppressing and preventing the crimes in question.*

Keywords: *illegal business activity, darknet, cryptographic means, cryptocurrency, digital traces.*

Currently, a high-tech shadow segment has formed on the Internet, in which illegal types of entrepreneurial and other criminal activities are carried out, undermining not only the foundations of the national and world economy, but also the life and health of citizens. In this segment, called the "darknet" (or "dark Internet"), large-scale economic and financial transactions are carried out, including the sale of drugs, weapons, people, fake docu-

---

* **Somik Kirill Vasilievich**, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty), Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Economics, Professor. E-mail: kirill.somik@mail.ru

** **Khabibulin Alik Galimzyanovich**, Head of the Department of Financial and Economic Investigations of the Higher School of Economics (Faculty), Moscow State University. M.V. Lomonosov, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Ch. editor of the journal "Migration Law", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Lieutenant General of Police. E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

ments, as well as the legalization of the received criminal proceeds using illegal cryptographic means and cryptocurrencies [7] ...

The Darknet is a segment of the Internet in which access to sites, as well as communications between trusted users, are carried out using information warfare, intelligence and traffic control, special programs and cryptographic tools that ensure anonymity. It is believed that the darknet was created in the 70s of the last century in the bowels of the US Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA), with the active participation of the US National Security Agency (NSA). To access the information resources of the dark web, the so-called TOR browser (abbreviated from English – "The Onion Router") is used – an onion router, software for implementing an anonymous network connection with cryptographic protection). This software system was also developed with the participation of the DARPA Agency by the best programmers and cryptographers of the US Naval Research Laboratory.

But, since the 2000s, the Tor browser has been actively distributed as open source software, and the darknet is positioned as a kind of guarantor of the independent and free development of the Internet. Funding for these resources is still funded by US government agencies. There is reason to believe that the developers of the above system probably left for themselves a backdoor – a loophole through which it would be possible to "spy" on users of this browser [8].

The darknet has created high-tech trading platforms for organizing illegal business activities. There are online shops selling drugs, weapons, fake documents. You can order hacker attacks, murders and other types of crimes. Payment for transactions is carried out through cryptocurrency, mainly bitcoins. Using the possibilities of cryptocurrency exchange, money laundering operations are carried out here. The scale of this illegal business activity is very significant and is measured in billions of dollars.

Let's consider, for example, how the work of one of the popular Russian darknet trading platforms called "Hydra" is organized [9]. Like any marketplace (e-commerce platform) operating in a legal environment, Hydra regularly updates its assortment in response to changes in demand for goods and services. For the convenience of users, all offers from sellers are categorized. Some of the most popular products that can be purchased on the platform include drugs, counterfeit money and documents, teaching aids and instructions (for example, on organizing drug sales).

Popular services that can be ordered on Hydra include the transportation and sale of drugs, the organization of Internet security, account hacking (a collection of user data stored in a computer system, which is necessary to identify (authenticate) and provide access to his personal data and settings).

Also on the platform, you can find a lot of job offers: from chemists (for the manufacture of drugs), to designers and promoters who will be entrusted with the distribution of goods / services offered by sellers. It is important to note that the volume of online orders in recent years on the platform in question has shown significant and sustained growth at the level of over 20% per year.

The shopping process on Hydra is different from shopping in a regular online store. In order to create an order, you must go through the registration process. After providing a personal account, the user must replenish his balance – funds will be transferred from it to sellers. Having chosen the desired product / service, the buyer should familiarize himself with the terms of its delivery. In the case of buying prohibited goods, you must be ready to work with the so-called "bookmarks" (places of hidden placement and storage of goods in

online stores). The access to the Hydra platform is opened in the TOR browser's onion routing system. With its help, a high level of anonymity of all actions and subjects of interaction is achieved. Mutual settlements between users are carried out only using cryptocurrencies.

Using this example, we have shown, among other things, the special role of cryptocurrency in illegal business activities on the dark Internet. As a rule, this is bitcoin. Therefore, in this regard, we will consider the features of the criminal risks of this digital currency. Cryptocurrency, in general, is a type of decentralized convertible virtual currency that is protected using cryptographic methods and means. Most cryptocurrency software is based on the source code of the bitcoin system. Bitcoins are units of account in the form of a unique string of digital and alphabetic characters that have actual value only because users are willing to pay for them. Bitcoins are traded by users in digital form with a high degree of anonymity, and bitcoins themselves can be exchanged for rubles, US dollars, euros, other fiat or virtual currencies. Analysis of the features of the properties of cryptocurrencies allows us to highlight the following main criminal risks.

The use of cryptocurrencies may fall under the signs of illegal entrepreneurial activity (Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation) [10], if certain legislative and regulatory requirements are not met. For example, since a cryptocurrency such as bitcoin is used not only for their own limited purposes of their owner, it must, in accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation No. 313 of April 16, 2012 [6], be licensed in terms of the cryptographic means used.

Also, in accordance with the statutory requirements under certain conditions, it is necessary to obtain a license to conduct foreign exchange operations, for example, when converting cryptocurrency [5]. In addition, it is necessary to submit to the tax authorities' declarations on foreign exchange transactions related to the conversion of cryptocurrencies, and to pay tax on the financial results of sales and purchases resulting from the exchange rate difference between the convertible currencies. Failure to comply with these requirements means tax evasion with all the ensuing consequences. The high degree of anonymity of cryptocurrency transactions and the possibility of organizing cross-border payments and transfers, for example, via the Internet, makes cryptocurrencies potentially vulnerable in terms of their illegal use for money laundering and terrorist financing.

The analysis allows us to conclude that almost all trade and financial transactions, especially those related to drugs, weapons, fake documents, etc., carried out on the dark Internet have signs of illegal business activity, and can also be sources of criminal income with a high probability which, with the help of cryptocurrency, are then transformed into legal money. However, most of the crimes considered in the courts, using the capabilities of the closed segment of the Internet, are related to illegal drug trafficking and are qualified under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [10].

The characteristic features of the crimes under consideration are their organized nature, the use of the TOR browser, automated anonymous online stores, cryptographic tools, cryptocurrencies, instant electronic messaging systems and other modern information technologies [11].

In order to identify signs of illegal entrepreneurial activity using trading crypto platforms on the dark Internet, it is necessary to obtain acceptable digital evidence of the use of the TOR browser, provide access to sites and forums on the dark web, to encrypted electronic transactions reflecting trade transactions and financial transactions using cryptocurrencies, electronic wallets, information and telecommunication networks. Organizers, par-

ticipants and accomplices of various cybercrimes, acting anonymously on the dark Internet, often directly or indirectly connected with each other, maintain contacts on social networks, on Internet forums. As a result, they form a branched, multi-tier, but fairly stable corporate structure, where they exchange ideas and advice in the field of illegal business activities and related high-tech crimes [12].

If we identify, form and maintain in special data storages such structures of connections between users of the dark Internet, and then with the help of special operational and forensic tools to overcome the anonymity of suspicious activity, then we can achieve the synthesis of fragments of interrelated events and persons that actually reveal criminal activity on the dark web. Such branched cyber networks can also have a cross-border nature, and some of its links can be used to commit other dangerous crimes, for example, related to the illegal withdrawal of capital abroad and the legalization of criminal proceeds.

Obviously, in order to solve this complex task, it is necessary to have sufficient legal grounds for disclosing anonymity on the darknet, as well as to use special methods, operational-technical and forensic techniques, records, and most importantly, to have grounds for conducting operational-search activities that reveal encrypted actions on the dark internet. Unfortunately, this is precisely the problem that is difficult to solve.

As a result of our research, we found that a significant part of crimes related to illegal business activities and the material damage caused by them are outside the field of vision of law enforcement agencies. It is extremely rare that such crimes can be prevented at the stage of their preparation. This situation seems unsatisfactory, since, for example, according to the far from complete data available more than 1,500 sites have now been identified that represent high-tech sites for organizing illegal business activities.

Of course, the most widespread here are numerous transactions for the sale of drugs, other types of illegal trade and financial transactions. But a significant share of illegal shadow income is also formed as a result of the deduction of part of the funds from the sale of illegal goods and services to the administrators of other Internet resources that provide the necessary referral links for active assistance in the formation of a client base.

For example, in May last year, two administrators of the DeepDotWeb website were arrested in France and Israel. The site hosted referral links to the darknet resources. For each new visitor, the site owners received certain deductions in cryptocurrency from the administrators of the trading platforms. According to reports, hundreds of thousands of people have followed these links, resulting in the site administrators earning about € 10 million. Almost simultaneously, one of the largest bitcoin mixers, Bestmixer.io, was closed. This service was launched in May 2018 and in just a year, reached a turnover of \$ 200 million.

Russia last year became the world leader in activity on the dark Internet, and in terms of the number of attracted users, the Russian platform Hydra surpassed AlphaBay, the largest of the existing darknet sites. Currently, more than 2.5 million users are registered on the Hydra website, 393,000 of whom have made at least one purchase. In the first half of 2019 alone, the income received here amounted to more than 1.4 billion rubles. Paradoxically, at the same time, not a single conviction was issued under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation for organizing illegal business on the Darknet!

In these conditions, in our opinion, there is a need to improve the current criminal law, formulated in article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation [10]. Let us present an analysis of the flaws in the design of this article, which significantly complicate the obtaining of legal grounds for carrying out operational-search measures necessary to identify evidentiary signs of illegal business activity on the dark Internet.

According to the Federal Law "On Operational-Investigative Activity" (Art. 8) [13], it is possible to obtain a sanction for conducting operational-search measures that allow detecting digital traces of criminal activity on the darknet only if information is available: about signs of a prepared, committed or committed illegal act, according to which the production of a preliminary investigation is mandatory; about persons preparing, committing or having committed an unlawful act, for which the production of a preliminary investigation is mandatory. However, at present, according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Article 150 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the conduct of a preliminary investigation in cases of illegal business under Part 1 of Art. 171 CC is optional.

Moreover, this crime (Art. 171, part 1) belongs to the category of minor gravity (Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation), therefore the following condition of Art. 8 of the Federal Law "On operational-search activities": "In cases that cannot be delayed and may lead to the commission of a grave or especially grave crime ... on the basis of a reasoned decision of one of the heads of the body carrying out operational-search activities, it is allowed to conduct operational-search measures provided for in part two of this article, with the obligatory notification of the court (judge) within 24 hours. Within 48 hours from the moment of the start of the operational-search measure, the body carrying it out is obliged to obtain a court decision on the conduct of such an operational-search measure or to stop it" [13].

So, at present, in the presence of signs of a crime under Part 1 of Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is almost impossible to get a sanction to disclose the activity of suspected subjects on the darknet. Crimes under Part 2 of Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation belong to the category of grave ones, but in order to initiate an appropriate criminal case, it is necessary to obtain data indicating the presence of signs of the commission of criminal acts as part of an organized criminal group, as well as damage on an especially large scale. Obviously, obtaining such necessary data is possible only as a result of using the capabilities of the information and technical support system for operational search measures (SORM) and other special operational and technical means, for which the above grounds are needed. It turns out a vicious circle!

The stated problem of the construction of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation leads to the fact that at present, investigators and operatives do not have real opportunities to fully identify and investigate illegal business activities on the darknet. Therefore, in our opinion, it is necessary to introduce an additional qualified composition into this article, providing for the classification of illegal entrepreneurial activity on a large scale to the category of serious crimes, provided that cryptographic means and information and communication networks (Internet) are used for its implementation. In our opinion, the introduction of the proposed changes to the design of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation will not only increase the level of detection and suppression of illegal entrepreneurial activity on the dark Internet, but will also help prevent this type of crime and ensure economic security.

In conclusion, it should be noted that the outlined problem of criminalization and shadowization of the closed segment of the Internet exacerbates the need to improve the legislative regulation of cryptographic activity in the Russian Federation. At present, certain legal provisions in this area, concerning mainly information protection issues, are reflected in a number of federal laws: "On security" [1], "On state secrets" [2], "On information, information technologies and information protection" [3], "On personal data" [4].

However, there is still no special federal law that systematically and comprehensively formulates the legal framework for regulating cryptographic activity in the Russian Federation. In our opinion, this situation makes it difficult to adequately respond to the noted threats to economic security.

Bibliographic list

1. Federal Law "On Security" dated 28.12.2010 No. 390-FZ // www.consultant.ru
2. Law of the Russian Federation "On State Secrets" dated 21.07.1993 No. 5485-1 // www.consultant.ru
3. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated July 27, 2006 No. 149-FZ // www.consultant.ru
4. Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 No. 152-FZ // www.consultant.ru
5. Federal Law "On Currency Regulation and Currency Control" dated 10.12.2003 No. 173-FZ (as amended in 2020) // www.consultant.ru
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 313 of April 16, 2012 "On approval of the Regulation on licensing activities for the development, production, distribution of encryption (cryptographic) means, information systems and telecommunication systems, protected using encryption (cryptographic) means, performance of works, the provision of services in the field of information encryption, maintenance of encryption (cryptographic) means, information systems and telecommunication systems protected using encryption (cryptographic) means (unless the maintenance of encryption (cryptographic) means, information systems and telecommunication systems, protected using encryption (cryptographic) means, is carried out to meet the own needs of a legal entity or individual entrepreneur)" // www.consultant.ru
7. Dremlyuga R.I., Romanova L.I. Underworld of Darknet // Legal Science and Practice. 2018. T. 14. No. 1. P. 52–60.
8. History of the Tor project // <https://www.torproject.org/ru/about/history/>
9. Hydra is the largest Darknet site // <https://zen.yandex.ru/media/cryptomika/hydra-krupneishaia-ploscadka-darkneta-provodit-ico-dlia-privlecheniia-150-mln-5e05dbaa2fda8600b0703918>
10. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // www.consultant.ru
11. Khabibulin A.G., Somik K.V. Features of information and analytical support of financial investigations // Legal science: history and modernity. 2016. No. 2. P. 147–158.
12. Khabibulin A.G., Somik K.V. Detection and documentation of digital traces of high-tech financial crimes: theory and practice // Theory of State and Law. 2020. No. 2. P. 212–218.
13. Federal Law "On Operational Investigative Activity" dated 12.08.1995 No. 144-FZ (last edition) // www.consultant.ru

---

Please cite this paper as: Somik K.V., Khabibulin A.G. Improving counteraction to economic crime, using the capabilities of the Internet and cryptographic means // Theory of State and Law. 2020. No. 4 (20). P. 226–231. DOI:10.47905/MATGIP.2020.20.4.014

ПРИКАЗ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию системы правовых актов, в частности такой его разновидности как приказ. Отмечается, что правовые акты играют особую роль в процессе упорядочивания общественных отношений, посредством которых закрепляются определенные правила и требования как для всех граждан, так и для определенного круга лиц. Важное значение уделено процессу управления, который осуществляется посредством издания таких правовых актов органов управления как постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения. Наиболее удобной формой выражения воли должностных лиц является приказ, с помощью которого возможно решение ежедневно возникающих вопросов в государственном управлении, а также утверждение им иных форм правовых актов (положения, инструкции, правила). Однако, отсутствие характеристики приказа в действующем законодательстве ведет к тому, что его относят к локальным актам, не обращая внимание на его нормативный характер. В статье проводится анализ дефиниции «приказ», выявляются его признаки, специфика применения в различных сферах.*

***Ключевые слова:** приказ; правовые акты; правоприменительные акты; нормативные правовые акты; индивидуальные акты.*

На современном этапе развития общества и государства особое место занимают нормативные правовые акты (далее – правовые акты), действие которых направлено на упорядочение различных социальных связей, а также поддержание функционирования всей правовой системы страны и обеспечение ее необходимого уровня развития. Путем их принятия проводится определенная политика государства, посредством которой оно реализует свои функции [7]. Правовые акты в своем многообразии представляют собой юридический инструмент, утверждающий различные правила поведения, совокупность которых обеспечивает условия и порядок деятельности всех звеньев механизма государства.

Несмотря на значимость нормативного правового акта, законодательное закрепление его понятия отсутствует, что ведет к многообразию толкования названного правового явления. На сегодняшний день представлено достаточно большое количество работ, посвященных исследованию различных сторон правового акта [15, 21, 27], анализ которых позволяет выделить ряд признаков, присущих нормативному правовому акту.

В первую очередь он выражается в определенном документированном виде и содержит в себе волю субъекта его принявшего. Во-вторых, нормативный правовой акт может быть принят субъектами различного уровня и носит обязательный характер в отношении лиц, на которых распространяет свое действие. В-третьих, в качестве цели его принятия выступает достижение определенного результата, позитивных последствий. В-четвертых, содержательная часть правового акта включа-

---

* **Чернышов Андрей Викторович**, соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: d.grachev@lenta.ru

ет в себя юридические нормы, материалы практики, индивидуальные указания, разъясняющие предписания, автономные решения должностных лиц. В-пятых, посредством принятия правовых актов реализуются функции государства, общественных организаций, обеспечивается поведения граждан.

Таким образом, правовой акт – это особая форма выражения воли субъекта, уполномоченного на осуществление таких действий, которая фиксируется в определенном документированном виде и направлена на достижение конкретных результатов посредством ее обязательного исполнения физическими и юридическими лицами, в отношении которых такой акт принимается.

Согласно «Концепции системы классификации правовых актов РФ» от 29.09.1999, выделяют правовые акты *нормативные* и *индивидуальные* [19]. Специфика нормативного правового акта заключается в том, что он выступает одним из основных источников права, в нем содержатся правовые нормы – общеобязательные правила поведения, действие которых направлено на неопределенный круг лиц и, как правило, неограниченно по времени действия. В качестве основной цели рассматриваемых актов является регулирование однородных общественных отношений.

Что же касается индивидуально-правовых актов, то их действие направлено в отношении определенного лица, применяются однократно и теряют свою силу после того, как прекратились конкретные отношения, предусмотренные таким документом [13].

С.А. Комаров считает, что «ведущей формой ведомственного акта является **приказ**, который по своему содержанию может быть как нормативным, так и ненормативным. Приказом опосредуется различная по своему характеру деятельность, им утверждается, а тем самым и придается соответствующая юридическая сила другим нормативным актам, исходящим от того или иного министерства, комитета, федеральной службы, федерального агентства. Иными словами, он имеет нормотворческое значение, выступает актом детализации постановления Правительства Российской Федерации. Приказы и распоряжения, имеющие разовое распорядительное значение, не содержат нормативных предписаний, поэтому нормативными правовыми актами не являются» [17, с. 274].

Если говорить в целом о нормативных правовых актах, то стоит отметить, что все их многообразие строится в определенной последовательности, иерархии, т.е. каждому виду акта отводится свое место в системе правовых актов. В частности, можно выделить акты высшей и низшей юридической силы, где последний, в свою очередь, не должен противоречить первому, отменять или изменять его [12]. Все правовые акты должны приниматься только с учетом соблюдения норм Конституции РФ, а также с действующей официальной классификации правовых актов.

Как известно, государство представляет собой «организатора» в управлении делами населения страны, которое свои функции осуществляет посредством деятельности соответствующих органов, наделенных определенными полномочиями. По мнению Ю.Н. Старилова, действие правовых актов направлено на осуществление функций по управлению, как со стороны как государства в целом, так и непосредственно органов исполнительной власти, и должно основываться с учетом соблюдения принципов права и публичного управления [16, с. 55].

В связи с этим, достаточно большой массив правовых актов отводится актам органов управления, посредством которых происходит упорядочивание общественных отношений в различных сферах (экономическая, социальная, политическая, ду-

ховная); разрешаются вопросы, возникающие между гражданами и иными субъектами, связанные с соблюдением их прав и законных интересов; обеспечивается возможность получения услуг от органов государственной власти и органов местного самоуправления и т.д. [20].

Нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Каждый из них занимает свое место в системе правовых актов, построенной по принципу иерархии и соподчинения друг другу. Учитывая данный признак, к таким актам можно отнести и решения негосударственных органов (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных хозяйствующих субъектов), которые также обладают правом на принятие различных правоприменительных решений – актов о приеме на работу, увольнении, поощрениях и т.д. [18, с. 295].

Особое значение среди правовых актов управления уделяется приказу. Являясь одной из форм выражения воли должностных лиц, он представляет собой первостепенный инструмент решения ежедневно возникающих вопросов в государственном управлении. По своей сути, приказ представляет собой распорядительный акт, который издается исполнительными органами власти по указанию вышестоящего руководства или личной инициативе в целях устранения пробелов по возникающим вопросам в сфере государственного управления [20]. Специфика приказа заключается еще и в том, что им могут утверждаться и иные виды нормативных актов – положения, инструкции, правила [5].

Однако, отсутствие официального толкования и каких-либо характеристик рассматриваемой формы правового акта в действующем законодательстве способствовало развитию мнения о том, что отнесение приказов к разновидности нормативных правовых актов является ошибочными, поскольку по сути, как считают С.В. Бошно и Т.А. Пытикова, он выступает локальным актом правоприменения [9, с. 10]. Сказанное обосновывается тем, что приказ применяется при исполнении своих полномочий руководителем организации в отношении работников, лиц ему подведомственным.

Вместе с тем, с подобной позицией достаточно сложно согласиться, поскольку иной взгляд на приказ можно встретить, например, в ст. 39 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, где приказ рассматривается как распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненным и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, положение [1]. Он может быть отдан в письменном виде, устно или по техническим средствам связи одному или группе военнослужащих. Письменный приказ является основным распорядительным служебным документом (нормативный акт) военного управления, издаваемым на правах единоначалия командиром воинской части.

Таким образом, среди актов военного управления можно также выделить и нормативные и индивидуальные приказы [8]. К нормативным актам можно отнести, к примеру, Приказ Министра обороны РФ от 04.04.2017 № 170, который закрепляет правила поведения общего характера [3]. К индивидуальным актам – акты, направленные для разрешения определенных вопросов в отношении конкретного лица или группы лиц. Например, приказ командира (начальника) войсковой части (организации) по личному составу о присвоении воинского звания.

Стоит отметить, большая часть приказов федеральных органов исполнительной власти содержит в себе и нормативные и индивидуальные предписания. В науке

такие приказы принято называть смешанными нормативными актами, которые издаются в случае необходимости применения нескольких актов, регулирующих один и тот же вопрос. В качестве примера приведем приказ Минфина России от 9 августа 2005 г. № 102н, закрепляющий нормы в отношении правового положения комиссии – нормативный характер, а также нормы в отношении лиц, назначаемых на должность ее председателя – индивидуальный характер [6].

Справедливо в этой ситуации считает Н.И. Матузов, что «закрепленная классификация правовых актов в Постановлении Правительства является больше условным делением, чем строго установленным» [22, с. 465]. Действительно, на практике достаточно много актов, отражающих и нормативные и индивидуальные предписания.

Так, Приказ Министра обороны РФ от 30.09.2019 № 565 является актом правоприменения, поскольку исполняет нормы указа Президента Российской Федерации, иные нормы действующего законодательства по вопросам воинской и альтернативной гражданской службы, и, в тоже время, направлен к многочисленным гражданам – индивидуальным и коллективным, регулируя обширный пласт общественных отношений [4].

Интересной считаем позицию О.В. Строковой, которая выделяет классификацию приказов по юридической силе, среди которых:

- нормативные (приказы министерств, федеральных служб, федеральных агентств);
- правоприменительные (судебный приказ);
- приказы общего характера (кадровые приказы организации) [23].

По ее мнению приказ относится к числу подзаконных нормативно-правовых актов, в связи с чем обладает тождественными ему признаками и содержит в себе нормы [25], упорядочивающие наиболее важные вопросы деятельности федеральных органов исполнительной власти [24, 26, 27].

Для решения поставленного вопроса, обратимся к значению самого приказа. Итак, приказ есть официальное распоряжение, предписание, издаваемое руководителем учреждения, предприятия, организации; документ, в котором изложено такое распоряжение [14]; официальное распоряжение органа власти, руководителя учреждения, предприятия, организации, войскового начальника и т.п. [10]; акт руководителя органа государственного управления, государственного учреждения, коммерческой организации, содержащий обязательные для определенного круга лиц установки; в вооруженных силах – письменное или устное распоряжение начальника подчиненным, являющееся для них законом [11]. Таким образом, приказ может быть издан и органом государственного управления и руководством предприятия, учреждения, организации.

С учетом проведенного исследования, считаем, что приказ является нормативным правовым актом и издается в том случае, когда появляется необходимость решения неурегулированных действующим законодательством вопросов, т.е. происходит конкретизация нормативных правовых актов, изданных вышестоящими органами государственной власти (определяется порядок совершения определенных действий (процедур), срок исполнения определенных действий и т.д.).

В качестве основных признаков нормативного приказа можно выделить следующие: отражает волю управомоченного органа, единолично принимающего решение о его принятии; может выражаться в письменной или устной форме; содер-

жит правила поведения, обязательные для определенного круга лиц; является подзаконным актом; издается только с учетом установленных полномочий и в соответствии с компетенцией органа управления в целях упорядочения общественных отношений, находящихся вне правовой сферы.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // www.consultant.ru
2. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2019 г. № 472 «О призыве в октябре-декабре 2019 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву» // www.consultant.ru
3. Приказ Министра обороны РФ от 04.04.2017 № 170 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации» (вместе с «ИД-2017. Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации») // www.consultant.ru
4. Приказ Министра обороны РФ от 30.09.2019 № 565 «О призыве в октябре-декабре 2019 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву» // www.consultant.ru
5. Приказ МВД России от 12.09.2013 № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // www.consultant.ru
6. См.: приказ Минфина России от 9 августа 2005 г. № 102н «О создании Межведомственной комиссии по координации взаимодействия Минфина России и ФНС России в налоговой сфере» // www.consultant.ru
7. *Алексеев С.С.* Общая теория права. – В двух томах. – Том II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
8. *Артамонова С.Н., Намм Г.А.* К вопросу о соотношении понятий «приказ» и «распоряжение» в институтах государственной гражданской службы и военной службы и их месте в системе правовых актов Российской Федерации // Вестник военного права. – 2017. – № 2. – С. 56–61.
9. *Бошно С.В., Пытикова Т.А.* Приказ: нормативный или правоприменительный акт? // Юрист. – 2005. – № 10. – С. 10–12.
10. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
11. Большой энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 862 с.
12. *Ваньков А.В., Сумачев А.В.* Правовой акт: понятие и общая характеристика // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2018. – № 3. – С. 3–6.
13. *Вдовин М.А., Гибадуллина К.А.* Индивидуальные правовые акты: понятие, признаки и требования // Аллея науки. – 2018. – № 5. – Т. 2. – С. 801–803.
14. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 2. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
15. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Котелевская И.В., Тихомиров Ю.А. – М.: Юринформцентр, 1999. – 381 с.
16. *Старилов Ю.Н.* Административное право. – Ч. 2. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. – 624 с.
17. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

18. *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 томах. – Т. I. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – Т. 1. – С. 295.
19. Концепция системы классификации правовых актов РФ от 29.09.1999 (подготовлена АО «Консультант Плюс» в рамках исполнения государственного заказа по поручению Российского фонда правовых реформ) // www.consultant.ru
20. *Ломакина В.Ф.* Правовая природа актов государственного управления // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 4. – С. 36–55.
21. *Малько А.В., Гайворонская Я.В.* Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 15–24.
22. *Матузов Н.И.* Применение и толкование права. Коллизии в праве / Теория государства и права: Курс лекций. – М.: Юрист, 2013. – 776 с.
23. *Строкова, О. Г.* Приказ как особая разновидность правового акта: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 25 с.
24. *Талаев И.В.* Понятие «приказ» в законодательстве и уголовно-правовой доктрине России // Российское правосудие. – 2019. – № 12. – С. 90–94.
25. *Чернышева Т.М., Рубанцова Т.А.* Подзаконный нормативный акт: понятие и признаки // Научное общество студентов. Междисциплинарные исследования: сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции 01–11 декабря 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 605–609.
26. *Чернышева Т.М.* Закон и подзаконный нормативный акт в правовой система РФ: проблема соотношения // Актуальные проблемы права: материалы V Международной научной конференции (г. Москва, декабрь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 14–16.
27. *Шопина О.В.* Система правовых актов в современной России: проблемы теории: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 26 с.

Для цитирования: *Чернышов А.В.* Приказ в системе нормативных правовых актов: общетеоретический аспект // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 232–237. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.015

Andrey V. Chernyshov*

ORDER IN THE SYSTEM OF NORMATIVE LEGAL ACTS: GENERAL THEORETICAL ASPECT

***Annotation.** The article is devoted to the study of the system of legal acts, in particular of such a variety as an order. It is noted that legal acts play a special role in the process of streamlining social relations, through which certain rules and requirements are established for all citizens and for a certain number of persons. The importance is given to management process which is carried out by means of the publication of such legal acts of governing bodies as resolutions, orders, orders, rules, instructions and provisions. The most convenient form of expression of the will of officials is an order, by means of which it is possible to solve daily issues in the public administration, as well as to approve other forms of legal acts (regulations, instructions and rules). However, the absence of a characteristic of the order in the current legislation leads to the fact that it is classified as local acts, without paying attention to its normative nature. The article analyses the definition of "order," identifies its characteristics, specifics of application in various spheres.*

---

* **Chernyshov Andrey Viktorovich**, applicant for the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy. E-mail: ktgp@ssla.ru.

Keywords: order; legal acts; law enforcement acts; normative legal acts; individual acts.

At the present stage of development of society and the state, a special place is occupied by normative legal acts (hereinafter – legal acts), the action of which is aimed at ordering various social relations, as well as maintaining the functioning of the entire legal system of the country and ensuring its required level of development. By their adoption, a certain policy of the state is carried out, through which it realizes its functions [7]. Legal acts in their variety represent a legal instrument that approves various rules of conduct, the totality of which provides the conditions and procedure for the operation of all links of the state mechanism.

Despite the importance of a normative legal act, there is no legislative consolidation of its concept, which leads to a variety of interpretation of the named legal phenomenon. To date, a fairly large number of works devoted to the study of various aspects of a legal act have been presented [15, 21, 27], the analysis of which allows us to single out a number of features inherent in a regulatory legal act.

First of all, it is expressed in a certain documented form and contains the will of the subject who accepted it. Secondly, a normative legal act can be adopted by subjects of different levels and is binding in relation to the persons to whom it applies. Thirdly, the goal of its adoption is the achievement of a certain result, positive consequences. Fourth, the substantive part of a legal act includes legal norms, practice materials, individual instructions explaining instructions, autonomous decisions of officials. Fifth, through the adoption of legal acts, the functions of the state, public organizations are implemented, and the behavior of citizens is ensured.

So, a legal act is a special form of expression of the will of a subject authorized to carry out such actions, which is recorded in a certain documented form and is aimed at achieving specific results through its mandatory execution by individuals and legal entities in respect of which such an act is adopted.

According to the "Concept of the classification system of legal acts of the Russian Federation" dated 09.29.1999, legal acts are distinguished, normative and individual [19]. The specificity of a normative legal act lies in the fact that it acts as one of the main sources of law; it contains legal norms – generally binding rules of behavior, the action of which is aimed at an indefinite circle of persons and, as a rule, unlimited in duration. The main purpose of the acts under consideration is the regulation of homogeneous social relations.

As for individual legal acts, their action is directed towards a specific person, are applied once and lose their force after the specific relations provided for by such a document have ceased [13].

S.A. Komarov believes that “the leading form of a departmental act is an order, which in terms of its content can be both normative and non-normative. The order mediates activities of various nature, they are approved, and thereby give the appropriate legal force to other normative acts emanating from a particular ministry, committee, federal service and federal agency. In other words, it has a rule-making value, acts as an act of detailing the resolution of the Government of the Russian Federation. Orders and orders that have a one-time administrative significance do not contain regulatory prescriptions, therefore, they are not regulatory legal acts” [17, p. 274].

If we talk about normative legal acts in general, it is worth noting that all their diversity is built in a certain sequence, hierarchy, i.e. each type of act has its place in the system

of legal acts. In particular, it is possible to distinguish acts of higher and lower legal force, where the latter, in turn, should not contradict the first, cancel or change it [12]. All legal acts should be adopted only taking into account the observance of the norms of the Constitution of the Russian Federation, as well as with the current official classification of legal acts.

As you know, the state is the "organizer" in the management of the affairs of the population of the country, which carries out its functions through the activities of the relevant bodies, endowed with certain powers. According to Yu.N. Starilov, the action of legal acts is aimed at exercising management functions, both on the part of the state as a whole, and directly from the executive authorities, and should be based on the observance of the principles of law and public administration [16, p. 55]. In this regard, a fairly large array of legal acts is assigned to acts of governing bodies, through which the ordering of social relations in various spheres (economic, social, political, spiritual) takes place; resolved issues arising between citizens and other entities related to the observance of their rights and legitimate interests; the possibility of obtaining services from public authorities and local self-government bodies, etc. [20].

Normative legal acts are issued by federal executive authorities in the form of decrees, orders, orders, rules, instructions and regulations. Each of them takes its place in the system of legal acts, built on the principle of hierarchy and subordination to each other. Given this feature, such acts can also include decisions of non-state bodies (legal entities, individual entrepreneurs and other business entities), which also have the right to make various law enforcement decisions – acts of employment, dismissal, incentives, etc. [18, p. 295].

Particular importance among the legal acts of management is given to the order. As one of the forms of expression of the will of officials, it is the primary tool for solving daily issues in public administration. At its core, an order is an administrative act that is issued by the executive authorities at the direction of higher management or personal initiative in order to eliminate gaps in emerging issues in the field of public administration [20]. The specificity of the order also lies in the fact that it can approve other types of normative acts – regulations, instructions, rules [5].

However, the absence of an official interpretation and any characteristics of the considered form of a legal act in the current legislation contributed to the development of the opinion that the attribution of orders to a variety of normative legal acts is erroneous, since in fact, according to S.V. Boshno and T.A. Pytikova, he acts as a local act of law enforcement [9, p. ten]. This is justified by the fact that the order is applied in the exercise of his powers by the head of the organization in relation to employees, persons subordinate to him.

At the same time, it is quite difficult to agree with such a position, since a different view of the order can be found, for example, in Art. 39 of the Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation, where the order is considered as an order of the commander (chief) addressed to subordinates and requiring the mandatory performance of certain actions, compliance with certain rules or establishing any order, provision [1]. It can be given in writing, orally or by technical means of communication to one or a group of military personnel. A written order is the main administrative service document (normative act) of the military administration, issued as one-man command by the commander of a military unit.

So, among the acts of military control, one can also distinguish both normative and individual orders [8]. Regulatory acts include, for example, Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated 04.04.2017 No. 170, which enshrines the rules of conduct of a general nature [3]. For individual acts – acts aimed at resolving certain issues in rela-

tion to a specific person or group of persons. For example, the order of the commander (chief) of a military unit (organization) for personnel on the assignment of a military rank.

It is worth noting that most of the orders of federal executive bodies contain both normative and individual prescriptions. In science, such orders are usually called mixed normative acts, which are issued if it is necessary to apply several acts regulating the same issue. As an example, we will cite the order of the Ministry of Finance of Russia dated August 9, 2005 No. 102n, which enshrines the norms regarding the legal status of the commission – a normative nature, as well as the norms regarding persons appointed to the position of its chairman – an individual nature [6].

In this situation, N.I. Matuzov that “the enshrined classification of legal acts in the Government Decree is more a conditional division than a strictly established one” [22, p. 465]. Indeed, in practice, there are a lot of acts reflecting both normative and individual prescriptions. So, the Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of September 30, 2019 No. 565 is an act of law enforcement, since it fulfills the norms of the decree of the President of the Russian Federation, other norms of the current legislation on military and alternative civil service, and, at the same time, is directed to numerous citizens – individual and collective, regulating a vast layer of social relations [4].

We consider the position of O.V. String, which highlights the classification of orders by legal force, including:

- regulatory (orders of ministries, federal services, federal agencies);
- law enforcement (court order);
- orders of a general nature (personnel orders of the organization) [23].

In her opinion, the order is one of the subordinate normative legal acts, in connection with which it has identical features and contains norms [25] that streamline the most important issues of the activities of federal executive bodies [24, 26, 27].

To solve the question posed, let us turn to the meaning of the order itself. So, an order is an official order, an order issued by the head of an institution, enterprise, organization; a document that sets out such an order [14]; an official order of a government body, head of an institution, enterprise, organization, military commander, etc. [ten]; an act of the head of a government body, a state institution, a commercial organization, containing instructions mandatory for a certain circle of persons; in the armed forces – a written or oral order of the chief to subordinates, which is law for them [11]. Thus, the order can be issued by the government body and the management of the enterprise, institution, organization.

Taking into account the conducted research, we believe that the order is a normative legal act and is issued in the event that it becomes necessary to resolve issues not regulated by the current legislation, i.e. there is a concretization of normative legal acts issued by higher state authorities (the procedure for performing certain actions (procedures), the deadline for performing certain actions, etc. is determined).

As the main features of a regulatory order, the following can be distinguished: reflects the will of the authorized body, solely making a decision on its adoption; can be expressed in written and oral form; contains rules of conduct that are binding on a certain circle of people; is a by-law; is issued only subject to the established powers and in accordance with the competence of the management body in order to streamline relations outside the legal sphere.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 10, 2007 No. 1495 "On approval of the general military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation" (with amendments and additions) // www.consultant.ru

2. Decree of the President of the Russian Federation of September 30, 2019 No. 472 "On the conscription in October-December 2019 of citizens of the Russian Federation for military service and on dismissal from military service of citizens doing military service" // www.consultant.ru
3. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of 04.04.2017 No. 170 "On approval of the Instruction on office work in the Armed Forces of the Russian Federation" (together with "ID-2017. Instruction on office work in the Armed Forces of the Russian Federation") // www.consultant.ru
4. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of September 30, 2019 No. 565 "On conscription in October-December 2019, citizens of the Russian Federation for military service and on dismissal from military service of citizens doing military service by conscription" // www.consultant.ru
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 12.09.2013 No. 707 "On approval of the Instruction on the organization of consideration of citizens' appeals in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (with amendments and additions) // www.consultant.ru
6. See: Order of the Ministry of Finance of Russia dated August 9, 2005 No. 102n "On the establishment of an Interdepartmental Commission to coordinate interaction between the Ministry of Finance of Russia and the Federal Tax Service of Russia in the tax area" // www.consultant.ru
7. Alekseev S.S. General theory of law. In two volumes. Volume II. Moscow: Legal Literature, 1982. 360 p.
8. Artamonova S.N., Namm G.A. On the question of the relationship between the concepts of "order" and "order" in the institutions of state civil service and military service and their place in the system of legal acts of the Russian Federation // Bulletin of military law. 2017. No. 2. P. 56–61.
9. Boshno S.V., Pytikova T.A. Order: regulatory or law enforcement act? // Lawyer. 2005. No. 10. P. 10–12.
10. Big explanatory dictionary of the Russian language / S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998. 1536 p.
11. Big encyclopedic dictionary / A.M. Prokhorov. Moscow: Soviet encyclopedia, 1991. 862 p.
12. Vankov A.V., Sumachev A.V. Legal act: concept and general characteristics // Bulletin of the Ural Financial and Legal Institute. 2018. No. 3. P. 3–6.
13. Vdovin M.A., Gibadullina K.A. Individual legal acts: concept, features and requirements // Alley of Science. 2018. No. 5. Vol. 2. P. 801–803.
14. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. T. 2. Moscow: Russian language, 2000. 1084 p.
15. Legal acts. Educational-practical and reference manual / Kotelevskaya I.V., Tikhomirov Yu.A. Moscow: Yurinformtsentr, 1999. 381 p.
16. Starilov Yu.N. Administrative law. Part 2. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2001. 624 p.
17. Komarov, SA General theory of state and law: textbook for universities / SA Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.
18. Kartashov V.N. Theory of the legal system of society: a textbook in 2 vol. T. I. Yaroslavl: YarSU, 2005. V. 1. P. 295.
19. Concept of the classification system of legal acts of the Russian Federation dated 09.29.1999 (prepared by JSC "Consultant Plus" as part of the execution of the state order on behalf of the Russian Foundation for Legal Reforms) // www.consultant.ru
20. Lomakina V.F. The legal nature of public administration acts // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 4. P. 36–55.
21. Malko A.V., Gaivoronskaya Ya.V. Theory of legal acts: necessity and ways of creation // State and law. 2012. No. 2. P. 15–24.
22. Matuzov N.I. Application and interpretation of law. Collisions in law / Theory of state and law: A course of lectures. Moscow: Jurist, 2013. 776 p.

23. Strokova, O. G. Order as a special kind of legal act: questions of theory and practice: author. diss. ... Cand. jurid. sciences. Saratov, 2007. 25 p.

24. Talaev I.The. The concept of "order" in the legislation and criminal law doctrine of Russia // Russian justice. 2019. No. 12. P. 90–94.

25. Chernysheva T.M., Rubantsova T.A. Subordinate normative act: concept and characteristics // Scientific society of students. Interdisciplinary research: a collection of articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, December 01–11, 2016), 2016. P. 605–609.

26. Chernysheva T.M. Law and subordinate normative act in the legal system of the Russian Federation: the problem of correlation // Actual problems of law: materials of the V International scientific conference (Moscow, December 2016). Moscow: Buki-Vedi, 2016.S. 14–16.

27. Shopina O.V. The system of legal acts in modern Russia: problems of theory: author. diss. ... Cand. jurid. sciences. Saratov, 2002. 26 p.

For citation: Chernyshov A.V. Order in the system of normative legal acts: general theoretical aspect // Theory of state and law. 2020. No. 4 (20). P. 237–242. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.015

Комаров С.А.*
Воробьев С.М.**

УДК 340
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.016

**Юбилей доктора юридических наук, профессора,
почётного работника высшего образования России,
полковника внутренней службы
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПОЛИЩУКА**

Профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, полковник внутренней службы Полищук Николай Иванович родился 10 декабря 1960 года в селе Стражгород, Тепликского района, Винницкой области Украинской ССР.

Свой трудовой путь Николай Иванович начал шофером в колхозе им. Фрунзе с. Стражгорода в 1978 году после окончания средней школы и получения водительского удостоверения.

По достижению призывного возраста с апреля 1979 по май 1981 гг. проходил срочную военную службу в Вооруженных Силах СССР. После увольнения в запас он вернулся в родное село, где продолжил работать шофером в том же сельхозпредприятии.

Творческая натура и жажда знаний привели Николая Ивановича в 1982 году в курсантскую аудиторию Рязанской высшей школы МВД СССР, которую с отличием окончил в 1986 г. и был направлен для дальнейшего прохождения службы в одно из исправительных учреждений Печорского Управления лесных исправительно-трудовых учреждений (ПЛ-350/13 поселок Березовка) Коми АССР.

Широкая эрудиция, пытливый ум, неугомонность натуры, стремление к самосовершенствованию, значительная работоспособность способствовали поступлению Николая Ивановича в 1991 году в очную адъюнктуру Рязанской высшей школы МВД Российской Федерации. Уже тогда у него всерьез проявились исследовательский талант и педагогические задатки будущего ученого и педагога.

В 1995 году после окончания адъюнктуры он успешно защитил диссертацию «Юридические факты в исправительно-трудовом праве» на соискание ученой степе-

---

* *Комаров Сергей Александрович*, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и образования РФ, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

** *Воробьев Сергей Михайлович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ни кандидата юридических наук по научной специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Научным руководителем Николая Ивановича стал один из ведущих советских ученых пенитенциаристов кандидат юридических наук, доцент Александр Сергеевич Севрюгин.

Желание не просто овладеть юридической наукой, а как можно глубже познать ее ценностную сущность содействовали защите в марте 2009 г. диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правового отношения и юридического факта» по научным специальностям: 12.00.01 – теория и история права и государства, история учений о праве и государстве; 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Научным консультантом по докторской диссертации Николая Ивановича стал один из ведущих отечественных теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор Комаров Сергей Александрович.

В 2012 году Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации ему было присвоено ученое звание профессора.

Становление Полищука Н.И. как ученого и педагога тесно связано с Академией ФСИН России, где он прошел славный путь от адъюнкта до начальника кафедры. За время работы на профессорско-преподавательских должностях зарекомендовал себя способным, высококвалифицированным, компетентным, инициативным сотрудником, умеющим не только правильно ставить перед собой и обучающимися задачи, но и грамотно организовывать их своевременное и качественное выполнение. В течение ряда лет он ведет лекционные курсы по специализированным дисциплинам подготовки адъюнктов по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве на факультете подготовки научно-педагогических кадров, а также по дисциплинам «Теория государства и права», «Конституционное право России», «История политических и правовых учений», «Сравнительное правоведение» на юридическом факультете, специализированные дисциплины на высших академических курсах Академии ФСИН России.

В целях улучшения подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы принимает участие в создании современной учебно-методической базы, является автором более 50-ти учебно-методических работ. Особое внимание уделяет внедрению в учебный процесс образовательных учреждений ФСИН России современных инновационных и телекоммуникационных технологий обучения.

Профессор Полищук Николай Иванович вносит существенный вклад в развитие юридической науки. Он является инициатором и организатором множества международных, всероссийских и межвузовских научных конференций, в рамках которых создаются диалоговые площадки представителей государственной власти, институтов гражданского общества, научной общественности по вопросам, связанным с повышением эффективности взаимодействия государства и общества в обеспечении прав человека в России в целом и в уголовно-исполнительной системе в частности. Он известен в научных и вузовских кругах России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

Как видный ученый в области правоведения занимается вопросами теоретических и прикладных аспектов государственно-правовой организации общества. Является автором более 120 научных публикаций, из них 14 монографий, 2 курса лекций, 3 учебных пособия, 3 комментария к Конституции Российской Федерации. Наиболее

значимыми являются работы: «Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта» (2008); «Попечение о лицах, отбывающих наказание» (2011); «Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин» (2012); «Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт)» (2015); «Курс уголовно-исполнительного права. учебник. в 3-х т.» (2017); «Комментарий к Конституции Российской Федерации / под. ред С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп.» (2019); «Правоотношения в современной правовой реальности: традиционные подходы и новые концепции» / под общей ред. Р.Л. Хачатурова (2019). «Основы государства и права» (2020).

Профессор Полищук Н.И. основатель и руководитель научной школы «Теоретические и практические аспекты государственно-правовой организации общества». Содержащиеся в научных публикациях умозаключения, выводы и предложения широко используются учеными и практиками при проведении разноплановых научных изысканий, совершенствовании российского законодательства, практической деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, учебном процессе образовательных организаций ФСИН России, подготовке учебных и методических пособий, применяемых для практического использования в системе подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров уголовно-исполнительной системы. Под его научным руководством 10 соискателей стали кандидатами и докторами юридических наук, в настоящее время 3 диссертанта на соискание ученой степени кандидата юридических наук прошли обсуждение на кафедре и были рекомендованы к защите.

Профессор Н.И. Полищук является разработчиком и соавтором целого ряда законопроектов, которые приняты Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Наиболее значимыми из них являются предложения по внесению изменений и дополнений в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"»; ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими.

Отдельного внимания заслуживает работа по организации и проведению международных, всероссийских и межвузовских научных конференций в рамках которых создаются диалоговые площадки представителей государственной власти, институтов гражданского общества, научной общественности по вопросам, связанным с повышением эффективности взаимодействия государства и общества в обеспечении прав человека в России в целом, и в уголовно-исполнительной системе – в частности.

Профессор Полищук Н.И. принимает активное участие в общественной и научно-педагогической деятельности. Является вице-президентом Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права». С ноября 2012 года возглавляет общественную научно-исследовательскую лабораторию «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами

гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты», в рамках которой регулярно издается научно-практический Вестник, который включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

В течение многих лет является главным редактором Вестника «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»; членом редакционной коллегии журналов: «Человек: преступление и наказание» (г. Рязань); «Теория государства и права» (г. Москва); «Юридическая мысль» (Санкт-Петербург); «Вестник Костромского государственного университета. Серия: Юридические науки» (г. Кострома); Вестник Воронежского института ФСИИ России (г. Воронеж), «Актуальные проблемы государства и права» (г. Тамбов) и др.

Профессор Полищук Н.И. тесно сотрудничает с различными учреждениями и органами государственной власти. Являлся членом научно-экспертного совета Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции, экспертом по проведению правовой экспертизы Правового и Аналитического управлений Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В настоящее время он является экспертом по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов Рязанской области, членом комиссии по проведению конкурса на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы аппарата Правительства Рязанской области, экспертом комиссии по аттестации государственных и гражданских служащих аппарата Правительства Рязанской области, экспертом Всероссийского конкурса молодежи образовательных учреждений и научных организаций «Моя законотворческая инициатива» и др.

Во время службы в органах внутренних дел выполнял разноплановые служебно-боевые задачи в регионах Закавказья и г. Москве (1990, 1991, 1995 гг.). Награжден медалями: «За безупречную службу» I, II, III степени, «За верность долгу и Отечеству», «Участнику контртеррористической операции на Кавказе», «За усердие в службе» II степени, «В память 200-летия Минюста России», «Медаль Жукова», «За безупречную службу» II степени, «За творческий вклад в науку, культуру и образование», «Ветеран уголовно-исполнительной системы», серебряной медалью «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России», нагрудным знаком «За отличную службу в МВД», Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», почетным знаком уголовно-исполнительной системы «За отличие в службе» II степени и др.

В декабре 2013 г. Полищук Н.И. был удостоен звания лауреата региональной юридической премии «Юрист года Рязанской области» в номинации «Юридическое образование, наука и воспитание».

За заслуги в области образования Приказом Минобрнауки России Полищуку Н.И. присвоено звание «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Члены Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, коллективы журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль» в день Юбилея желают Николаю Ивановичу Полищук от всех его многочисленных друзей, коллег, плеяды учеников – крепкого здоровья, творческого долголетия, счастливой личной жизни и успехов во всех созидательных начинаниях.

Мы любим Вас за добрый нрав и человеческие качества. Нам приятно идти рядом с Вами по тернистой научной и преподавательской стезе, делить поровну все сложности и радости избранной профессии. Пусть внутренний огонь зажигает факел жизнелюбия и оптимизма! Профессионализм дает уверенность в себе! Любимое дело приносит удовольствие, радость, вдохновляет на новые успехи, дарит благо и уважение окружающих людей!

Для цитирования: Комаров С.А., Воробьев С.М.. Юбилей Полищука Николая Ивановича // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 243–247. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.016

ПРИЛОЖЕНИЕ

**АСПИРАНТЫ И ДОКТОРАНТЫ,
защитившие диссертации под научным руководством
профессора Н.И. Полищука**

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

№№ п/п	Ф.И.О.	Название диссертации	Специальность	Дата и место защиты
1.	Воробьев Сергей Ми- хайлович	Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование)	12.00.01 – теория и история права и государства, история учений о праве и государстве	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015 год

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

№№ п/п	Ф.И.О.	Название диссертации	Специальность	Дата и место защиты
1	2	3	4	5
1.	Кохман Вадим Николаевич	Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации	12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2010 год
2.	Коробова Ирина Николаевна	Эффективность норм уголовно-исполнительного права	12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2010 год

Теория государства и права

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
3.	Иванова Наталья Александровна	Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин в современных условиях	12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Академия права и управления ФСИН России, 2011 год
4.	Баженов Виктор Викторович	Организационно-правовые формы попечения о лицах, отбывающих наказание: историко-правовое исследование	12.00.01 – теория и история права и государства, история учений о праве и государстве	Юридический институт (Санкт-Петербург), 2011 год
5.	Шуранова Ольга Александровна	Предупреждение уголовно наказуемого поведения лиц, освобожденных из мест лишения свободы	12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Академия права и управления ФСИН России, 2011 год
6.	Бровкина Александра Алексеевна	Реализация функций уголовно-исполнительного права: теоретико-прикладное исследование	12.00.01 – теория и история права и государства, история учений о праве и государстве: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Академия права и управления ФСИН России, 2014 год
7.	Юнусов Самур Абдулжабарович	Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории	12.00.01 – теория и история права и государства, история учений о праве и государстве: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Академия права и управления ФСИН России, 2014 год
8.	Пестова Оксана Юрьевна	Нормативно-правовое регулирование оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в России	12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Российская академия адвокатуры и нотариата 2018 год
9.	Кохман Дмитрий Вадимович	Правовой механизм реализации амнистии в Российской Федерации и социальные последствия ее применения	12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2020 год

Komarov S.A.*
Vorobyev S.M.**

**Jubilee of Doctor of Law, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia,
Colonel of Internal Service
NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK**

Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Colonel of the Internal Service Nikolai Ivanovich Polishchuk was born on December 10, 1960 in the village of Strazhgorod, Teplik district, Vinnitsa region, Ukrainian SSR.

Nikolai Ivanovich began his career as a chauffeur on the collective farm. Frunze s. Guardian of the City in 1978 after graduating from high school and obtaining a driver's license.

Upon reaching the draft age from April 1979 to May 1981 served in the Armed Forces of the USSR. After being retired, he returned to his native village, where he continued to work as a driver in the same agricultural enterprise.

His creative nature and thirst for knowledge led Nikolai Ivanovich in 1982 to the cadet classroom of the Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, which he graduated with honors in 1986 and was sent for further service to one of the correctional institutions of the Pechora Department of Forest Correctional Labor Institutions (PL- 350/13 village Berezovka) Komi ASSR.

Broad erudition, an inquisitive mind, restlessness of nature, a desire for self-improvement, and significant work capacity contributed to Nikolai Ivanovich's admission in 1991 to the full-time postgraduate course of the Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Even then, his research talent and pedagogical inclinations of a future scientist and teacher were seriously manifested.

In 1995, after completing his postgraduate studies, he successfully defended his thesis "Legal facts in labor law" for the degree of candidate of legal sciences in the scientific specialty 12.00.08 – criminal law and criminology; penal law. Nikolai Ivanovich's scientific adviser was one of the leading Soviet scientists of penitentiaries, candidate of legal sciences, associate professor Alexander Sergeevich Sevryugin.

The desire not only to master legal science, but to understand its value essence as deeply as possible contributed to the defense in March 2009 of a dissertation research for

---

* **Komarov Sergey Aleksandrovich**, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Education of RAE, Full State Advisor of the Russian Federation, III class. E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

** **Vorobyev Sergey Mikhailovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

the degree of Doctor of Law on the topic "Evolution and state of the theoretical model of the relationship between the rule of law, legal relationship and legal fact" scientific specialties: 12.00.01 – theory and history of law and state, history of doctrines about law and state; 12.00.08 – criminal law and criminology, penal law. One of the leading Russian theorists of state and law, Doctor of Law, Professor Sergey Aleksandrovich Komarov became the scientific consultant for Nikolai Ivanovich's doctoral dissertation.

In 2012, by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, he was awarded the academic title of professor.

Formation of N.I. Polishchuk as a scientist and teacher, he is closely associated with the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, where he went a glorious way from an adjunct to the head of the department, professor of the department. During his work in teaching positions, he has established himself as a capable, highly qualified, competent, proactive employee who can not only correctly set tasks for himself and his students, but also competently organize their timely and high-quality implementation. For a number of years he has been teaching lecture courses in specialized disciplines of training adjuncts in the specialty 12.00.01 – theory and history of law and state; history of doctrines about law and state at the faculty of training scientific and pedagogical personnel, as well as in the disciplines "Theory of state and law", "Constitutional law of Russia", "History of political and legal doctrines", "Comparative jurisprudence" at the law faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. In order to improve the training of employees of the penal system, he pays special attention to the creation of a modern educational and methodological base, is the author of more than 50 educational and methodological works. She pays special attention to the introduction of modern innovative and telecommunication learning technologies into the educational process of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Professor Nikolai Ivanovich Polishchuk makes a significant contribution to the development of legal science. He is the initiator and organizer of many international, all-Russian and interuniversity scientific conferences, within the framework of which dialogue platforms are created for representatives of state authorities, civil society institutions, and the scientific community on issues related to increasing the efficiency of interaction between the state and society in ensuring human rights in Russia as a whole and in the penal system in particular. He is known in scientific and university circles in Russia, as well as near and far abroad.

As a prominent scholar in the field of jurisprudence, he deals with the theoretical and applied aspects of the state-legal organization of society. She is the author of over 120 scientific publications, including 14 monographs, 2 courses of lectures, 3 textbooks, 3 comments on the Constitution of the Russian Federation. The most significant works are: "A theoretical model of the relationship between the rule of law, legal relationship and legal fact" (2008); "Care for persons serving sentences" (2011); "Humanizing the Execution of the Sentence of Deprivation of Liberty for Convicted Women" (2012); "Theory and practice of legal regulation of lobbying (Russian and foreign experience)" (2015); "Course of Criminal Executive Law: textbook. in 3 vol." (2017); "Commentary on the Constitution of the Russian Federation / under. ed. S.A. Komarov. 3rd ed., Rev. and add" (2019); "Legal relations in modern legal reality: traditional approaches and new concepts" / ed. R.L. Khachaturov (2019), "Fundamentals of State and Law" (2020).

Professor Polishchuk N.I. founder and head of the scientific school "Theoretical and practical aspects of the state legal organization of society". Conclusions, conclusions and proposals contained in scientific publications are widely used by scientists and practi-

tioners in carrying out diverse scientific research, improving Russian legislation, the practical activities of institutions and bodies executing criminal punishment, the educational process of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, preparing educational and methodological aids used for practical use in the system of training, retraining and advanced training of personnel of the penal system. Under his scientific guidance, 10 applicants became candidates and doctors of legal sciences, at present, 3 dissertations for the degree of candidate of legal sciences were discussed at the department and were recommended for defense.

Professor N.I. Polishchuk is the developer and co-author of a number of bills that were adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The most significant of them are proposals for amendments and additions to the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-1 "On institutions and bodies executing criminal sentences in the form of imprisonment"; The Penal Code of the Russian Federation; Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 "On Service in the Penitentiary System of the Russian Federation" and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Sentences in the Form of Imprisonment"; departmental normative legal acts regulating the activities of assistants to the heads of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in organizing work with believers.

Special attention should be paid to the work on the organization and holding of international, all-Russian and interuniversity scientific conferences within the framework of which dialogue platforms are created for representatives of state authorities, civil society institutions, and the scientific community on issues related to increasing the effectiveness of interaction between the state and society in ensuring human rights in Russia as a whole, and in the penal system – in particular.

Professor Polishchuk N.I. takes an active part in social, scientific and pedagogical activities. He is the vice-president of the Interregional Public Organization "Interregional Association of State and Law Theorists". Since November 2012, he has been the head of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: historical, legal and theoretical and methodological aspects", within which a scientific and practical Bulletin is regularly published, which is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

For many years he is the editor-in-chief of the Bulletin "Interaction of the penal system with the institutions of civil society: historical and legal and theoretical and methodological aspects"; a member of the editorial board of magazines: "Man: Crime and Punishment" (Ryazan); "Theory of State and Law" (Moscow); "Legal Thought" (St. Petersburg); "Bulletin of the Kostroma State University. Series: Legal Sciences" (Kostroma); Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Voronezh), etc.

Professor Polishchuk N.I. works closely with various institutions and government bodies. He was a member of the scientific and expert council of the State Duma Committee on Security and Anti-Corruption, an expert on legal expertise of the Legal and Analytical Directorates of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Currently, he is an expert in conducting legal expertise of regulatory legal acts of the Ryazan region, a member of the commission for holding a competition for filling vacant positions in the state civil service of the apparatus of the Government of the Ryazan region, an expert of the commission for attestation of government and civil servants of the apparatus of the Government of the Ryazan region, an expert at the All-Russian competition of youth educational institutions and scientific organizations "My legislative initiative", etc.

While serving in the internal affairs bodies, he carried out various service and combat missions in the regions of the Caucasus and Moscow (1990, 1991, 1995). Awarded with medals: "For impeccable service" I, II, III degrees, "For loyalty to duty and the Fatherland", "Participant of the counter-terrorist operation in the Caucasus", "For diligence in service" II degree, "In memory of the 200th anniversary of the Ministry of Justice of Russia", "Zhukov Medal", "For Impeccable Service" II degree, "For Creative Contribution to Science, Culture and Education", "Veteran of the Penitentiary System", a silver medal "For Contribution to the Development of the Penitentiary System of Russia", a badge " For excellent service in the Ministry of Internal Affairs ", the Badge of the Central Committee of the Komsomol "Military Valor", the badge of honor of the penal system "For Distinction in the Service" of the II degree, etc.

In December 2013, N.I. Polishchuk was awarded the title of laureate of the regional legal award "Lawyer of the Year of the Ryazan Region" in the nomination "Legal Education, Science and Education".

For services in the field of education, by the Order of the Ministry of Education and Science of Russia, Polishchuk N.I. awarded the title "Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation".

Members of the Interregional Association of Theorists of State and Law, collectives of the magazines "Theory of State and Law", "Legal Thought" on the day of the Jubilee wish Nikolai Ivanovich Polishchuk from all his many friends, colleagues, a galaxy of students – good health, creative longevity, happy personal life and success in all creative endeavors.

We love you for your kind disposition and human qualities. We are pleased to walk alongside you along the thorny scientific and teaching path, to share equally all the difficulties and joys of the chosen profession. Let the inner fire kindle the torch of vitality and optimism! Professionalism gives self-confidence! Your favorite work brings pleasure, joy, inspires new successes and gives the benefit and respect of the people around you!

For citation: Komarov S.A., Vorobyev S.M. Anniversary of Polishchuk Nikolai Ivanovich // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P.249–252. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.20.4.016

ATTACHMENT

**POSTGRADUATES AND DOCTORS,
defended dissertations under scientific supervision
Professor N.I. Polishchuk**

DOCTOR'S DISSERTATIONS

№№ p / p	FULL NAME	Dissertation title	Specialty	Date and place of protection
1.	Vorobiev Sergei Mikhailovich	Evolution of the institution of compensation for moral harm in Russian law (theoretical and legal research)	12.00.01 – theory and history of law and state, history of doctrines about law and state	Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, (2014)

Theory of State and Law

CANDIDATE DISSERTATIONS

<i>No№ p/p</i>	<i>FULL NAME</i>	<i>Dissertation title</i>	<i>Specialty</i>	<i>Date and place of protection</i>
1	2	3	4	5
1.	Kokhman Vadim Nikolaevich	Legal infiltration of international law into the criminal-executive legislation of the Russian Federation	12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov, (2010)
2.	Korobova Irina Nikolaevna	Effectiveness of the norms of criminal executive law	12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov, (2010)
3.	Ivanova Natalia Alexandrovna	Humanization of the execution of punishment in the form of imprisonment against convicted women in modern conditions	12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, (2011)
4.	Bazhenov Victor Viktorovich	Organizational and legal forms of care for persons serving a sentence: historical and legal research	12.00.01 – theory and history of law and state, history of doctrines about law and state	Institute of Law (St. Petersburg), (2011)
5.	Shuranova Olga Alexandrovna	Prevention of Criminal Behavior of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty	12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, (2011)
6.	Brovkina Alexandra Alekseevna	Implementation of the functions of criminal executive law: theoretical and applied research	12.00.01 – theory and history of law and state, history of doctrines about law and state; 12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, (2014)
7.	Yunusov Samur Abdulzhabarovich	The principle of justice in penal law: theory issues	12.00.01 – theory and history of law and state, history of doctrines about law and state; 12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, (2014)
8.	Pestova Oksana Yurievna	Legal regulation of the provision of medical care to prisoners sentenced to imprisonment in Russia	12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Russian Academy of Advocacy and Notary, (2018)

Теория государства и права

End of table

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
9.	Kokhman Dmitry Vadimovich	The legal mechanism for the implementation of amnesty in the Russian Federation and the social consequences of its application	12.00.08 – criminal law and criminology; penal law	Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, (2020)

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат».

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет, с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Редактор, переводчик **М.В.Старцева**
Верстка **И.И.Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.10.2020. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 31,27. Усл. п.л. 20,9. Тираж 250 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru